

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Багряла

Рг. II. Д. 26

М. Д. М. М. М.

Р. а. р. а. б. е.

с. м. С. м. т. р. е. н. т. (С. р. II.

163

К 934/11

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

О

МѢСТНИЧЕСТВѢ,

ИЗДАТЕЛЬ

Д. В. АЛУЕВЪ

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
1845.

1407424746 d. 35

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 20 -го дня, 1845 года.

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

Нашъ трудъ надъ мѣстничествомъ раздѣлится на три части.

I. По возможности полное исчисленіе всѣхъ источниковъ мѣстничества, разрядовъ, и вообще чиноначалія и службы, какъ нераздѣльно связанныхъ съ нимъ.

II. Подробный коментарій на всѣ мѣстническіе случаи въ прилагаемой при семъ, разрядной.

И наконецъ ч. III (послѣ этихъ двухъ предварительныхъ частей) объясненіе общаго значенія мѣстничества, изложеніе самой системы мѣстническихъ отношеній, его значенія въ Государствѣ, его развитія и въ немъ совершавшихся измѣненій.

Приступивъ къ занятію мѣстничествомъ, мы скоро убѣдились, что отчетливое изложеніе его общихъ началъ и системы отношеній, почти вовсе не возможно, безъ предварительнаго подробнаго экзегетическаго коментарія на одинъ изъ уцѣлѣвшихъ отъ мѣстничества современныхъ памятниковъ. Мѣстничество доселѣ представляется намъ какимъ-то вовсе закрытымъ для насъ, отдѣльнымъ и самозаключеннымъ въ себя міромъ странныхъ и безтолковыхъ понятій и отношеній, отъ котораго потеряны всѣ преданія и утрачены всѣ ведущія къ нему нити. И потому мѣстничество, можетъ быть, болѣе, чѣмъ самое Римское право, въ эпоху возрожденія наукъ, требуетъ надъ собою того экзегетическаго процесса и мѣлочной разработки, черезъ которую перешло это Римское право въ эпоху экзегетиковъ. Такой процессъ для него необходимъ. Только тогда, когда оно пройдетъ чрезъ такую разработку, будутъ сведены вмѣстѣ и объяснены всѣ его особенныя, ему исключительно принадлежащія понятія и выраженія, будутъ разобраны его отдѣльныя и частныя отношенія, а для этого будутъ составлены подробныя параллельныя таблицы всѣхъ родовъ и службъ, будетъ возможно полное и отчетливое изложеніе всѣхъ его общихъ началъ, основныхъ положеній и правилъ.

Но пока все это исполнится и такъ какъ до сихъ поръ изъ всего нами указаннаго еще почти ничто и не начато, то мы рѣшились сами начать съ такого частнаго экзегезиса и потомъ уже перейти къ общему, болѣе систематическому изложенію значенія, общихъ началъ и исторіи мѣстничества. — Такимъ образомъ, мы постараемся провести нашъ трудъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ бы необходимо прошла цѣлая наука внутренней исторіи Россіи, еслибы только она существовала у насъ; — ибо считаемъ добросовѣстное и отчетливое исполненіе нашей задачи почти невозможнымъ, безъ такого предварительнаго труда, который не позволяетъ обойти молчаніемъ ни одной частности, ни одного, повидимому, мелкаго и незначащаго явленія, не объяснивъ его и не указавъ ему его мѣсто въ значеніи цѣлаго. Въ такомъ же предметъ, какъ мѣстничество, въ которомъ наука еще не имѣетъ никакихъ предшествующихъ уже выработанныхъ ею данныхъ, повѣркою какъ для себя, такъ и для читателя могутъ быть лишь факты, взятые въ той случайности, въ которой представляетъ ихъ великій современный памятникъ, а не въ той намѣренной разстановкѣ, въ которой передаетъ ихъ прямое систематическое изложеніе предмета, неперешедшее черезъ такую повѣрку.

Разумѣется что для такой предварительной разработки мы должны были ограничиться однимъ какимъ нибудь памятникомъ. Мы избрали для этого разрядную, а не мѣстническое дѣло, ибо кругъ разрядной гораздо шире и сверхъ того, всякое отдѣльное дѣло, какъ бы оно широко не обнимало вопроса и всѣхъ возможныхъ отношеній, должно необходимо представить въ себѣ много случайнаго и частнаго, и повести къ одностороннимъ заключеніямъ. Сверхъ того, разрядныя доселѣ у насъ гораздо менѣе извѣстны, чѣмъ дѣла по мѣстничеству, и мы сочли не бесполезнымъ прибавить къ числу печатныхъ источниковъ такого рода имѣвшуюся у насъ разрядную, которая обнимаетъ, какъ мы увидимъ, самую важную эпоху въ исторіи мѣстничества: послѣднее 25-лѣтіе царствованія Іоанна Васильевича, царствованіе Феодора и Годунова. По сличеніи же ее съ другими разрядными (въ Мс. Арх:Мин. Ин. Дѣлъ), мы нашли что, если она и не такъ полна, какъ другія, въ отношеніи къ числу самихъ случаевъ, за то во многихъ мѣстахъ гораздо подробнѣе и заключаетъ въ себѣ многіе грамоты, которыхъ не имѣется въ другихъ, а эти грамоты и такая подробность особенно важны для разысканія надъ мѣстничествомъ. —

Часть I.

Источники мѣстничества:

Укажемъ сперва на напечатанныя разрядныя и все относящееся къ нимъ:

Первые разряды (подъ этимъ названіемъ) были напечатаны Новиковымъ въ его древней Вивліюнкѣ, т. XIII. стр. 247—455 и т. XIV стр. 290—496. Они идутъ отъ 1556 до 1574 и отъ 1576—1786. Слѣдовательно обнимаютъ ту же эпоху, къ которой относится и нами выбранная разрядная. Но разрядная книга Новикова не представляетъ далеко той важности. Въ ней недостаетъ тѣхъ 16 лѣтъ, которыя наиболѣе богаты случаями о мѣстничествѣ, въ ней мало грамотъ о мѣстническихъ дѣлахъ, и ни одной, которая бы представляла сколько нибудь подробный разборъ ихъ, встрѣчаются пропуски, перепутаны года и т. д.)

Сверхъ того, хотя и не подъ тѣмъ названіемъ, мы имѣемъ полные разряды, отъ 1632 года до 1655-го въ *Повседневныхъ Запискахъ Царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича* напечат. при И. М. Университетъ 1769 г. ч. II. Сколько намъ извѣстно, никто еще печатно не относилъ ихъ къ числу разрядныхъ; и дѣйствительно на первый, поверхностный взглядъ онѣ представляются чѣмъ-то совершенно инымъ отъ Новиковскихъ разрядовъ единственного мѣрила и образца, на которомъ основывались доселѣ всѣ сужденія объ этомъ предметѣ. Новиковскіе разряды заняты, почти исключительно, военными походами, *Повседневный* же записки состоятъ, почти также исключительно, изъ одного распорядка службы придворной. Но при этомъ надобно вспомнить, что конецъ царствованія Іоанна Грознаго былъ весь занятъ войнами и даже мирное царствованіе Феодора Іоанновича было не разъ нарушаемо военными приготовленіями и даже походами на непріятеля. Время же съ 1632 до 1655 года почти все мирное. Сверхъ того, разсматривая другія разрядныя того времени, и постепенное развитіе мѣстничества, мы находимъ, что самый составъ разрядныхъ уже измѣнился къ тому времени и въ нихъ вошло гораздо болѣе распорядка службы придворной.—Наконецъ въ ч. II. на стр. 196, послѣ приведеннаго Указа сказано: »и сей свой Государевъ указъ велѣлъ

(*) Впрочемъ у издателей Вивліюнки цѣлый годъ часто исчезалъ при переводѣ стараго года, начинавшагося съ Сентября на нашъ новый, Генварьскій годъ.

записать въ разрядную книгу.—Таковъ выводъ апріори.—По справкѣ же въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ оказывается, что эти *Повседневныя Записки* напечатаны изъ Разрядныхъ портфелей Миллера (XIV за исключеніемъ первыхъ 2-хъ годовъ 1630 и 1631. XV. и начала XVI). Причина, по чему издавая этотъ отрывокъ изъ своего большого труда надъ разрядными (*), онъ назвалъ ихъ *Повседневными записками* (когда онъ далеко не повседневныя) легко объясняется 1769 годомъ заглавнаго листа, еще слишкомъ близкимъ къ тому времени, когда мѣстничество, а съ нимъ и разряды на соборѣ всея земли объявлены были Богоненавистными и пр. Вспомнимъ при этомъ, что еще въ 1719 г. Петръ Великій запрещалъ мѣстничаться въ коллегіяхъ (Плн. Собр. Зак. т. V стр. 713). Послѣ этого очень понятно, почему Миллеръ не только перекрестилъ свои разряды въ Записки, но даже не осмѣлился помѣстить, противъ обыкновенія всѣхъ ученыхъ изданій того времени, предисловія или предувѣдомленія о томъ, что за книга имъ изданная? откуда заимствована и т. д. опущеніе еще болѣе непонятное въ многоученомъ добросовѣстномъ Нѣмцѣ.

Кромѣ того, много выписокъ изъ разрядныхъ (**) встрѣчается въ нашихъ Историкахъ и Лѣтописцахъ, преимущественно же у Карамзина.

Выписки изъ Бекетовской разряд: отнесенной имъ къ 1476 (см. т. VI примѣч. 139).—т. VI пр. 139, 201, 299, 492, и 628.—Выписки изъ Архив. Разр. (Рукописи, находящейся въ Архивѣ Мин. Ин. дѣлъ подъ № 3).—т. VI пр. 422, 462, 483, 488, 489, 507, 541. въ т. VII пр. 13, 36, 31, 33, 34, 90, 98 и 253.—

(*) Огромный трудъ Миллера, или вѣроятно только составленный подъ его надзоромъ, остался какъ видно изъ многихъ мѣстъ неоконченнымъ. Задача его казалась, состояла въ слѣд: взявъ одну разрядную за основаніе, онъ выписывалъ погодно изъ всѣхъ другихъ разрядовъ, все, что въ нихъ находилось противъ не лишняго и по тому, почти у каждого года, оставлены имъ были страницы въ надеждѣ на дальнѣйшія дополненія (см. первые портѣ). Сверхъ того встрѣчаются повторенія, ссылки на другія разрядныя и наконецъ явныя грубыя описки переписчиковъ, такъ на пр. 1503-ой годъ почти слово въ слово (но съ вѣсногными пропусками) сходенъ съ тѣмъ же годомъ Архивной Разрядной № 3 (128);—но вмѣсто: *Король Жигмонтъ* (40 л.) у Миллера прт. II, 21 л. же *вечтъ*;—*Оедку Святошу*, у Миллера *сташа*,—и послалъ мастеровъ *Фрлзъ* а у Милл. въ *Рязань* (что явно противорѣчитъ смыслу). Такъ и въ *Повседневныя записки* вошли повторенія, которыхъ въ разрядахъ нигдѣ не встрѣчаемъ; такъ стр. 204 и 205 дѣло съ Рыннвымъ. Вообще видно, что Миллеръ успѣлъ только приготовить матеріалы для своего труда, но ни обработать окончательно, ни даже (какъ кажется) просмотрѣть его, преимущественно же въ древнѣйшихъ разрядахъ.

(**) Разумѣется, что мы не указываемъ на выписки изъ Новик. разр.

Начиная съ IX тома Карамзинъ не обозначаетъ болѣе той или другой разрядной, а ссылается просто на разряды или разряды такого-то года: т. IX. пр. 66, 365, 386, 387, и 388, 412, 426, и 429, 460, 462, 465, 470, 490, 491, 509, 525, 527, 529, 547, 550, 554, 583.—т. X. пр. 98, 181, 133, 141, 183, 186, 262, 269, 276, 359.—т. XI пр. 15, 17, 11, 19, 36, 68, 146, 207, 265, 277, 284, 285, 342, 368.—т. XII. пр. 198, 229, 500 и 501.

У Щербатова т. VIII. разрядъ похода 1568 года, также на стр. 145, 347, 348, 349, 350, выписки изъ разрядовъ о службахъ бояръ;—т. IX. стр. 48 и 82. Выписки изъ разрядовъ.—т. XI. стр. 115. Разр. походу 1587 году, 190 до 214 стр. службы бояръ, выписаны изъ разрядовъ.—т. XII. стр. 27 и 88;—т. XIII. на стр. 113, разр. 1600 г.—на стр. 128, 1601 г. и на 230-й, 1604 года.—т. XIV. стр. 194 и 198. службы Бояръ.

Арцыбышева повѣствованіе о Россіи. т. III. кн. V выписки изъ разр. пр. 260, 262.—книг. VI. LXXIII. LXXV. и LXXVI.

Въ *лѣтописцахъ* встрѣчаются преимущественно разряды похода Казанскаго, впрочемъ также и нѣкоторые другіе.—*Казанскій лѣт.* Спб. 1792 г. глава LVI разр. воеводъ подъ Казанью.

Руск. Лѣт. Спб. 1792 г. т. III. на стр. 79 и 217-й;—и т. V. на стр. 229.

Лѣтопись о мятежахъ стр. 277, 332 и 355-я; въ ней же разр. при вѣнчаніи на Царство Мих. Ѳедор. и при свадьбѣ Мих. Ѳед. и Алекс. Михайл.

Лѣтописецъ съ 1206 г. Москва 1784 г. Разр: подъ Казанью стр. 339.

Царственная книга также разр. подъ Казанью 250 и 263 тр.—

Никон. Лѣт. т. VII. стр. 5, «и о воеводскомъ разрядствѣ подъ Казанью» стр. 115, 150, 159, 172, и 314.

Сверхъ того, встрѣчаются разряды, или, по крайней мѣрѣ, указанія, какія лица, въ томъ или другомъ случаѣ, занимали какія мѣста и пр. при свадьбахъ, посольскихъ обрядахъ и встрѣчахъ, погребеніяхъ, вѣнчаніяхъ на Царство и пр.

Свадьбы были собраны преимущественно Новиковымъ въ *Древ. Виѣл.* т. XIII.—Свадьбы, начиная отъ Кн. Вас. Данилов: Холмскаго до 2-й свадьбы Царя Алексія Михайловича. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ на пр. въ 3-й свадьбѣ Царя Ив. Вас. Грознаго стоитъ отдѣльно: разрядъ свадьбъ.

Описаніе *тринадцати старинныхъ свадебъ Великихъ Россійскихъ Князей и Государей*, издалъ Матвѣй Комаровъ. М. 1785 г.

Описание первой свадьбы Ц. Ал. Мих. 1648 г. соч. И. Терново-Орловскаго. М. 1797 г.

Описание въ лицахъ бракосочетанія въ 1626 г. Г. Ц. и В. К. Мих. Θεод. издалъ Платонъ Бекетовъ М. 1810 г.

Также въ Труд. Вол. Рос. Собр. т. II-й стр. 293. Разрядъ свадьбы В. К. Василья Ивановича; — стр. 102 разрядъ свадьбы Князя Ивана Дмитриевича Бѣльскаго; — т. V. Роспись изъ разр. Архива о кончинѣ Іоанна Алексѣевича и рожденіи Петра В. стр. 99.

Въ Вивл. части XIV. № 1, и 2: Отпускъ и поѣздка В. К. Елены Іоанн. 1495 г. — 3, и 4: Записки о пріѣздѣ и бытности Грузинскихъ Царевичей; — 5: Преставленіе Вел. Кн. Алексѣя Алексѣевича; — 7: Чинъ погребенія Царевны Татьяны Михайловны 1706 г.

Въ Собр: Госуд. Гр. и Договор. т. II. стр. 163. № 77. Статья, выписанная изъ разрядной книги о сынѣ Стрѣлецкаго головы Богдана Отрепьева Гришкѣ. — стр. 289 № 138. Отрывокъ брачнаго обряда, при Лжедмитріевой свадьбѣ съ Мариною 1606 г. — т. III. стр. 70 № 16-й Чинъ въпчанія на Всероссійское Царство Государ. Ц. и В. К. Мих. Θεодоровича. — стр. 538. № 184. Описание въѣзда въ Москву Г. Ц. Алекс. Мих. по возвращеніи его изъ польскаго похода. — т. IV. стр. 650, № 221, Выписка о кончинѣ Г. Ц. Іоанна Алексѣевича и церемоніаль погребенія его въ Архангельскомъ Соборѣ. 1696 г.

Туманскаго, Записки о Петрѣ Великомъ. т. V. стр. 127. Разрядъ при Рожденіи Петра Великаго. — стр. 168 до 181, разряды при кончинѣ Царя Алек. Михайловича.

Въ Описаніи розряднаго Архива Иванова. Описание церковныхъ церемоній отъ стр. 307 до 337-й.

Акты Историческіе т. II. стр. 307, № 259—1609 г. Августа 28. — Росписи Смоленскихъ дворянъ и дѣтей Боярскихъ по городу, воротамъ и башнямъ для осаднаго времени, и боевыхъ снарядовъ, и къ нимъ пушкарей и Стрѣльцовъ. — т. III. стр. 332 № 182 1635 г. Генваря 4. Списокъ посольскаго обряда при пріемѣ въ Москвѣ Литовскихъ пословъ.

Важнымъ дополненіемъ къ Разрядамъ служатъ Выписки изъ Разрядной Архивы, въ той же Внеліоѣнкѣ, т. XVI стр. 327—419. Онѣ заключаютъ въ себѣ выписки разборныхъ, записныхъ и переписныхъ книгъ 1612, 1632, 1653, 1676—1700, росписи, указы о службѣ и разборахъ. Разныя статьи изъ Разряда (1687—1688), выписки о счетныхъ дѣлахъ и пр. (1526)

Наконецъ о самомъ Разрядѣ см: *Описаніе Государств. Разр. Архива* составленное П. И. Ивановымъ, Москва, 1842 года. Въ этомъ сочиненіи изложены кругъ дѣятельности и объемъ занятій, разряд. приказа, какіе производились въ немъ дѣла, хранились и велись бумаги и списки, какіе засѣдали чины и т. д. Все это занимаетъ XXII, 45 и 92 стр. т. е. отъ начала, до документовъ и приложений.

Источники Мѣстничества въ тѣсномъ смыслѣ:

Дѣла по Мѣстничеству:

Первое довольно полное дѣло по мѣстничеству было помѣщено въ *Сборникъ П. А. Муханова*, Москва, 1836 г. на стр. 150-й. № 93. Дѣло стольника Князя Дмитрія Михайл. Пожарскаго съ Стольникомъ Княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ 1603 года. Но въ первый разъ значительное число такихъ дѣлъ было напечатано П. И. Ивановымъ въ *Рус. Ист. Сбор. Общества Ист. и Древ. Россійск.* Москва. т. II-й 1838 года и т. V-й 1842 г.

Сверхъ того, 8 дѣлъ по мѣстничеству (но неполныхъ) находится въ *Описаніи разр. Архива* П. И. Иванова, отъ 337 до 359 стр. Тутъ же находится и дѣло К. Козловскаго 7191—1683 г. самое позднее изъ всѣхъ, которые, сколько извѣстно, дошли до насъ (Напечатанное прежде въ *Москвитинѣ* 1843 г. № 2. и въ *Ист. Сборн.* т. V).

Въ *Полномъ Собраніи Законовъ* СПБ. 1830 г. Приговоры по Мѣстническимъ дѣламъ или указы, болѣе или менѣе относящіеся къ мѣстничеству:

Томъ I.

1649 г. Февр. 27, стр. 163. № 3. О наказаніи за отреченіе отъ должности по расчетамъ мѣстничества—1649 г. Іюня, стр. 169. № 12. Объ основаніяхъ исковъ мѣстничества и о судебномъ разсмотрѣніи оныхъ.

1650 г. Апр. 1. стр. 225. № 28. О расчетахъ мѣстничества и о наказаніи за несправедливое притязаніе преимущества предъ другими. — Апр. 10. стр. 225. № 29. О наказаніи Княз. Ив. и Алексѣя Лыковыхъ, за несправедливое мѣстничество противу Кн. Буйносова-Ростовскаго. — Маія 15. стр. 236. № 37. О заключеніи въ тюрьму Бояр. В. Головина за несправедливое мѣстничество противу Бояр. К. Б. Репнина. — Маія стр. 237. № 38. О заключеніи въ тюрьму Стрѣлецк. Головъ Евст. и Ив. Зыбиныхъ; за несправедливое мѣстничество противъ Окл. Богд. Хитрова. —

Іюля 29. стр. 242. № 41. О несправедливомъ мѣстничествѣ Ромодановскаго противъ Бояр. Ів. Салтыкова.

1651 г. Марта 30. стр. 252. № 60. О взысканіи штрафа съ К. В. Ромодановскаго за несправедливое мѣстничество противу В. Бутурлина.—Марта 30. стр. 253. № 61. О наказаніи за непринятіе пожалованнаго чина.

1652 г. Февраля 9. стр. 263. № 74. О наказаніи Кн. Д. Мышецкаго за несправедливое мѣстничество противу Окольного Михайла Плещеева.—№ 75. О наказаніи заключеніемъ въ тюрьму за несправедливое мѣстничество противу Бояръ К. Юр. и брата его К. Дм. Долгорукихъ.—Марта 25. стр. 265. № 77. о расчетахъ мѣстничества и о разсмотрѣніи оныхъ лицами, старшими въ родѣ.

1653 г. Марта 31. стр. 287. № 95. О взысканіи денежнаго штрафа за несправедливое мѣстничество.

1655. Іюня 3. стр. 363. № 156. О учиненіи Свѣжскихъ Мурзь и Татаръ Головъ Мих. Наумову наказанія кнутомъ, за непослушаніе и невѣжливыя слова и о ссылкѣ его въ Сибирь.—Декабря 21. стр. 371. № 169. о Бытіи во всѣхъ Государствахъ Россійскимъ посламъ и посланникамъ между собою безъ мѣсть.

Томъ II.

1678 г. Нояб. 5. стр. 181. № 738. О состояніи Боярамъ и Воеводамъ въ походѣ противу Турокъ по росписи, не наблюдая мѣстничества.

1679 г. Нояб. 2 стр. 218. № 775. Именной съ патріаршимъ и Боярск. приговоромъ. О ненаблюденіи расчетовъ мѣстничества по нарядамъ въ крестные ходы.—(см. Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. IV.)

1680. Нояб. 3. стр. 281. № 840. О намѣреніи Султана начать войну, о высылкѣ служивыхъ людей въ Москву.

1682. Генваря 12. стр. 368. № 905. Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества.

Томъ V.

1719. Іюня 4. стр. 713. № 3384. О пресѣченіи мѣстничества и о порядкѣ Старшинства Коллежскихъ Членовъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ печатныхъ матеріаловъ для мѣстничества находимъ мы также въ *Москвит.* 1843 г. № 1-й стр. 233. *Память Генадія Бутурлина.*

Далѣе болѣе или мѣнѣе относящіеся къ Мѣстничеству, или какъ отрывки изъ мѣстническихъ дѣлъ находимъ мы слѣд. грамоты:

Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. II. № 38. стр. 46 приговоръ Гос. Ц. Іоанна Васильевича, въ какомъ порядкѣ на Государевѣ службѣ Воеводамъ по полкамъ считаться въ старшинствѣ; а Князьямъ и Дворянамъ и дѣтямъ Боярскимъ быть на службѣ подѣ начальствомъ у меньшихъ, безъ предосужденія впредѣ въ счетѣ отечеству ихъ, 1550 г. (Тоже при Судебн: Дополн. Др. Вивл. ч. I. стр. 200.—*Максимов. Памяти Рус. Закон. т. I;—Ист. Акты т. I. № 154.~въ Архив. разряд. № 2. ст. 105.—№ 5. ст. 156.—№ 48. ст. 241.)—№ 41. стр. 52. Невмѣстная грамота Гос. Ц. Іоанна Васильевича Воеводѣ Замятнѣ Ивановичу Сабурову.*

Томъ III. № 18. стр. 90. Выписка изъ разрядной книги: о выдачѣ головою по повелѣнію Гос. Ц. Михаила Федоровича Бояр. К. Дим. Мих. Пожарскаго, Бояр. Бор. Мих. Салтыкову, за необъявленіе пожалованнаго ему Салтыкову боярства 1613 г.—№ 36 стр. 156—1617 г. Окт. 18. Наказъ данный Госуд. Ц. Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Бояр. и Воев. К. Дм. Мих. Пожарскому о бытіи ему обще съ Воеводою Княз. Леон. Гагаринымъ, на Госуд. службѣ въ Калугѣ.—№ 55. стр. 222. 1621 г. Мая 30. Указъ Ц. Михаила Ѳеодор. и Патріарха Филарета о томъ, чтобъ дворяномъ посылаемымъ въ званіи пословъ, посланниковъ и гонцовъ мѣстами не считаться.

Т IV. № 115. стр. 371. Указъ Ц. Ѳеодора Алексѣевича, объявленный разнымъ чинамъ на постельномъ крыльцѣ, о томъ: чтобы отнюдь не считаться отечествомъ и не ставить никому въ укоризну, и оскорбленіе назначенія въ крестные ходы для препровожденія св. иконъ, подѣ опасеніемъ за неповиновеніе, строжайшаго наказанія отъ Государя, 1679 г. Ноября, 2 дн.

№ 116 стр. 372 Докладная записка, поданная Госуд. Ц. Ѳеодору Алексѣевичу о намѣстничествахъ, коими по старшинству при посольствахъ и переговорахъ, прежде пользовались и могутъ впредѣ пользоваться Бояре, Окольные, Думные люди, Стольники и Дворяне 1680, въ Мартѣ.

№ 130. стр. 396. Соборное дѣяніе объ уничтоженіи Государемъ Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ мѣстничества 1682 г. Генваря 12.—Тоже Древ. Рос. Вивл. т. XVII. стр. 422—455. — Полн. Собр. Зак. т. II. № 905.

№ 161. стр. 478. Указъ, объявленный Московскимъ чинамъ и годовымъ дворянамъ о немедленномъ представленіи родословныхъ росписей въ Разрядъ 1683 г. Окт. 28 дн.

№ 168. стр. 490. Указъ Г. Ц. Ближнему Бояр. К. Вас. Вас. Голицыну, о взысканіи безчестья съ тѣхъ, которые напишутъ безъ вича жену думнаго дворянина.

№ 183. стр. Докладная Выписка, о внесеніи имени стряпчаго съ ключемъ Семена Полтева въ Боярскую книгу, подъ думными дворянами съ вичемъ 1687. Маія 8.

№ 212 стр. 633. Докладная выписка о томъ, что бы имена дьяковъ къ Разрядныхъ Боярскихъ книгахъ и городовыхъ спискахъ впредь писать съ отчествами 1692 г. Марта 1.

Въ *Актахъ Археогр. Эксп.* находится слѣд. указанія: т. I. стр. 335 № 289. 1575—1584. Опись Царскаго Архива. —

Ящикъ 145 а въ немъ «дѣла судные о мѣстахъ Князя Юрья Голицына съ Кн. Юрьемъ Темкинымъ и проч.—» Ящикъ 215. — Ящикъ 217 дѣла Судные о мѣстахъ.

Писано о мѣстничествѣ доселѣ весьма не много: Въ *Вѣст. Европы* 1815 г. часть 81. стр. 184. статья О. М. Карецкаго, въ коей изложены съ ясностью общія понятія и факты о мѣстничествѣ. *Русск. Сборн.* II-й т. Статья П. И. Иванова, отъ I до XV. стр. указывающая преимущественно на историческій ходъ мѣстничества. — въ т. III. двѣ статьи М. П. Погодина, стр. 269 и 371 въ которыхъ особенно указано на основныя положенія мѣстническихъ споровъ и на историческое значеніе мѣстничества; — и того же автора въ *Жур. М. Н. П.*: О старшинствѣ между Князьями древней Руси, ст. I. 1841. № 2-й и ст. II. 1844. № 6, въ конхъ разобраны по даннымъ мѣстничества, старшинство и наследство Князей въ удѣльное время. — Въ *Москв.* 1844 г. № 6 и 7. въ Отвѣтъ на рецензіи *Замѣч.*: объ *Осадѣ Троиц. Лавры* — ст. 284, — 306, кромѣ нѣсколькихъ любопытныхъ выписокъ изъ разр. и вѣрныхъ замѣчаній на самое мѣстничество, основательно разобрано дѣло о выдачѣ Пожарскаго головою Салтыкову.

Мы могли бы также указать на всѣ важнѣйшія мѣста, въ которыхъ помянуто о мѣстничествѣ въ Исторіяхъ Россіи, въ разныхъ сочиненіяхъ по Исторіи Русской и пр. но все это такъ не отчетливо, что незаслуживаетъ ни какого особеннаго вниманія. (*)

(*) Изъ всѣхъ общихъ и частныхъ исторій Россіи, кажется, наиболѣе вниманія на мѣстничество обращено было въ *Ист. Смутаго времени* Д. Бутурлина СПБ. 1833. т. I. стр. 16 до 21, но предположеніе автора о значеніи мѣст-

Съ уничтоженіемъ мѣстничества, мѣсто Разрядныхъ заступили Родословныя. Еще Царь Ѳеодоръ Ивановичъ велѣлъ составить алфавитную роспись дворянскихъ родовъ, подавшихъ свои родословныя въ Разрядъ. Эта роспись напечатана въ концѣ *извѣстій о Дворянахъ Россійскихъ*, Миллера Спб. 1790 г. стр. 372, 494, а самыя родословныя напечатаны подъ названіемъ: *Родословная книга Князей и Дворянъ Россійскихъ и выпъзжихъ всѣхъ родовъ*. Москва 1787. 2 части.

Сокращенное описаніе службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ расположенныхъ по родамъ ихъ, — служащее продолженіемъ краткому *Опыту Историческаго извѣстія о Рос. дворянствѣ*, въ 1804 году напечатанному; собралъ М. Спиридовъ 2 части М. 1810 г.

Росс. Родосл. Сборникъ, изданный Долгорукимъ; 4 книжки С-пб. 1840 г. и 1841 г.; имъ же издано въ 1840 г. С.-пб. *Сказаніе о родѣ Князей Долгорукихъ*.

Въ *Древн. Вивл.* помѣщены нѣсколько родословныхъ; — въ т. IX. Кн. Щербатовыхъ, Рѣпниныхъ, Сонцевыхъ, Кн. Мосальскихъ, К. Одоевскихъ, К. Шаховскихъ. — т. XI. разныхъ бумаги, относящіяся къ роду Левшиныхъ, Князей Волконскихъ и т. XVII. Кн. Голицыныхъ; въ немъ же родословная Куракиныхъ.

Роспись дворянъ *Воейковыхъ*; соч. и издалъ Игуменъ Ювеналій Воейковъ; М. 1789 г. id *Родословіе*. Москва, 1792 г.

Тогоже Ю. Воейкова слѣд: родословія: *Кропотовыхъ* и *Дуровыхъ*; М. 1792 г. — *Чичереныхъ*; М. 1797 г. — *Сабуровыхъ*; М. 1797 г. — *Допухиныхъ* М. 1796 г. — *Коробановыхъ*; М. 1795 г. *Макаровыхъ*; М. 1795 г. — *Козаковыхъ* М. 1792 г. и роспись *Князей Вадбольскихъ* М. 1792 г. — родослов. К. *Голицыныхъ* Спб. — К. *Куракиныхъ* Спб. (см. Сопикова IV. 310) (*).

ничества не подкрѣплено ни какими историческими данными и противорѣчить большей части тѣхъ, которые намъ извѣстны. — Въ *Ист. Рус. народа*, (на пр. см. т. VI стр. 275. и прилож. VIII) исчисленіе споровъ о мѣстахъ есть только выписка изъ Нов. разряд. безъ указанія источника.

(*) Источникомъ и повѣркою для родословныхъ могутъ также служить *Синодики*, сохранившіеся доселѣ во многихъ нашихъ церквахъ и монастыряхъ. Иногда вписывались синодики цѣлыми родами, таковы на пр. нѣкоторые въ Успенскомъ Соборѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ и въ др. См. между прочимъ И. М. Сивгирева *Памят. Моск. Древности*, въ Описаніи Успен. Собора; есть тоже любопытные синодики въ Давидовой пустынѣ, въ 60 верст. отъ Москвы по Тульской дорогѣ.

Краткое описаніе о происшествіи Знаменитаго рода Юрьевыхъ Романовыхъ Ю. Воейкова М. 1798.

Устрялова. Родъ Имян. людей Строгановыхъ: Спб. 1842.

Историческое сказаніе о выѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословіи Левшиныхъ М, 1812.

Въ Сѣвер. Архивѣ 1824. Окт. № 19 Записка о выѣздѣ въ Россію правнуковъ К. Андр. М. Курбскаго.

Родосл: Арсеньевыхъ, Дивовыхъ Нащокиныхъ и др. Бороздина. Спб., 1843.

Родос. К. Россійскихъ Сумарокова Спб.

Въ Запискахъ касательно Россійской Исторіи ч. V, Родословникъ Князей Великихъ и Удѣльныхъ рода Рюрикова; Спб. 1793 г.

Зерцало Россійскихъ Государей С.-пб. 1794 г. Т. Мальгина изд. 3-е стр. 611. до 631. О Древнихъ Россійскихъ Княжескихъ родахъ (во 2-мъ изд. 1791 г. нѣтъ).

Краткое Историческое повѣствованіе о началѣ родовъ Князей Россійскихъ происходящихъ отъ Великаго Князя Рюрика Моск. 1785 г.

Опытъ Труд. Вол. Рос. Собранія. Послужной Списокъ старинныхъ бояръ съ 1462 до 1676,—часть I. стр. 216.— съ 1462 по 1508, ч. II. ст. 268;— ч. III. стр. 341;—ч. IV. стр. 302. и ч. V. стр. 272.—Сверхъ того статьи о Дворянскихъ родахъ въ Энциклоп: Лексиконѣ.

Наконецъ изчислимъ что писано о чинахъ и службахъ въ Россіи:

Въ тѣхъ же Трудахъ Вол. Рос. Собр. ч. III, стр. 43. О древнихъ чинахъ въ Россіи и должности каждаго. Щербатова.

Письмо К. Щербатова въ оправданіе на охуленіе его Исторіи отъ Г. М. Болтина М. 1789, и на него.

Отвѣтъ Болтина К. Щербатову С.-пб. 1789 отъ стр. 106 до 143, заключаетъ въ себѣ, много весьма умнаго и дѣльнаго объ образованіи нашего дворянства о чиновначалѣ и пр. — и Примѣчанія на отвѣтъ Г. М. Болтина; соч. К. Щербатова, М. 1792.

О старинныхъ Степеняхъ чиновъ въ Россіи, въ которыхъ благородные службу производили и какъ были изъ одной въ другую жалованы; также о чинахъ и о ихъ должностяхъ. Москва 1784 г.

Извѣстіе о Дворянахъ Росс. Миллера С.-пб. 1790.

Краткій опытъ историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ соч. Д. м. С. т. п. в. р. е. М. 1804 г.

П. И. Иванова, Обзорные поместных Прав и обязанностей М. 1836 г. глава X. стр. 105 до 128. Древнее Дворянство и чины придворной и военной службы.

Въ опытѣ о *Древностяхъ Рускихъ Успенскаго* Харьковъ, 1818 года, части II-й все первое отдѣленіе отъ 147 до 376 стр. и на 707 стр. прибавленіе о бывшихъ прежде въ Мало-росіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ.

Особенно же замѣчательна: *Речь объ Уложеніи*. Проф. Морошкина, М. 1840.

Въ *Древ. Виол.* слѣдующія статьи: т. XX. стр. 131 до 277. Историческое извѣстіе о старинныхъ чинахъ въ Россіи и отъ 1 до 131 стр. и 421 до 443: послужный списокъ, Бояръ, Дворецкихъ, Окольныхъ и др. съ 1406 до 1676. и тамъ же стр. 271 до 421: о Московскихъ и другихъ старинныхъ приказахъ.

Опытъ Историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ *Россійск. Государ.* Т. Мальгина Спб. 1803 года.

Въ *Жур. Мин. Нар. Пр.* Неволіна. Объ образованіи управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго 1844 первые три №.

Въ *Энцикл. Лекс.* статья о Дворянствѣ.

Въ *Библ. для Чтен.* 1835. Устрялова: Ратное дѣло до Петра В.

Часть. II

Коментарій на разрядную.

Мы рассмотримъ каждое Царствованіе отдѣльно, и въ хронологическомъ порядкѣ постараемся разобрать и по возможности объяснить по тѣмъ даннымъ, которыя намъ доставило изученіе разрядныхъ и другихъ источниковъ, всѣ болѣе или менѣе замѣчательные случаи.

Отъ 1559 до кончины Грознаго по 84 годъ въ продолженіи 25 лѣтъ представляется въ нашей разрядной не болѣе 50 случаевъ въ которыхъ были споры или челобитья по мѣстничеству. Въ Архив. разр. подъ № 3. въ эти 25 лѣтъ находимъ ихъ до 90 (*). Но это число можно по

(**) Противъ нашей разрядной, въ ней находятся 5 случаевъ за 1560, 1 й и 2-й годъ, подъ которыми въ нашей не значится ни одного. Съ 1565 по 1580 годъ 29 случаевъ одинъ и тѣхъ. Далѣе Архив. разр. № 3 совершенно разнится отъ нашей

всей справедливости убавить, по крайней мѣрѣ одною третью, считая за одинъ случай тѣ изъ нихъ, когда 6 а иногда 8 и болѣе челобитчиковъ ищутъ другъ на другъ вслѣдствіи одного несправедливаго назначенія, или когда по поводу одного челобитья бьютъ челомъ на тоже лице или другъ на друга два или три другихъ. (такъ на пр. раз. № 3 стр. 308. печ. 51 и др.). Слѣдовательно настоящихъ случаевъ или споровъ по мѣстничеству, не считая послѣдніе два года грознаго Царствованія, было не болѣе 30 или 35 во всѣ первые, нами разбираемые 20 лѣтъ и приходилось, не болѣе 3 случаевъ на 2 года.

Всѣ они происходили преимущественно между военными чинами. — Во все это время, представляются весьма немногіе примѣры споровъ у придворныхъ чиновъ или на придворныхъ церемоніяхъ и за столомъ Царскимъ (Годун. съ Сиц. стр. 42; на 7-й свадьбѣ Ц. Ив. В. см. Арх. разр. № 5 л. 653 и въ Дрв. Вивл. т. XIII. ст. 116, три челобитья). Рѣшались эти споры Грознымъ Царемъ, большею частію, скоро, и благоразумно и, къ удивленію, милостиво, оканчивались обыкновенно тѣмъ, что челобитчика ставили ниже того на кого онъ жаловался (такъ на пр. поставленъ былъ выше Сицкаго Борисъ Годуновъ въ разр. 1571 г. стр. 27); часто же прекращались тѣмъ, что мѣстничавшимся лицамъ не давали между собою счету (такъ подъ 1575 г. стр. 5.—1583 г. стр. 83.—1585 стр. 86) иногда, для избѣжанія споровъ, перемѣщали воеводъ съ одной пограничной стражи на другую, отдаленную, (по тогдашнему выраженію *разводили*). Всего же чаще встрѣчается слѣдующее рѣшеніе: *Служить безъ мѣстъ а какъ служба минетъ тогда*

и послѣдніе два года заключаютъ почти столько же челобитій, сколько всѣ первые 28.—1582-й—20, а 1583-й 19, Въ Арх. раз. № 5-131 мы находимъ тоже около 90 случаевъ, отъ 90 до 95, и въ томъ-же соотноствіи съ годами Царствованія. Въ этомъ числѣ, нѣту многихъ, которые находятся въ № 3 и въ нашей разр. — и на оборотъ, находятся такіе, которыхъ нѣтъ въ № 3 и въ нашей. Изъ числа послѣднихъ мы находимъ 3 отъ 1559 до 1565, — и 6 до 1579, — за 1579-й же годъ 10, и 15 за остальные. Впрочемъ нѣкоторые одни и тѣже случаи могли быть приняты нами за разные, по различію или сбивчивости въ именахъ собственныхъ или по ошибкамъ. — Но мы считали однакожъ необходимымъ, такое, если и не вполне отчетливое сличеніе, нѣсколькихъ разрядныхъ, чтобы убѣдиться, что выводы наши объ отношеніи числа мѣстническихъ споровъ къ тому или другому Царствованію или къ разнымъ годамъ одного и того же Царствованія, а слѣд. и о развитіи самаго мѣстничества не случайные выводы изъ одной нашей разрядной, а положительно оправдываются современными памятниками.

и счетъ будетъ данъ (такъ 1583 г. стр. 83. 1586. г. стр. 92). Для рѣшенія споровъ назначаемы были одинъ или два боярина при нихъ дьякъ (на стр. 126 и 127 дьякъ разбойной избы?) «да записывалъ подъячій.» Но иногда самъ Грозный, охотникъ до историческихъ розысканій и критики вообще, бралъ на себя трудъ разбирать челобитчиковъ и самъ выводилъ ихъ поколѣнные росписи, вычислялъ службы ихъ предковъ и давнія многостороннія отношенія этой службы къ другимъ родамъ и лицамъ, судилъ и рядилъ, но всегда, болѣе или менѣе, соображаясь съ обычнымъ правомъ и ссылаясь на его положенія (такова, между прочимъ, грамота на стр. 41); иногда отставлялъ отъ дѣла случаи, представленные челобитчиками, и самъ придумывалъ новое замысловатое отношеніе по службѣ, по которому и приказывалъ рѣшать (см. Сб. т. II, дѣло I)

Слѣдовательно при Грозномъ, споры о мѣстахъ были не такъ часты и прекращались безъ большихъ хлопотъ и невыгодъ для службы. Цѣлые годы, какъ кажется, проходили безъ споровъ, такъ на пр. 1562 и 63 или 64; (*) а въ первые 6 лѣтъ войны Ливонской, (съ 1558), въ нашей разрядной, не записано ни одного, а въ Новиковской и Архивной № 3 — только шесть (въ Арх. № 5 — 131. тремя больше, всего 9, изъ коихъ 2 лишніе случая находятся также и въ Арх. № 48—847 оканчивающейся 1556 г.) такъ и до самаго 1572 года не приходится болѣе одного случая на годъ. Но начиная съ 1572-го, года уничтоженія опричнины, число ихъ удваивается и возрастаетъ съ каждымъ годомъ почти въ геометрической пропорціи, — что легко объясняется тѣмъ, что опричнина необходимо должна была спутать всѣ отношенія. Теперь приступаемъ къ объясненію самихъ случаевъ въ ихъ хронологическомъ порядкѣ.

(*) По сличеніи всѣхъ 5 разр. Арх. N 3-123 5-131 и 48-847 — нашей и Новикова, оказывается, что если не въ одной, то въ другой, на каждый изъ этихъ годовъ приходится, хотя по одному случаю. Но такъ какъ одни и тѣ же случаи, не разъ означены подъ разными годами, то можно по справедливости заключить, что хотя одинъ изъ этихъ годовъ вѣроятно прошелъ вовсе безъ споровъ, также какъ мы можемъ положительно сказать что во многихъ годахъ малолѣтства Іоаннова, такъ на пр. съ 1530 по 1536 не показано ни одного спора, ни въ одной изъ 8 сличенныхъ нами Арх. разрядныхъ № 5-131, 13-812, 4-158, 3-193, 24-178, 48-847, 2—28; а съ 1483 по 1530 только 7. — Начиная же съ 1536 года, правда, что если не въ одной то въ другой изъ этихъ 8 разр. приходится если не 3 или 4 (выбывшее число до 1556 г.), то по крайней мѣрѣ хотя одинъ случай, на каждый годъ.

Стр. 23. 1569 г. Изъ *опричнины* подъ Изборскомъ Бояр. Очинъ-плещеевъ и околн: Умный-Колычовъ бьютъ челомъ въ отечествѣ, но велѣно быть безъ мѣстъ.

Стр. 24. Ц. и В. К. велѣлъ Окольничему Василью Умному ѣхать въ Александровскую слободу и записать роспись и по той новой росписи изъ *опричнины* въ Калугѣ были воеводы по полкамъ.

Здѣсь мы находимъ положительное свидѣтельство, что *опричнина* не исключала мѣстническаго распорядка, какъ то можно было бы априори заключить изъ значенія самой *опричнины*. Сверхъ того мы находимъ, что *опричные* Бояре и Воеводы одинаково считались между собою отечествомъ и бивали челомъ Государю въ мѣстахъ, такъ въ Арх. Раз. № 5. подъ 1569 годомъ листъ 446. «Да изъ *опричнины* же по росписи Бояре и Воеводы З. И. Очинъ-Плещеевъ да Окол. В. И. Умной Колычевъ. и Очинъ билъ воеводѣ о счете на Околнич. на В. и Умнова Колычова и Ц. и В. К. грамоту невмѣстную Очину пожаловалъ даль. Остается же нерѣшеннымъ одинъ только любопытный и необходимо представляющійся вопросъ, считались ли мѣстами *Опричники* съ *Земщиками*, и какое между ними было служебное отношеніе?—Мы находимъ, что не только были особые *опричные* и *земскіе* полки (а потому и *роспись* Воеводамъ изъ *опричнины* можетъ относиться только къ однимъ *опричнымъ* полкамъ), но что даже *опричные* полки бывали соединяемы съ *земскими*, и тогда воеводы *земскіе* бывали въ одномъ полку съ *опричными*: Большаго полку *опричный* воевода съ *земскимъ* воеводой Большаго полка и т. д. такъ въ Виѣл. т. XIII. стр. 400 подъ 1570 г. «А гдѣ случится Воеводѣ Кн. И. П. Шуйскому съ товарищи сойтися подъ людьми съ *опричинными* Воеводами, и сшедшися быти по полкомъ, Большому полку въ Бол. п., Передовому полку въ Пер. п., Сторожевому полку въ Стор. п., а люди съ ними по ихъ спискамъ». Той же *опричниной* и *земщиной* должно быть объяснено слѣд. мѣсто въ той же Виѣл. стр. 354. подъ 1564 г. «А какъ сойдутся съ *Вяземскими* и со *Ржевскими* воеводами *Холмскіе* Бояре и Воеводы и тогда быти Бояромъ и Воеводамъ Кн. И. Ѳ. Мстиславскому съ товарищи по росписи по полкомъ, съ Бояр. съ Кн. И. Д. Бѣльскимъ. Большому полку въ Бол. п., Правой рукъ въ Прав. р., Передовому п. въ Перед., Сторожевому п. въ Сторож, Лѣвой рукъ въ Лѣв. и быти у Государева дѣла Бояромъ и Воеводамъ безъ мѣстъ» (Это мѣсто относится къ половинѣ 1564 г., и слѣд. къ времени учрежденія. *опричнины* или весьма не задолго до ея

опредѣленнаго образованія). Въ такомъ случаѣ, не могло не явиться новое мѣстническое отношеніе воеводъ земскихъ къ опричнымъ, которое, если не было напередъ установлено Грознымъ Царемъ, должно было необходимо привести къ новымъ спорамъ и образовать цѣлый рядъ новыхъ спорныхъ отношеній. Но опричнина продолжалась такъ не долго, и осталась въ нашей лѣтописи тѣмъ же, почти чѣмъ была эпоха терроризма въ Исторіи Франціи; — и потсму не могли, въ такое время, опредѣлиться никакія отношенія, ни получить своей законной или обычной силы. Вѣроятно же, что, кромѣ страха самой опричнины, возможность новыхъ споровъ и новыхъ спорныхъ отношеній была устраняема опредѣленіями Грознаго: *быть безъ мѣсти*, какъ мы то и видимъ въ двухъ приведенныхъ нами мѣстахъ. Другихъ же положительныхъ данныхъ, извѣстные намъ источники не представляютъ покуда; — но мы находимъ сверхъ того, въ дѣлѣ VI, Историч. Сбор. Т. II, слѣдующія любопытныя указанія объ общемъ отношеніи опричнины къ мѣстничеству: на стр. 113. Кн. Елецкій отстраняетъ отъ дѣла случай, представленный Кн. Вяземскимъ, говоря, что *то дѣялось въ опричиннѣ*; а на стр. 116 *а хотя и будетъ, таковъ разрядъ и былъ, а та была Государева воля въ опричиннѣ, а въ томъ Государь воленъ*. Распорядокъ же мѣстничества (какъ мы увидимъ ниже. разборъ стр. 106) не принималъ въ разсужденіе ни опалу Царскую, ни временное униженіе чести волею Государя, когда она нарушала его обычное право, а потому можно было бы справедливо заключить изъ этихъ словъ, что этотъ распорядокъ считалъ также незаконнымъ предъ своимъ судомъ *все что дѣялось въ опричиннѣ*. —

Стр. 25. 1570 г. «А которымъ воеводамъ, въ которомъ городѣ быть не вмѣстно, и тѣмъ воеводамъ быть для Государева дѣла безъ мѣсть».

Т. е: если какой нибудь воевода будетъ назначенъ въ такой городъ, который не довольно честенъ для того мѣста, которое онъ занимаетъ въ распорядкѣ мѣстничества, то... Здѣсь видны слѣды древняго отношенія нашихъ городовъ, города къ пригороду и т. д. (см. Нестора по Кенигсб. сп. отношенія Ростова къ Владимиру; утакже въ Род. I ст. 74. «Всеволодъ посадилъ большаго сына на Ростовъ, а послѣ себя давалъ В. Кнж. Владимирское, а онъ хотѣлъ *Володимира къ Ростову* и пр. и пр.). въ слѣдствіи коего, они составляли между собою такую же лѣствицу чести какъ и лѣствица родовая или служебная, (если и не столько опредѣленную) и которая соотвѣтствовала, въ эпоху удѣльную, взаимной части удѣльныхъ

Князей между собою, а въ позднѣйшее время была принята, — но еще съ меньшей опредѣленностью, — къ новому распорядку чести служебной. — Такъ еще въ 1628 г. одинъ Воевода не хотѣлъ быть ниже другаго, потому что первый назначенъ въ Переславль Залѣсскій, а второй въ Михайлово (т. II. И. Сб. дѣло XIII). Такъ еще 1648 г. (см. Двор. Зап. II. стр. 78) Владимирскій судный приказъ въ Москвѣ считался честище Московскаго Суднаго приказа; — почтенный остатокъ древняго отношеній пригорода Москвы къ Владимиру, которое уцѣлѣло, среди всего величія Московскаго Царства, ибо тотъ распорядокъ древней чести, который создавалъ эти отношенія, уже потерялъ въ себѣ всякое живое начало. Такъ и въ дѣлѣ VIII. Воевода назначенный въ Монастыревской считаетъ себя униженнымъ честью передъ тѣмъ, который назначенъ въ Черниговъ, потому де: «что Монастыревской пригородъ Чернигову.» Наконецъ разныя части городовъ не только Москвы (см. Сб. II. дѣло VIII. стр. 164. — д. X. стр. 323) но и другихъ городовъ, (такъ Новгорода торговая сторона честище Софійской см. дѣло IV) считались честью между собою. — И даже въ Юрьевѣ, только что завоеванномъ въ Ливонскую войну, большая честь Аможскихъ воротъ на Московскую дорогу, передъ Рижскими воротами, которые ведутъ въ Чухну, доставила К. Долгорукому случай выиграть дѣло у Принкова и стать выше его мѣстомъ, не смотря на то, что дѣдъ и родители К. Принковыхъ были честище Долгорукихъ.

На стр. 40 подъ 1573 годомъ въ грамотѣ Федору Троекурову «дядя твой Кн. Иванъ равенъ Кн. Костентину Курлетеву, а ты потому равенъ третьему сыну Князь Костентинову Курлетева,» Слѣдов: больше однимъ мѣстомъ четвертаго сына Ивана Курлетева, на котораго онъ билъ челомъ (см. Р. Кн. стр. 213.) или, перевода другими словами, на тотъ же языкъ мѣстничества: ты относишься къ своему дядѣ, или столькими же мѣстами ниже его, сколько третій сынъ меньше своего отца т. е. пятью мѣстами, *ибо всякій сынъ отъ отца 4-е мѣсто* (Сб. т. II. стр. 365 и 384, *Сицкій меньше отца своего семью мѣстами потому что пятый сынъ.* Но развертывая Родослови. стр. 117 мы находимъ, что Федоръ Троекуровъ по тому же расчету, меньше своего дяди Ивана, 7-ю мѣсты, ибо дядя его Иванъ былъ первый сынъ, а отецъ его четвертый, слѣд. меньше его тремя мѣсты; онъ же у отца второй сынъ и слѣдовательно меньше отца четырьмя мѣсты, почему Федоръ Троекуровъ меньше третьяго сына Курлетева двумя мѣсты и слѣдовательно 4-го сына Ивана однимъ мѣстомъ. По

этому, мы видимъ, что первое назначеніе Ѳ. Троекурова ниже Ив. Курлетева было совершенно правильное, а грамота, какъ должно полагать, дана была не законно. — Въ подтвержденіе же этого предположенія, мы находимъ въ самой разр. слѣдующую приписку: «А та ему грамота дана по дружбе, дружачи дѣяка Андрѣя Щелкалова Ивану Шереметеву, что онъ Князь Ѳеодоръ Ивану шуринъ.» Приписка эта ясно показываетъ, что грамота считалась самими разрядомъ незаконною, и вѣроятно была въ немъ сдѣлана въ послѣдствіи, чтобы дать возможность будущему челобитчику оспорить ея дѣйствительность. — Для мѣстничества, въ эту эпоху, еще продолжало быть высшимъ закономъ его обычное право, и оно не рѣдко прямо оспаривало письменные акты и Царскія грамоты, потому только что они противорѣчили ему; такъ на пр. при Годуновѣ подлинная невмѣстная грамота, данная Грознымъ, была обвинена воровскою, не смотря на скрѣпы и дѣячью подпись, и дѣякъ Щелкаловъ вызванный рѣшить подлинность ея, отвѣчалъ справедливо или нѣтъ: что такой не довелось дати, а поднесъ который подъячій во многихъ дѣльяхъ и подписалъ де онъ за невѣды. Слѣд: самая подлинность акта мѣрилась его законностью. — Но выводъ Царской грамоты, что Троекуровъ родомъ равенъ третьему сыну Курлетева, не могъ быть сдѣланъ безо всякаго основанія, основаніемъ же ему мы находимъ слѣдующее. Изъ Родосл: мы видимъ что двое другихъ дѣдей Ѳ. Троекурова умерли бездѣтны, а если ихъ исключить изъ роду, какъ не оставившихъ по себѣ потомства, то дѣйствительно Ѳ. Троекуровъ меньше своего дяди пятью мѣстами. Таковъ былъ вѣроятно неправильный расчетъ Царской грамоты, или, можетъ быть, правильность того или другаго счета принадлежала къ спорнымъ вопросамъ въ самомъ мѣстничествѣ.

На стр. 42. Челобитная Ив. Вас. Шереметева на Кн. Юрѣя Курлетева и Кн. Андр. Хованскаго. Первый доводъ или случай Шереметева слѣд: «Кн. Александръ Кашинъ былъ менши отца моего Василья... а Кн. Костентину, Курлетева былъ дядя,» Но въ грамотѣ своей Ц. Ив. Васильевичъ отвѣчаетъ слѣдующимъ: Шереметевъ сказываетъ что «А. Кашинъ Константину (отцу Юрѣя) дядя пятый.... А по нашему счету Кн. Александръ Кашинъ Кн. Костентину семой дядя; а по нашему уложенью *перваго брата сына четвертому давно* (вм. давно слѣдуетъ дядь какъ и по смыслу, такъ и потому, что мы находимъ дядь въ спискѣ той же грамоты въ III портфель Миллера подъ 1574 г.) и въ

Арх. разр. № 5) *въ верс'ну*» и дѣйствительно по родословному счету, приведенному въ грамотѣ (стр. 43. и совершенно согласному съ Род. Книг. стр. 212. и ее пополняющему). А. Кашинъ приходится Конст. Курлятеву *седьмымъ дядей*; ибо общій родоначальникъ ихъ Иванъ Оболенскій Константинъ прапрадѣдъ, а Кашину только прадѣдъ, слѣд. послѣдній одной степенью выше; — по счету же мѣстническому назывались одинаково братьями всѣ находившіеся въ одной степени отъ общаго родоначальника, племянниками тѣ, которые степенью ниже и т. д. какъ бы далеко не разошлись между собою линіи и хотя между ними немогло уже быть ни какого счету родства, считая даже по кормчей книгѣ. Сверхъ того Константинъ происходилъ отъ перваго сына Ивана Оболенскаго, а отецъ его и дѣдъ были также первые сыновья; — Кашинъ же происходилъ отъ пятаго сына Князя Ивана (почему вѣроятно Шереметевъ и счелъ его пятымъ дядей Константина;) но Кашинъ былъ у отца второй сынъ и самъ отецъ его тоже второй, и по тому еще двѣма мѣстами ниже, и слѣд: *седьмой* ибо пятымъ дядей могъ быть только старшій сынъ старшаго брата его отца, Ивана Лыкова, а шестымъ дядей былъ его старшій братъ Ив. Глухой. Но самъ Константинъ у своего отца второй и по тому слѣдовало бы одно мѣсто вычестъ и ему быть только *шестымъ племянникомъ*; однакожъ ни Шереметевъ не воспользовался этимъ, ни Царская грамота не поставила этого въ счетъ. Объясняется же оно тѣмъ же, что мы утверждали въ разборѣ предшествующей грамоты; — въ Родосл. замѣчено, что старшій братъ Константина Михайло бездѣтенъ.

Замѣчательны при этомъ темнота и неопредѣленность, существовавшія въ мѣстническихъ дѣлахъ для самихъ тяжущихся. Такъ во многихъ дѣлахъ, мы находимъ что челобитчики, сами того не зная, приводятъ случаи, которые обращаются имъ же въ невыгоду; такъ и Шереметевъ основывается на Кашинѣ, который по отношенію, гдѣ нибудь имъ же высказанному, (но вѣроятно не выведенному, что и подразумѣваетъ грамота) приходится пятымъ дядей, между тѣмъ какъ Шереметевъ не могъ не знать такого общаго закона и основнаго положенія мѣстничества, какое приводитъ грамота, и которое не могло быть какимъ нибудь новымъ *уложениемъ* царскимъ, (на которыя, мѣстничавшіеся часто не обращали никакого вниманія) хотя и сказано: *по нашему уложению.* (см. предш. грам: и ниже) Впрочемъ это объясняется можетъ быть тѣмъ, что дяди

все таки сохранялъ извѣстный почетъ, особливо же при-отдаленныхъ счетахъ?

Здѣсь мы находимъ также, отъ чего для насъ запутываются до такой степени всѣ отношенія по мѣстничеству. Мы видимъ какъ отъ одного родоначальника Оболенскаго образуется въ четыре поколѣнья четыре новыхъ различныхъ фамилiи, (такъ напр. въ дѣлѣ I-мъ Сб. II прозвище *Булгаковъ* и *Голицынъ* постоянно замѣняются одно другимъ). Причина почему часто спѣшили принять новое названiе (кромя того, что то было въ обычаѣ) и начать отъ себя новое колѣно рода т. е. черезъ нѣсколько поколѣний новый родъ, была кажется слѣдующая: каждый меньшiй въ родѣ спѣшилъ для себя и своего потомства отдѣлиться отъ своихъ старшихъ, чтобы въ распорядкѣ мѣстничества небыть *утягиваему* отъ другихъ этими старшими и общео лѣствицею, и особливо если удалось ему стать высоко въ разрядѣ и опередить въ немъ своихъ другихъ высшихъ родичей,—тогда, своимъ новымъ имянемъ, онъ какъбы спѣшилъ упрочить свой разрывъ съ родомъ и привести въ забвенiе свое прежнее низкое родовое отношенiе. Такъ даже и между высшими въ родѣ, если кто достигъ первыхъ мѣстъ по службѣ въ разрядѣ, то имѣлъ одинаково всю выгоду оторвать свое потомство отъ счета предшествовающе лѣствицею.—Ибо вообще, такъ какъ каждый *родственникъ* могъ унижить честь всего рода (см. ниже разборъ стр. 137.) своею низкою службой, или службою съ нисшимъ (отъ которой не умѣлъ отстоять себя или доказать свою высшую, иногда спорную, или недсную честь, что становилось тѣмъ труднѣе, чѣмъ далѣе расходился счетъ), то каждый достигшiй высшей чести, какой только могъ домогаться *въ свою мѣру* и уравнившiйся въ этой разрядной чести съ своими прочими родичами или опередившiй ихъ, имѣлъ всю выгоду сдѣлать этотъ *родъ*, какъ можно тѣснѣе для своего потомства. Всякое же униженiе родственника если и не приводило къ униженiю чести всего рода, то къ челобитьямъ и утягиваньямъ отъ другихъ при первомъ удобномъ случаѣ. А дать поводъ къ такимъ утягиваньямъ наши предки боялись не менѣе, какъ и положительной утраты самой чести, для чего и подавались безпрестанно протесты,—или челобитья и отводныя памяти для записки въ разрядъ,—(см. Сб. III ст. 385) которыя Государь приказывалъ записать, когда находилъ правильными; (такъ на стр. 94 записано челобитье Салтыкова)—или напротивъ отказывалъ въ запискѣ челобитной и тогда самая челобитная не принималась

или возвращалась назадъ по ея разсмотрѣнію; такъ на стр. 128 отказано было Тюфякину. А потому наши предки были всегда на сторожѣ за себя и другихъ и быть *знаткомъ въ своей верстѣ* (см. Сб. II. стр. 288.) много значило, чтобъ удержать свое мѣсто или подвинуться впередъ. Но это постоянное обереганье своей чести было. разумѣется, тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше было такнхъ, отъ кого оберегаться, т. е. чѣмъ больше былъ родъ и чѣмъ больше со временемъ всѣ эти роды разростались и отношенія между собою путались.

Впрочемъ всѣ такіа колѣна, принявшія особыя прозвища еще продолжали считаться *однимъ родомъ* и считаться между собою *лѣствицею*, пока не разошлись далеко (см. дѣло Пожарскаго); но это далеко, кажется, не имѣло ни какой определенной границы и зависѣло отъ той выгоды или невыгоды, которую это продолженіе счета *лѣствицею* давало тому или другому. Заключая изъ словъ Пожарскаго стр. 310 Сб. II. *въ своемъ родствѣ Стародубскихъ и Ряполовскихъ, ничужаго роду* (см. также Сб. II. дѣло I. и II. стр. 58 отставку чужими роды) чужимъ родомъ назывались только тѣ, которые вовсе не принадлежали къ одному корню, но не назывались ли также чужимъ родомъ тѣ, которые такъ далеко разошлись, что уже не считались долѣ *лѣствицею*? т. е. не повторялось ли съ дальнѣйшимъ развѣтвленіемъ Болгарскихъ и Княжескихъ родовъ, то что мы видимъ въ родѣ Рюриковичей; — на это отвѣчать положительно трудно, Ольговичи безспорно считались чужеродцами съ Мономаховичами въ удѣльную эпоху, также какъ, въ позднѣйшее время, разные Княжескіе роды, происшедшіе изъ разныхъ главныхъ удѣловъ, считали себя другъ къ другу чужеродными, хотя и было сознаваемо всѣми одно общее происхождение отъ Владиміра Св. — Съ другой же стороны мы находимъ на пр: что Вяземскіе въ 1630 г. (см. Сб. V. Дѣло III. ст. 67, 83 и др.) еще считались *одними* съ Жижемскими и Кропоткиными, хотя общимъ родоначальникомъ ихъ былъ Ростиславъ Мст. внукъ Мономаха, умершій въ 1167. г. (Жижемскіе же даже отъѣзжали въ Литву и только при Василѣ Из. выѣхали снова въ Москву) и спустя почти пять вѣковъ послѣ этого общаго родоначальника, Вяземскій еще утягивалъ своего противника общимъ *меньшимствомъ* передъ нимъ, по *лѣствицѣ*, Жижемскихъ, основываясь вѣроятно на томъ только, что Жижемскіе пошли отъ меньшаго сына Ростислава. При этомъ слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что Ростиславъ былъ основателемъ отдѣльнаго

и самостоятельнаго роду К. Смоленскихъ съ ихъ развѣтвленіями; Пожарскіе же на пр. происшедшіе отъ Юрія Долгорукаго не считались вовсе *одними* съ Вяземскими, — хотя въ дѣйствительности, они были съ ними такіе же *однородцы* и общій родоначальникъ Владимиръ Мономахъ стоялъ только двумя степенями дальше.

Другой доводъ Шереметева былъ слѣд. «а со Кн. Костентиномъ Курл. равенъ Кн. Иванъ Лугвица — Прозоровской, а братъ меньшей Кн. ивановъ Кн. Ѳ. Прозоровскій бывалъ со Кн. Иван. Троекуровымъ; а Кн. Иванъ въ своемъ роду меньше к *чужему* Кн. Мих. Курбскаго. Отецъ же Шереметева былъ въ большомъ полку въ третьихъ, а Курбскій въ лѣвой въ третьихъ.» Счетъ здѣсь былъ слѣдующій: Курлятеву равенъ Ив. Прозоровскій; меньшей же слѣдующій (см. Род. Кн.) братъ Прозоровскаго Ѳеодоръ, по тому самому, меньше однимъ мѣстомъ И. Курлятева, но былъ съ Троекуровымъ и слѣд., по крайней мѣрѣ, однимъ мѣстомъ его меньше и слѣд. Троекуровъ, по крайней мѣрѣ, равенъ какъ Ив. Прозоровскому, такъ и Конст. Курлятеву; Троекуровъ же меньше Курбскаго а Курбскій меньше отца Шереметева и слѣд. К. Курлятевъ, отецъ Юрья, меньше его отца. Но Царь Ив. Васильевичъ на это отвѣчаетъ въ своей грамотѣ: что тотъ разрядъ смутилъ Овчина, и потомъ на концѣ выводитъ что, напротивъ того, отецъ Шереметева меньше Константина Курлятева.

Здѣсь мы обратимъ вниманіе сверхъ того на два замѣчательныя выраженія: Шереметевъ пишетъ что съ К. Курлятевымъ *равенъ* И. Прозоровскій, грамота же переводитъ эти слова какъ вещь саму собою разумѣющуюся такъ: «Роспись, что прислалъ Шереметевъ, что *развели* Кн. Ивана Прозоровскаго» Такъ и въ дѣлѣ Пожарскаго стр. 326 мы находимъ:» Кн. П. Пожарскій *отставленъ* для Кн. Мих. Гвоздева, по его Князь Петрову челобитью, *ино по тому челобитью и по отставкѣ* Кн. П. Пожарскій *учинился ровень* Кн. Мих. Гвоздеву въ отечествѣ». По самому значенію мѣстничества, двое равныхъ между собою никогда не могли находиться вмѣстѣ на одной и той же службѣ, ибо одинъ изъ двухъ былъ въ такомъ случаѣ необходимо униженъ передъ другимъ. Въ избѣжаніе же этого ихъ тогда разводили т. е. одного изъ двухъ отставляли или переводили въ другіе города и на другія службы.

Другое замѣчательное выраженіе:» а Кн. Ив. Троекуровъ въ своемъ роду меньше къ *чужему* М. Курбскаго.» Въ той же грамотѣ мы находимъ: «а К. Ю. Глухой меньше въ *своемъ роду* Кн. Серебрянаго.» Курбскій же также *свой родъ*

съ Троекуровыми, какъ и Глухой съ Серебряными; для чего же стоитъ, послѣ этого, въ первомъ случаѣ это неопредѣленное къ *чужому роду* и къ *чужому вообще*?—(а не къ какому нибудь извѣстному чужому роду?)— Въ дѣлахъ по мѣстничеству и въ разрядныхъ мы находимъ также нѣсколько такихъ выражений; такъ въ Арх. Разр. N. 812—13. стр. 308. «а Михайла Воронцовъ да Мих. Юрьевъ да Мих. Тучковъ сказываютъ въ отечествѣ болши Юрья Шеина, Василей Шеинъ к*чужому* роду Дмитрею Воронцову въ версту сказываютъ а Иванъ Шеинъ к*чуждому* роду сказываютъ Оетке Воронцову въ версту.» Въ Арх. Разр. N. 5—131 лист. 762 къ «чужему роду брата не меньше». — На стр. 252. Сб. т. II. «Дядя мой Окол. Семень Оед. Сабуровъ въ родствѣ у насъ малъ к*чужему роду*, а мнѣ Юрью Гр. Пилемову въ версту»; на стр. 359. «Кн. Андр. Хилковъ въ своемъ роду меньше дяди своего Кн. Татеева к*чужему роду* 3 листы». Выписавъ родословную (см. Р. К. II. стр. 79) и приложивъ къ ней обыкновенный счетъ мѣстничества, выходитъ, что дѣйствительно Хилковъ меньше Татеева тремя мѣстами, изъ чего мы можемъ по крайней мѣрѣ заключить, что при этомъ: к*чужому роду* не было никакого особеннаго счету. — Наконецъ въ самой разрядной на стр. 86 подъ 1584 г. мы находимъ слѣдующее: Ноготковъ бьетъ челомъ на Куракина, а Куракинъ въ отвѣтъ просить, что бы спросили Ноготкова: каковъ онъ въ родствѣ своемъ съ Ив. Курлятевымъ» кто изъ нихъ больше к*чужому роду*; на что Ноготковъ отвѣчаетъ что они равны;—тогда Куракинъ доказываетъ разрядами что Ив. Курлятевъ бывалъ его меньше. — Куракинъ съ Ноготковымъ чужеродцы, — Ноготковъ же съ Курл. одного рода, и потому здѣсь, когда чужеродному Куракину Ноготковъ отвѣчаетъ, что онъ въ своемъ родствѣ съ Курлятевымъ таковъ-то к*чужому роду*» это выраженіе и смыслъ его сами по себѣ кажутся ясны и не требуютъ другаго объясненія; — но для точнаго и полнаго уразумѣнія его значенія, мы должны сперва уяснить себѣ, хотя нѣсколько, отношенія *своеродцевъ* и *чужеродцевъ* къ разрядамъ, и различіе *счетовъ* въ томъ и другомъ случаѣ, (см. подробное раскрытіе родовыхъ отношеній въ разборѣ стр. 119).

Споры и счета могли происходить между родственниками т. е. принадлежащими къ роду въ его тѣсномъ смыслѣ, какъ на пр. Ромодановскаго съ его племянникомъ, (см. Двор. Зап. II стр. 154.) но это бывало рѣдко, ибо встрѣчалось къ тому и меньше случаевъ, да и самые споры такіе чаще рѣшались, по всѣмъ вѣроятностямъ, полюбовно и семейнымъ, домашнимъ разбирательствомъ; (такъ и въ приведенномъ

нами примѣръ Государь велитъ рѣшить споръ между дядей и племянникомъ *изъ старымъ родителямъ*.) или — эти споры и счеты бывали между однородцами, т. е. между такими, которые происходили отъ одного родоначальника, но уже не были въ кровномъ родствѣ между собою, и тогда счетъ между ними былъ *лѣствицею* или *разрядами* или тѣмъ и другимъ, какъ кому было выгодно, и смотря по тому, какъ далеко другъ отъ друга *разошлись* (см. дѣло Пожарскаго), и что было причиною спора. — Если споръ этотъ возникъ въ слѣдствіе однихъ неясныхъ и спорныхъ родовыхъ отношеній, какъ то могло не рѣдко встрѣчаться при отдаленныхъ и развѣтвленныхъ родовыхъ счетахъ, (но вѣроятно въ такомъ случаѣ, споръ этотъ былъ также отдаваемъ на судъ *старыхъ родителей* и не переходилъ въ область суда гражданскаго), тогда, какъ само собою очевидно, не могло быть другаго счета, какъ одною лѣствицею; — или этотъ споръ произошелъ, въ слѣдствіе нарушенія родовыхъ отношеній отношеніями разрядными, (какъ иначе почти никогда и не бывало и какъ мы находимъ во всѣхъ дошедшихъ до насъ своеродныхъ спорахъ, ибо только такіе споры и могли войти въ разряды,) тогда счетъ, разумѣется, необходимо былъ и лѣствицею и разрядомъ, ибо самое назначеніе суда, въ такомъ случаѣ, могло быть не иное, какъ то, чтобы уравнивать эти два противорѣчившія между собою отношенія, или дать побѣду одному изъ нихъ передъ другимъ. Сверхъ того, — заключая изъ самопослѣдовательности самихъ мѣстническихъ началъ, — такой споръ и счетъ вѣроятно не долженъ былъ выходить изъ предѣловъ самаго (т. е. своего) рода, въ его широкомъ смыслѣ; и спорившіе, какъ *однородцы*, не должны были считаться своими отношеніями къ чужеродцамъ; (развѣ когда разошлись такъ далеко, что и свой родъ уже считался за чужой?) чѣму мы и находимъ слѣдующее свидѣтельство: въ дѣлѣ II, на 58 стр. Сб. т. II, Шуйскаго съ Голицынымъ (или Булгаковымъ) — однородцевъ между собою, — Бояре считали: кто каковъ Шуйскіе и Булгаковы были по *разрядамъ*, и кто къ кому каковъ близокъ по *родству* К. И. П. въ Шуйскихъ и К. Д. Ю. въ Булгаковыхъ (*) и Ц.

(*) Или на оборотъ, на стр. 27, того же дѣла: *кто къ кому* (т. е. изъ высшихъ или низшихъ) по *родству* къ *тѣмъ воеводамъ* (т. е. И. Шуйскому и Д. Булгакову) каковъ близокъ? считали. — Здѣсь сказано тоже, но въ болѣе общемъ смыслѣ и не съ тою опредѣлительностью; и потому первое мѣсто ис-

Ив. Васильевичъ, выслушавъ счетъ и судъ Бояръ, указавъ дѣло вершннті по тѣмъ случаямъ, какъ былъ на Псковѣ Кн. П. Шуйскій съ К. Ю. Булгаковымъ, а пные случаи, что тягались К. В. съ И. Шуйскимъ *чужими роды*, отъ счету Бояре *отставили*.

Всего же чаще и почти исключительно представляются одни споры и дѣла между чужеродцами. Чужеродцы же, какъ само собою разумѣется, не могли имѣть между собою другаго прямаго счета, какъ разрядомъ или службою; — но каждый изъ нихъ приводилъ свое отношеніе къ своему единородцу, которымъ могъ себя возвысить предъ противникомъ, — или отыскивалъ въ своемъ противникѣ отношеніе къ единородцамъ, которымъ бы могъ его унижить передъ собой. Въ такомъ случаѣ, всѣ единородные являлись, для каждаго изъ спорившихъ, какъ одинъ родъ и одна единица, въ противоположность къ *чужему роду*, и потому очень естественно, въ такомъ случаѣ, выраженіе, что такой-то относится въ своемъ *родствѣ* т. е. въ своей лѣтвицѣ къ такому-то: *такъ-то*, какъ среднее звѣно, для того что бы вывести черезъ это *среднее отношеніе*, его отношеніе къ чужему роду т. е. къ извѣстному *чужеродцу*.

ключается вторымъ на стр. 58: *кто ково больше или меньше или вверсту по разрядомъ* (т. е. И. Шуйск. Д. Булгакова) и *кто къ нимъ, каковъ по родству*. Значеніе же его слѣдующее: Бояре сыскавъ: кто бывали высше по разрядомъ въ Шуйскихъ, (или и низшихъ, если только были въ роду такіе, которые своею низкою службой могли понизить честь высшихъ) и кто въ Булгаковыхъ, — считали какъ относились по лѣтвицѣ, къ этимъ *разряднымъ высшимъ* И. Шуйскій въ своемъ роду, и В. Булгаковъ въ своемъ; — или (если не относить: слова *кто кому по родству* къ *кто каковъ* найдется по *разрядамъ*, и понимать каждое отдѣльно) то бояре сочли сперва каковы были по разрядамъ Булгаковы и каковы Шуйскіе, кажде какъ цѣлый родъ (родъ понятый въ его совокупности, какъ одна единица — см. Сб. II. стр. 171 и 80 и ниже) и какъ относились другъ къ другу въ взаимной лѣтвицѣ родовъ, — и потомъ считали, какъ И. Шуйскій относится, какъ единица, къ своему роду (и къ *общему родоначальнику*, ибо Шуйскіе съ Булгаковыми были одного роду; и особливо — если еще не могли считаться между собою далеко разошедшимися) и таковъ ли же или больше или меньше, чѣмъ каковъ В. Булгаковъ, какъ такая же единица, къ всему своему роду. Но чтобы вывести это отношеніе, вѣроятно считали, только, между наличными членами рода: какое между ними высшее или низшее мѣсто занималъ Шуйскій между своихъ, и Булгаковъ между своихъ же; — а тѣмъ самымъ отыскивалось отношеніе каждаго и ко всему роду, ибо взаимное отношеніе всѣхъ послѣднихъ членовъ рода опредѣлялось отношеніемъ каждаго изъ нихъ, ко всѣмъ предыдущимъ степенямъ, ибо каждый былъ малъ или великъ въ лѣтвицѣ, смотря по тому, былъ ли онъ 1-й 2-й или 3-й и т. д. сынъ у отца, и отецъ его дѣдъ и т. д. были ли также 1-ые или 2-ые или 3-и и т. д. сыновья.

(къ которому его прямаго отношенія по службѣ и разряду не было, и потому этотъ Х, неизвѣстное отношеніе ихъ другъ къ другу могло быть не иначе отыскиваемо, — какъ черезъ среднія отношенія къ своеобразнымъ). Обычный же языкъ мѣстничества, разумѣется, опускалъ всѣ эти вводныя слова и предложенія и сами собою разумѣвшіеся ему досказы, и говорилъ просто: что такой-то относится къ такому то такъ то, къ *чужему роду*. Провѣривъ же и разобравъ всѣ случаи, гдѣ употреблено: къ *чужему роду*; мы дѣйствительно находимъ, что это выраженіе встрѣчается только въ спорахъ чужеродцевъ, среди которыхъ взаимныя отношенія своеобразныхъ приводятся какъ одни посредствующія звѣнья.

Тоже самое подтверждаетъ и объясняетъ далѣе, приведенное нами: «что дядя мой Окол. С. Сабуровъ, въ родствѣ у насъ малъ къ *чужему роду*» — отвѣтъ Пильмова, когда его утягивали этимъ дядею т. е. онъ слишкомъ малъ у насъ въ родствѣ, — въ общей нашей лѣствицѣ, — для того, чтобы можно было меня имъ утягивать, или (можетъ быть) даже кого бы то ни было изъ нашего рода? (если только онъ занималъ въ общей лѣствицѣ этого рода самое послѣднее мѣсто?) — Утягивать же другъ друга спорившіе могли, какъ само собою разумѣется, только высшими, или по крайней мѣрѣ, равными въ родствѣ (т. е. въ лѣствицѣ) каждой противной стороны, — унижая ихъ предъ собою разрядомъ, по другимъ отношеніямъ. До низшаго же въ родствѣ противника (которому *низшему* до этого противника не доставало нѣсколькими мѣстами) — другой сторонѣ не было, разумѣется, никакого дѣла и по тому былъ вообще малъ въ родствѣ своемъ къ *чужему роду*, всякій стоявшій низко въ общей родовой лѣствицѣ, — ибо до него не могъ вовсе касаться (*доставать*. см. Сб II. стр. 266. до нашего роду *недостало*) всякій споръ съ чужеродными его высшихъ родичей, — хотя бы самъ онъ, въ спорѣ съ этими высшими родичами и могъ даже утянуть ихъ, въ послѣдствіи, своей разрядной высотой, ставъ выше ихъ по разряду.

Но, прибавимъ здѣсь, что если такой малый въ роду рази утянулъ своей разрядной высотой своихъ большихъ въ слѣд. не только нарушилъ взаимное, родовое отношеніе, ставъ въ разрядѣ не въ мѣру себѣ, но и привелъ это нарушеніе, такъ сказать, къ общественному сознанию, утвердивъ свое новое отношеніе судебнымъ рѣшеніемъ; — то тѣмъ самымъ, онъ навсегда отрывалъ себя отъ рода и уничтожалъ свои предъидущія родовыя отношенія; ибо прежній счетъ родовыми отношеніями замѣнялся новымъ

счетомъ, отношеніями разрядными. И потому самому, бывшіе однородцы становились, въ такомъ случаѣ, другъ къ другу въ общественномъ значеніи, какъ бы *чужеродцами*, какъ для себя, такъ и для всѣхъ прочихъ родовъ, которымъ приходилось, въ спорахъ по мѣстничеству, приводить ихъ взаимныя отношенія, какъ среднее звѣно для своего счета — и не могло быть болѣе ни счета ни выраженія «*къ чужему роду*» въ такомъ случаѣ. — Но между первымъ нарушеніемъ отношеній родовыхъ и окончательнымъ утвержденіемъ новыхъ отношеній разрядныхъ, которое съ тѣмъ вмѣстѣ и утверждало окончательное разьединеніе бывшихъ единородцевъ, проходило обыкновенно извѣстное время, въ борьбѣ между честью родовой и разрядной, пока не одержитъ побѣды (какъ то чаще бывало) честь разрядная и не скрѣпитъ новое отношеніе или не отстоитъ своихъ первыхъ правъ честь родовая. — Въ это переходное время нерѣшенныхъ и неустановившихся отношеній, только и могли однородцы имѣть между собою два различные счета и два другъ другу противорѣчащія отношенія, одно разрядное, а другое родовое, (при этомъ само собой очевидно, что пока еще не были нарушены родовыя отношенія, въ такихъ средних счетахъ однородныхъ *къ чужому роду*, могли быть приводимы одни родовыя отношенія, ибо другихъ отношеній между ними еще не было и быть не могло; — отношенія же разрядныя тѣхъ изъ нихъ, которые были въ разрядѣ, могли лишь въ строгости отвѣчать ихъ отношеніямъ родовымъ) — но пока новыя разрядныя отношенія не были окончательно утверждены и не замѣнили собой отношеній родовыхъ, могли быть приводимы, какъ среднія звенья *къ чужему роду* одни родовыя отношенія, какъ одни и напередъ опредѣленно данныя. — Ибо, если бы спорившіе позволяли себѣ приводить въ свой счетъ и постороннія спорныя отношенія, то всякій споръ такой перешелъ бы въ нескончаемое дѣло, въ которомъ перепутались бы и перекрестились всѣ отношенія, и которое потребовало бы для своего окончанія, предварительнаго разрѣшенія нѣсколькихъ другихъ спорныхъ отношеній. — Такъ и здѣсь мы видимъ: что былъ малъ *къ чужему роду* Сабуровъ, хотя онъ и былъ по разряду Окольниковъ. Но не могли же всѣ остальные Сабуровы быть въ то же время Боярами, единственный высшій чинъ передъ окольниковствомъ; — если же между ними были и Окольничіе, не говоря уже о низшихъ чинахъ, и этотъ малый въ роду былъ также Окольничимъ, и слѣд. сравнился съ ними; — то тѣмъ самымъ онъ уже нарушилъ свое родовое отношеніе, къ

нимъ, и однакожь, какъ мы видимъ, приведено было его родовое а не разрядное отношеніе.

И такъ выраженіе *къ чужемъ роду*, было однозначительно исключительному счету по *лѣствицѣ*, какъ среднимъ звѣномъ въ противоположность прямому счету *между чужими родами* однимъ разрядомъ и счету однородныхъ, — когда самый споръ происходилъ между этими однородными, — и тогда могъ быть и *лѣствицею* и разрядомъ.

Наконецъ объ отношеніи Шереметева къ Хованскому. Ив. Васильевичъ отвѣчаетъ: «а Кн. А. Кашинъ Князю Константину де каковъ будетъ отъ Хованскихъ, мнѣ не вѣсно, потому что были в удѣлѣ.» Замѣчательно при этомъ, что Хованскіе для Курлятева и Кашина однородцевъ были чужой родъ. Но выраженіе: *отъ Хованскихъ* вѣроятно ничего не значитъ здѣсь другаго, какъ извѣстное отношеніе по службѣ и разряду, въ которомъ Хованскіе служили однимъ изъ среднихъ звеньевъ; какъ на пр. Троекуровъ или Прозоровскій въ последнемъ изъ приведенныхъ нами счетовъ. Споръ не былъ рѣшенъ самимъ Грознымъ, вѣроятно вслѣдствіе этой неизвѣстности; но онъ писалъ къ Боярамъ: «а прежь сего есмь къ вамъ роспись послалъ и выбѣ поросписи разсудили, какъ воеводамъ быть...» впрочемъ и въ другомъ мѣстѣ онъ также говоритъ: «а того не вѣдаю, Никита ли больше, или Иванъ.»

Мы не знаемъ какое дано было рѣшеніе, но вѣроятно невыгодное; ибо родъ не унялся и на стр. 47. Оед. Шереметевъ снова бьетъ на Ивана Курлятева, но вѣрно быть безъ мѣсть.

На стр. 51. подъ 1573, слѣдуетъ цѣлый рядъ челобитій: Шереметевъ бьетъ челомъ на Никиту Рѣмановича, потомъ на Шеина, Никита Романовъ на Морозова а Татевъ на Морозова, Романова и Шереметева и т. д. видно, что одно неправильное назначеніе высшаго начальника разстроивало всю служебную *лѣствицу* (см. также. стр. 66) и заставляло всѣхъ находившихся въ той росписи бить другъ на друга челомъ, ибо никто уже не находился на своемъ должномъ мѣстѣ. Царь велѣлъ однакожь «всѣмъ быть безмѣстно, а когда служба минетца, тогда и счетъ будетъ данъ.»

Изъ самихъ же челобитій замѣчательно только одно: «А Кн. Д. Елецкой билъ челомъ на Мих. Карпова, что ему быть въ *головахъ* у наряду съ Мих. не вмѣстно». Здѣсь мы видимъ, что головы мѣстничались между собою, какъ видно и изъ другихъ мѣсть, см. Сб. т. II. стр. 161, 164, и 204 а между тѣмъ на стр. 174 мы находимъ, что *головамъ въ полкахъ* мѣсть не бывало. Этихъ *полковыхъ головъ*, которые бывали

въ походахъ у каждаго города: у Тулянъ, у Каширянъ и т. д. (см. Двор. Зап. т. II стр. 20) надобно, разумѣется, отличать отъ *обязжигъ* головъ въ Москвѣ для береженья отъ пожара, которые были гораздо почетнѣе (см. Сб. II. ч. Дѣло Пожарск. стр. 350.)—Замѣчательно также, что рядомъ съ Князьями и другими первыми родами встрѣчается въ полковыхъ головахъ и *крестьянинъ*—Блудовъ вмѣстѣ съ Головинымъ, Волхонскимъ и другими см. стр. 13. Но впрочемъ *крестьянинъ* могло оставаться уже какъ одно прозвище. Происхожденіе же этого прозвища связано и можетъ быть даже объяснено тѣмъ, что родъ Блудовыхъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ древнихъ дворянскихъ родовъ Россіи, которые ведутъ себя не отъ выходцовъ или бѣглецовъ изъ сосѣднихъ земель, или отъ искателей приключенія и пришельцевъ со всѣхъ концовъ міра, вступавшихъ въ дружины Княжескія, а въ послѣдствіи къ Великокняжескому или Царскому двору и потому самому прямо становившихся дворянами, — (которые еще не означали въ то время ни сословія, ни представителей извѣстныхъ правъ, но только извѣстный родъ жизни въ обществѣ). Стоитъ только заглянуть въ Бархатную книгу, чтобы убѣдиться, что таковъ почти весь составъ, и таково происхожденіе всего нашего древняго допетровскаго дворянства, и что нѣтъ почти того Государства въ Европѣ и той области въ Азіи, которые не имѣли бы въ немъ своихъ безспорныхъ представителей кромѣ, можетъ быть, одного Китая и Индіи; (не говоря уже о новѣйшемъ дворянствѣ съ Петра, въ рядахъ коего безспорно найдутся такіе же представители со всѣхъ остальныхъ краевъ свѣта, которые еще не успѣли принести своей дани въ многонародный составъ дворянства допетровскаго). Выписываемъ въ доказательство изъ Бархатной книги любопытное отношеніе выѣзжихъ дворянскихъ родовъ къ кореннымъ Русскимъ. За исключеніемъ изъ общаго счета 163 Княжескихъ родовъ Рюриковичей (тоже пришельцевъ) и 96 родовъ, неизвѣстно откуда пришедшихъ, оказывается что на 36 родовъ непришлыхъ, приходится 551 выѣхавшихъ въ Россію со всѣхъ концовъ міра. — Въ томъ числѣ изъ Франціи, Италіи, Англіи, Цесаріи, Венгріи и пр. 65; изъ Пруссіи 65, изъ Польши и Литвы, считая и Гедеминичей 214; изъ Нѣмцевъ и Варягъ 56; — изъ Грековъ, Сербовъ и пр. 17; изъ разныхъ Татарскихъ ордъ, Сарацынъ, Кафы, Персіи, Грузіи 143. — Слѣдов. отношеніе; какъ 1 къ 15. Положимъ, что Бархатная книга неполна, представляетъ неутѣрности и пр. но отношеніе дѣйствительное не можетъ однако многимъ разниться отъ вывода, который она даетъ.

А не смотря на то, что Бархатная книга напечатана въ 1787 году, едва ли было досель обращено должное вниманіе на такое происхождение и образованіе Русскаго дворянства, чтобы объяснить многое не только въ Исторіи Россіи, но даже въ характеръ и физіономіи Русскаго, какъ составилось объ ней общее — ложное или справедливое понятіе, — такъ на пр. относительно его космополитизма, легкой воспріимчивости и пр. и пр. Такъ и самое преобразование Петра, которому подлежали собственно одни высшіе классы т. е. дворянство, совершилось, можетъ быть, безъ большого труда и препятствій, и безъ большого труда выдѣлило это дворянство изъ прочей Россіи, — можетъ быть, потому только, что дворянство это не было вѣтвью отъ общаго корня, а только приросткомъ къ дереву, правда, уже связаннымъ съ цѣлымъ, въ общей и нераздѣльной жизни нѣсколькихъ вѣковъ. — Впрочемъ, съ другой стороны, не было нисколько невозможностью въ общественной жизни тогдашней Россіи, чтобы и дѣйствительный крестьянинъ былъ головою, и съ окончаніемъ своей службы, даже возвратился въ свое крестьянство; также, какъ на пр. (см: въ Москвитинѣхъ 1844 г.) было возможно завѣщаніе Михаила Нагова, по коему онъ завѣщаетъ помѣстье свое своему кабальному. — Но такія явленія принадлежать еще къ вопросамъ, на которые наука можетъ пока только указывать, но не разрѣшать ихъ.

На стр. 58, подъ 1576 г. «а Кн. Григор. Куракинъ писалъ къ Госуд. на племянника своего на Кн. Ив. Куракина, что велѣно ему быти в сторожевомъ полку, а Кн. Иванъ в правой рукѣ; і велѣлъ бы ему Госуд. дать на Кн. Ивана невмѣстную грамоту: и писано отъ Госуд. ко Кн. Григорью, что ему в сторожевомъ полку быть пригоже.»

Рѣшеніе было совершенно справедливо, ибо Григорій былъ пятый сынъ у отца, а Иванъ первый сынъ втораго изъ пяти братьевъ, слѣдовательно отношеніе оставалось тоже, какое и въ извѣстномъ положеніи: первый сынъ четвертому дядѣ въ версту. Въ Двор. Зап. II. 154 стр. (тоже Полн. Собр. Зак. т. I. стр. 265) мы находимъ также слѣд: Кн. Гр. Ромодановскій билъ челомъ на племянника Юр. Ромодановскаго, что ему съ нимъ быть невмѣсно, «потому что де мнѣ онъ въ роду въ ровенствѣ.» а Кн. Юр. Ромодановскій билъ челомъ Госуд. на дядю своего на Кн. Григорья Ромодановскаго, «хотя де онъ Кн. Григорій мнѣ по родству дядя, а можно де ему со мною быть по тому, что у отца своего осымой сынъ, а я у отца своего первый сынъ, а дѣдъ де мой Кн. Ив. Петровичъ отцу его Кн. Григорью

Петр. большой братъ; и Гос. указалъ Ю. Ромодановскому смотрѣть въ кривой столъ по прежнему, — а послѣ де велю васъ счесть старымъ родителямъ вашимъ» но Гр. Ромодановскій не послушалъ и былъ посаженъ въ тюрьму. И дѣйствительно, слѣдуя обыкновенному счету мѣстничества, но считая и двухъ старшихъ братьевъ Юрьева отца, которые умерли бездѣтными (а какъ мы видѣли къ спорнымъ вопросамъ мѣстничества принадлежало: считать или нѣтъ *тѣхъ, которые умирали бездѣтными*) Григорій Гр. былъ въ правѣ считать себя въ равенствѣ Юрью, потому что четвертый сынъ Григорья Петровича, втораго брата, — былъ равенъ Юрьеву отцу, третьему сыну перваго брата; восьмой же сынъ четвертое мѣсто отъ четвертаго сына, какъ *первый сынъ*, четвертое мѣсто отъ отца; — Юрій же, не считая двухъ старшихъ братьевъ своего отца, могъ, разумѣется, считать себя выше Григорья. Для большей ясности приводимъ самую родословную (Рд. Кн. II, 76): у Петра 2 сына. Иванъ и Григорій; у Ивана 3-й Иванъ, у Григорья 8-й Григорій, у Ивана Юрій. (этимъ же счетомъ исправляется ошибка Род. которая поставила Ив. П. меньшимъ братомъ Гр. П.)

Подъ 1577 годомъ, на стр. 61. Ив. Волынской посылалъ бити челомъ Государю на Ив. Сабурова; — въ грамотѣ Царской, послѣ распоряженій военныхъ, на концѣ сказано: «А что еси писалъ к намъ Иванъ на Ивана Сабурова и ты мѣсничашся бездѣпно не отцемъ, но дѣдомъ, и тебѣ бы такъ по нашему наказу быть нынѣ пригоже, и грамоты невмѣстной на Ивана Сабурова намъ тебѣ не давать.» Въ дѣлахъ по мѣстничеству не рѣдко встрѣчается, что считаются дальнѣйшими мимо своихъ ближайшихъ, но такой счетъ почитался незаконнымъ, потому что онъ выгоденъ былъ только, въ томъ случаѣ, когда эти ближайшіе истеряли свою честь передъ своими дальнѣйшими *родителями*. Такъ на оборотъ, мы встрѣчаемъ также, что бьютъ челомъ на дѣда, иногда уже умершаго, обходя внука, съ которымъ идетъ самое дѣло, потому что внукъ этотъ возвысился не въ мѣру передъ своимъ дѣдомъ; такъ въ дѣлѣ IX, Сб. II. на стр. 223. Лыковъ говоритъ про Пильмова: «бьетъ челомъ на дѣда моегоа тѣмъ меня безчестить» а въ дѣлѣ IV. Пріимковъ утягивалъ Долгорукаго его родствомъ — которое дѣйствительно было, какъ кажется, ниже родства Пріимковыхъ, — но Долгорукій отстраняетъ весь такой счетъ, повторяя одно: «Я самъ хочу быть тебя больше потому, что *полтретья* года былъ я въ Юрьевѣ у большихъ воротъ, а ты не билъ челомъ; бывши у меншихъ» и дѣйствительно какъ мы видимъ изъ дѣла VII. стр. 124.

Долгорукій былъ оправленъ. Общимъ правиломъ мѣстничества, хотя и терпѣвшимъ много исключеній было: что послѣднее и ближайшее отношеніе покрывало собою всѣ предъидущія: см: въ Сб. V. на стр. 55 «а искони во всѣхъ родѣхъ, кто передъ кѣмъ напоследъ потеряетъ, тотъ тому и виновать.»

Подъ 1570 годомъ, стр. 66 и 67, снова рядъ челобитій одного воеводы на другаго, во время похода, и писано было отъ Царя, чтобы списки взяли и были по росписи «но воеводы опять замшились и къ Кеси не пошли и Царь, кручинясь, прислалъ къ нимъ съ Москвы Посольскаго Дьяка Андрѣя Щелкалова; а изъ слободы (вѣроятно изъ Александровской т. е. опричнины) послалъ дворянина Салтыкова,» и велѣлъ имъ итти къ Кеси промыслять своимъ дѣломъ *мимо воеводъ.*» Но окончательнымъ слѣдствиемъ всего этого замѣшательства было, что войско было разбито, нарядъ взять «а иные воеводы тогда съ дѣла побѣжали, а товарищей своихъ бояръ и воеводъ выдали» разумѣется, что вслѣдствіи того же, «что быть имъ вмѣстѣ на службѣ не приходилось». Здѣсь мы видимъ яркій примѣръ того вреда, который приносило мѣстничество, особливо въ дѣлѣ военномъ, гдѣ часто отъ пустаго спора бояръ могла зависѣть вся участь сраженія, или даже цѣлаго похода. Здѣсь же, мы находимъ одинъ изъ немногихъ примѣровъ, что Грозный объявилъ *свою опалу* за мѣстничество. «А ко Князю Мих. Хворостинину *писано с опалою.*» Но странно, что въ тоже время Грозный не объявилъ своей опалы за прямое нарушеніе своего указа Ѳед. Сицкому, когда тотъ, будучи въ большомъ полку въ другихъ, билъ челомъ на первыхъ воеводъ передоваго и сторожеваго полку, а только велѣлъ быть по росписи и отвѣчалъ что тѣмъ мѣстамъ между собою дѣла нѣтъ; — См. Указъ Ив. Вас. въ Судебн. стр. 68. и Госуд. Гр. № 38. Впрочемъ такое невниманіе къ указамъ Царскимъ, когда они поставляли что нибудь противное обычаю мѣстничества, мы встрѣчаемъ не рѣдко. — (см. ниже и разборъ стр. 93).

На стр. 67, подъ 1577 годомъ. «Госуд. велѣлъ стоять у своего стола съ Кравчимъ Б. Ѳ. Годуновымъ Ив. Васил. Сицкому и Кн. Ив. сказалъ, что то ему невмѣстно и билъ челомъ на большаго брата Борисова, а Б. Ѳ. Годуновъ билъ челомъ на отца Иванова.» — Въ *дѣлахъ* такіе случаи встрѣчаются не рѣдко; челобитчикъ, считая того съ кѣмъ мѣстничается, безспорно ниже себя многими мѣстами, бьетъ челомъ прямо на высшаго родича своего противника, котораго полагаетъ послѣднимъ къ себѣ т. е.

только однимъ мѣстомъ низшимъ себя. — Иногда же, напротивъ отвѣтчикъ, считая слишкомъ низкимъ для себя, самому бить челомъ, и увѣренный въ своей высотѣ передъ противникомъ, (*многими мѣсты*), посылаетъ вмѣсто себя бить челомъ или отвѣчать за себя своего младшаго родича: такъ на стр. 84. подъ 1584 г. «Билъ челомъ Ѳ. Даскиревъ на Степ. Годунова, но въ Степаново мѣсто билъ челомъ 6-й братъ его меньшей и Даскиревъ былъ обвиненъ пятью мѣсты передъ Андрѣемъ» и слѣдовательно 10-ю передъ Степаномъ такъ и Сицкій былъ обвиненъ и Бор. Ѳеод. учиненъ его многими мѣсты больше и дана ему въ томъ за Царскомъ печатью грамота. (см. ее же Карм: т. IX прим. 490).

По однимъ разрядамъ, можно уже прослѣдить, какъ постепенно возвышались Годуновы надъ другими родами, — покровительствуемые Грознымъ Царемъ. Ни на кого не встрѣчается столько чедобитій, сколько на Годуновыхъ, но они однакожъ вездѣ были оправлены. На стр. 27, Бор. Ѳеод. билъ челомъ на Ѳд. Ве. Сицкаго, но Царь велѣлъ въ разрядъ записать, что походъ Борису и К. Ѳеодору не вѣстно, для Кн. Ѳд. Сицкаго. Это: для указываетъ, что самъ Царь еще полагалъ тогда Ѳеодора Сицкаго выше (см. ниже объ мѣстникахъ) Бориса Ѳеодоровича, — прошло 9 лѣтъ и Царская грамота обвинила, передъ Борисомъ Ивана Сицкаго, старшаго брата Ѳеодору. На стр. 70. Салтыковъ обвиненъ передъ Иваномъ Годуновымъ (тоже № 5 л. 604); на 75-й Троекурову не дано счету для Дм. Годунова (тоже № 5 л. 642); Иванъ Годуновъ учиненъ однимъ мѣстомъ больше П. Салтыкова (тоже № 5 л. 656). Сверхъ того, на 7-й свадьбѣ Ц. Ив. Вас. «Борисъ Ѳеод. билъ у Царицы въ дружкахъ въ первыхъ, а Панкр. Салтыковъ у Царя во вторыхъ и билъ челомъ на Годунова, но обвиненъ» и тамъ же «М. Салтыковъ билъ челомъ на Як. Годунова, и судъ былъ» — но рѣшенія не видать (см. Визл. т. XIII. стр. 116 и Арх. №5). — Очень сомнительно, чтобы такое возвышеніе Годуновыхъ могло совершаться, безъ нарушенія обычныхъ законовъ мѣстничества; по крайней мѣрѣ, самое то, что Бор. Ѳеод. былъ поставленъ выше Сицкаго многими мѣсты, но безъ опредѣленія *сколькими*, уже показываетъ, что самый расчетъ Царской грамоты, и тѣ отношенія, которыя могли дать такой выводъ, были не довольно ясны и опредѣленны.

На стр. 70 подъ 1579 годомъ грамота: «что бы съ Плещеевымъ Бутурлина да Салтыкова не смыкали, а какъ будутъ на Москвѣ счетъ дадимъ», т. е. что бы не давали имъ по росписи такихъ мѣстъ, которые могли бы между собою считаться, а если и случится имъ быть на такихъ

мѣстахъ, чтобъ были (покаместъ) не вмѣстно т. е. между собою не считались этой службой, потому что ихъ отношенія между собою спорныя, для чего и дается имъ судъ на Москвѣ.

На стр. 81, подъ 1582 г. Внуковъ былъ обвиненъ передъ М. Безнинымъ, и «*садился Безницъ выше Внукова.*»

Ни чѣмъ не было такъ вызываемо мѣстничество ко всей строгости своихъ распредѣленій и требованій, какъ ежедневной, постоянно представлявшейся необходимостью (какъ въ быту семейномъ такъ при Дворѣ или на службѣ): нѣсколькимъ лицамъ *видѣть* вмѣстѣ, по *мѣстамъ*; — такъ на пр. за столомъ или въ приказной избѣ и т. д. (Сб. т. V. дѣло VII. «*Гагаринъ приѣзжалъ и садился не по своему мѣсту въ Приказной избѣ*»). Всѣ *мѣста* за столомъ или на лавкѣ были необходимо цѣлою единицею одно почетнѣе другаго, тогда какъ стоять или ходить вмѣстѣ легко можно было и *безмѣстно*; и даже въ придворныхъ церемоніяхъ въ крестныхъ ходахъ и т. д. нельзя предполагать той рѣзкой, представлявшейся *нумерическою единицею* определенности взаимныхъ отношеній почета, — ибо нельзя представлять себѣ эти церемоніи и пр. какъ фрунтовую службу, шагъ въ шагъ и рядъ въ рядъ, которая одна могла бы допустить такую определенность чести въ мѣстѣ каждаго. Сверхъ того напр. правая сторона могла быть, въ известной степени, почетнѣе или безпочетнѣе лѣвой, но однакожъ не цѣдымъ *мѣстомъ*, не цѣлою единицею; примѣры же такой дробности или неопределенности отношеній мы находимъ даже въ мѣстахъ службы военной, такъ на стр. 138-й. «*Передовой полкъ кабы почетнѣе сторожеваго.*» Вспомнимъ при этомъ, что самое *мѣстничество* имѣетъ свой корень отъ *мѣста*. *Мѣстомъ* же назывался въ старину всякій городъ, также какъ доселѣ зовется всякая служба, и наконецъ всякое мѣсто за столомъ, на лавкѣ и пр. — и только въ этихъ то трехъ значеніяхъ *мѣста*, находило мѣстничество свои точныя, определенныя единицы, образуя изъ этихъ *мѣстъ* (во всѣхъ трехъ значеніяхъ его) нумерическія (другъ другу соответствующія) лѣствицы, въ коихъ каждое звѣно или *мѣсто* являлось для своего предшествующаго и послѣдующаго, нумерическою вычитаемою или прилагаемою единицей. И потому очень естественно, что когда судъ и разбирательство мѣстническихъ споровъ перешли изъ непосредственнаго родового и семейнаго круга въ область Государства и сдѣлались одною изъ принадлежностей его судебной власти; то вмѣстѣ съ тѣмъ, одною изъ обязанностей этого суда, при всякомъ нѣсколько сложномъ и

объемистомъ отношеніи, было опредѣлить съ точностью: *мѣсто* cadaго, кому *за кѣмъ сидѣть*, ибо такое *сидѣнье* по мѣстамъ было самымъ обыкновеннымъ ежедневнымъ обстоятельствомъ, которымъ вызываемо было мѣстничество въ жизнь и дѣйствительность; а потому и самое мѣстничество принимало его какъ бы за норму всѣхъ своихъ прочихъ служебныхъ и другихъ отношеній. Такъ и въ памяти Геннадія Бутурлина весь счетъ основанъ на томъ, что такой-то *сидѣлъ* подъ такимъ-то и т. д., и даже: *сидѣть* выше или ниже употреблено какъ прямо однозначительное тому, что такой-то занялъ высшее или низшее мѣсто; такъ: «Морозовъ не далъ ему мѣста и сидѣлъ выше.» Такъ и въ Сб. т. II. дѣло I, и II-е стр. 59 послѣ рѣшенія самаго дѣла, слѣдуетъ роспись тому, какъ доведется кому с *кѣмъ по тому щету сидѣти* (стр. 34 а състи было.....) Это одно изъ немногихъ дѣлъ, котораго сохранилось полное рѣшеніе, иначе же, мы вѣроятно нашли бы и при другихъ дѣлахъ такія же росписи.

Того же году М. Безнинъ билъ челомъ на Вас: Зузина и берегучи Василья «Бояре оправили его тѣмъ» что дядя его былъ на Галичѣ намѣстникомъ больше намѣстника Бояряна Тучкова и ему Василью дана правая грамота на Головина»—значить что, по отношенію для насъ потерянному, на которомъ основались Бояре, правая грамота данная на лице совершенно постороннее отвѣтчику и вѣроятно вовсе не причастное самому спору поставила Вас. Зюзина выше Безнина. (Здѣсь тоже замѣчательно, что сочтена мѣстничествомъ,—что встрѣчается весьма рѣдко—гражданская служба: намѣстникъ съ намѣстникомъ; но мы находимъ на пр. Сб. II. стр. 21. въ памяти Голицына, что съ отцемъ его на Гос. жаловань Шуйскій былъ въ меньшихъ товарищахъ; — на Гос. жаловань было однозначно намѣстничеству, см. Сдб. Ц. И .В. IV. ст. 24) Можетъ статься, что тутъ была и уловка бояръ, которые не хотѣли или не могли прямо обвинить Безнина передъ Зузинымъ,—но Безнинъ отъ той обвинки хотѣлъ постричься, и Царь далъ ему правую грамоту на Василья.

Подъ 1583 годомъ на стр. 83. Троекуровъ искалъ отечества на Татевъ, но Царь его обвинилъ и учинилъ его *мѣстникомъ* сыну Татѣва Борису.

На слѣд. стр. подъ 1584 г. Черемисновъ билъ челомъ на Безнина, но Царь обоихъ отставилъ и учинилъ ихъ *мѣстниками* т. е. *ровными* что доказывается уже и тѣмъ, что Царь ихъ *отставилъ*; ибо отставка или разводъ *вслѣдствіе челобитій* (иначе же записывалось въ разрядъ, что

отставка именно не по челобитью см. ст. 133) по отечеству, означало, какъ мы уже видѣли выше, признаніе взаимнаго равенства челобитчиковъ. Такъ и въ Сб. V. стр. 214. «В. К. Василій Ивановичъ, вслѣдствіе челобитія Салтыкова на Челяднина, сыскавъ отечество Салтыкова, его пожаловалъ съ Челяднинымъ *развелъ* и учинилъ ихъ *мѣстники*; и въ разрядехъ Смоленскихъ написаны они мѣстники.» Но еще яснѣе удостовѣряетъ насъ въ томъ же, слѣдующее мѣсто: Сб. V. стр. 119. «а Волынской учиненъ мѣстникомъ Колычову, а былъ онъ с нимъ в Иване городе и дана ему на Колычова невмѣстная грамота и потому Волынской ровень Колычеву.» Но кромѣ этаго общаго значенія равенства, подъ выраженіемъ *мѣстникъ*, должно предполагать, еще какое нибудь частное, особое значеніе, ибо оно встрѣчается рѣдко, и почти всегда съ указаніемъ, что Царь учинилъ мѣстникомъ, тогда какъ указаній на простое равенство такого-то съ такимъ-то, что: *ровень, вверсту, глаза въ глаза*, мы находимъ по нѣскольку почти въ каждомъ дѣлѣ, особливо же при счетахъ другими родами, какъ средними звѣньями.

Въ послѣднемъ приведенномъ нами мѣстѣ, мы видимъ, что вмѣсто развода или отставки, вслѣдствіе этаго учиненія мѣстниками, дана была невмѣстная грамота, такъ и въ Сб. II на стр. 219. «дѣдъ мой О. Ю. Сабуровъ мѣсникъ былъ Ѳ. Д. Воронцову, по тому что отецъ дѣда моего мѣсникъ былъ отцу Ѳедорову Д. Воронцова, а *дѣти ихъ дѣтми мѣсники были*, потому што лѣта 7053 (1545) въ большомъ полку Ѳ. Д. Воронцовъ, а въ передовомъ дѣдъ мой О. Ю. Сабуровъ, и *та служба О. Ю. Сабурову невмѣсна* для Ѳ. Воронцова и Сабурову дана грамота невмѣсная.» Изъ этихъ мѣстъ, указывающихъ на однозначительность учиненія мѣстникомъ съ полученіемъ невмѣстной грамоты, можно было бы съ перваго взгляда заключить, что *мѣстники* означало *невмѣстниковъ* т. е. такихъ, которые черезъ это самое могли, не смотря на свое равенство, продолжать службу вмѣстѣ, безъ поруки своей чести, (что не значило бы однакожъ, что всякая невмѣстная грамота данная на другаго дѣлала ихъ между собою мѣстниками, ибо невмѣстныя грамоты давались одинаково и низшимъ съ высшими, для того только, чтобы отсрочить ихъ споръ безъ вреда самой службѣ см. стр. 83 и др). Отставка же и разводъ ничего не доказывали бы противъ, ибо невмѣстныя грамоты давались иногда и при отставкѣ для предъидущей службы, чтобы не сочтена была въ поруку чести, также какъ они давались и для продолжающейся или будущей

службы. — Поводомъ же къ такой отставкѣ, или разводу при невмѣстной грамотѣ, могло быть нерѣдко и то, что при маломъ, значеніи Царскаго вмѣшательства въ обычный законъ мѣстничества, самыя невмѣстныя грамоты вѣроятно, не всегда считались достаточною охраною отъ порухи чести, при службѣ съ низшимъ или равнымъ; — и потому, не смотря на невмѣстную грамоту, челобитчики иногда разводились или получали отставку, такъ Сб. V. стр. 138 и 79. «Полевъ былъ челомъ на Томакова и Томаковъ отставленъ и дана ему невмѣстная грамота.» И слѣд: и самыя *мѣстники*, принимаемые въ смыслѣ *невмѣстниковъ*, могли быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, *разводимы*. —

Но такому значенію слова *мѣстникъ* прямо противорѣчить слѣд. мѣсто, Сб. II стр. 22, «К. О. Ростовской былъ батьку мѣсникъ, сидѣли оба на Новогороде, и отецъ мой на Ростовскаго былъ челомъ и съ Новогорода съѣхалъ, а Ростовской о томъ не былъ челомъ» ибо, если мы и находимъ, что при невмѣстной грамотѣ, брали отставку и не продолжали ея значенія на послѣдующую службу, — то мы однакожь нигдѣ не находимъ чтобы, не смотря на невмѣстную грамоту, были другъ на друга челомъ; — а напротивъ того не рѣдко встречаемъ, что были челомъ о полученіи такой невмѣстной грамоты (такъ на стр. 38 Сабуровъ). — Челобитъ же *мѣстническое*, прямое противорѣчіе понятію о *невмѣстности* и съ нимъ не совмѣстимо; и потому очевидно, что если *мѣстники* могли быть другъ на друга челомъ, то не означали *невмѣстниковъ*. — Къ тому же и приведенныя нами выше два мѣста, указывающія на невмѣстность *мѣстниковъ*, могутъ быть объяснены гораздо проще. Въ первомъ случаѣ оба мѣстника находились вмѣстѣ на одной той же службѣ въ Иванъ-городѣ, а потому самому имъ и слѣдовала невмѣстная грамота, что они были между собою мѣстники т. е. равные. Во второмъ же случаѣ, Сабуровъ, показавъ, что дѣдъ его былъ мѣстникъ Воротынскому, ибо отецъ дѣда его былъ мѣстникъ отцу Воротынскаго, (равенство же, также какъ и большее или меньшее взаимное отношеніе отцовъ между собою, разумѣется, переходило также и на сыновей, и на оборотъ учиненіе мѣстниками или равными сыновей дѣлало также мѣстниками и отцовъ См. ниже Сб. т. V. стр. 191) указываетъ сверхъ того, что это равенство ихъ было уже признано и самимъ служебнымъ распорядкомъ, ибо была дана имъ невмѣстная грамота.

Какое же могло быть послѣ этого это частное особое значеніе слова мѣстникъ?

Кромѣ приведенныхъ нами мѣстъ и указаннаго нами

ниже Сб. т. V. стр. 141. во всемъ что доселѣ напечатано и могло послужить намъ въ источники для мѣстничества мы находимъ еще только слѣдующіе 5 мѣстъ о мѣстникахъ; въ Сб. т. II. стр. 17 «а Хабаръ былъ мѣстникъ Ив. Морозову,» тоже стр. 248. «А по тому суду дядю моево Бояр. Васил. Борис. Сабурова Царь учинилъ мѣстникомъ Васил. Мих. Воронцову.» Сб. V. стр. 102 «Меньшой Волынскій учиненъ мѣстникомъ. Г. О. Колычеву, и Меньшому Вол. на Колыч. дана несмѣстная грамота» Дворц. Зап. подъ 1649 г. И Окол. Кн. Петръ Оедор. Волконской билъ челомъ Госуд. «что де мнѣ Кн. Ивану Андрѣевичу Хилкову Околыничество сказать можно, и не мѣстникъ ему.» Наконецъ Карамзина т. IV. пр. 324. «Бояринъ Акинѣй Гавриловичъ, не захотѣвъ быть въ меньшихъ съ Родіономъ, пришедшимъ изъ Кіева, которому Калита далъ надо всѣмъ большинство, отбѣжалъ въ Тверь съ дѣтьми и внуками, а въ 1337 год. въ войнѣ съ Тверью, Родіонъ убивъ его, привезъ его голову В. Князю сказавъ: «се твоего измѣнника, а моего мѣстника голова.»

Разсмотрѣвъ и сличивъ родословія всѣхъ этихъ мѣстниковъ, мы находимъ, что всѣ они безъ исключенія были другъ другу чужеродцы, тогда какъ изъ всѣхъ случаевъ, гдѣ встрѣчаются выраженія простаго равенства, какъ на пр: вверсту и др. (которые могли быть употребляемы одинаково и о мѣстникахъ,) мы находимъ только два, которые относятся къ чужеродцамъ, на стр. 111 Сб. II «по розряду Воронцовъ былъ равенъ Вяземскому» и 41. «Царь учинилъ Пронскаго съ Шуйскимъ равна» (Но здѣсь слово *учинилъ* уже указываетъ, что мѣстникъ подразумѣвается, см. ниже). Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ мы находимъ, что *равны*: дядя съ племянникомъ стр. 130, 252 и 277, братья стр. 215 и 315, также см. стр. 305; стр. 28 два разныхъ случая, стр. 60 и пр. — Тюфякинъ же съ Щербатовымъ стр. 102 и Татевъ съ Пожарскимъ стр. 278 однородцы, какъ то оказывается по родословной; см. также Сбор. V. стр. 58.

Сверхъ того, мы видимъ, что мѣстниками почти всегда *учинялъ* самъ Царь, а иногда даже говорится: что этимъ *пожаловалъ* одного изъ учиненныхъ въ мѣстники какъ милостью. — Но это объясняется именно тѣмъ, что мѣстниками могли быть только *чужеродцы*. Вообще отношенія между чужеродными никогда не могли быть такъ ясны и опредѣлительны, какъ отношенія между своеродцами, а тѣмъ болѣе, такое отношеніе совершеннаго равенства и отвлеченнаго тождества двухъ лицъ въ мѣстническомъ распорядкѣ цѣлаго Государства. Прямое отношеніе такого ра-

венства, по службѣ или разряду было невозможно, по самому понятію мѣстничества, — могло же оно быть только *выводимо*, и не иначе, какъ черезъ сложение или вычитаніе другихъ среднихъ отношеній, или какъ среднее пропорціональное изъ разныхъ отношеній противорѣчащихъ. И потому, такое равенство должно было являться настоящимъ камнемъ преткновенія въ спорахъ крѣпостворнаго мѣстничанья нашихъ предковъ и должно было необходимо вызвать вмѣшательство, въ этомъ случаѣ, виѣшней, посторонней власти въ распорядокъ мѣстничества. И дѣйствительно, мы находимъ: что это равенство является единственнымъ отношеніемъ мѣстничества, о которомъ положительно говорится, что въ немъ *воленъ* Государь; такъ Сб. т. II. стр. 115 и 118 «будетъ учинить Государь М. Темкина въ версту И. Елецкому и въ томъ Государь воленъ» также на стр. 115 «а будетъ учинить Бутурлина Елецкому, въ томъ воленъ.»

Требовалось ли такое же учиненіе или подтвержденіе въ мѣстники Царемъ, когда это отношеніе равенства было совершенно ясно и неоспоримо и могли ли называться мѣстниками ровные безъ учиненія Царскаго, это рѣшить трудно и вѣроятно самая жизнь не представляла той строгой опредѣлительности, которую мы часто напрасно отъ нее требуемъ, избавованные логической строгостью Римскаго Права или нашимъ собственнымъ систематизмомъ. И потому, тѣмъ менѣе можно требовать, чтобы всѣ свидѣтельства одинаково и положительно высказывали общій выводъ, довольно того, если они нигдѣ не противорѣчатъ ему. — Такою же неопредѣленностью самихъ мѣстническихъ отношеній объясняется слѣд. мѣсто: (Сб. V. стр. 191.) «судъ былъ третьяго сына М. Пушкина съ третьимъ сыномъ О. Плещѣва и судъ невершонъ, и потому Осипъ Плещѣвъ Мик. Пушкину мѣсникъ сталъ» (и потому О. Плещ. М. II-у ровень, тоже Сб. V. стр. 72) т. е. при невершеномъ спорѣ, равенство принималось, какъ среднее отношеніе, между двумя неясными или еще неопредѣленными судомъ отношеніями; — на стр. же 267. Сб. т. II мы находимъ: «что де тотъ судъ не вершень для равенства.» Это выраженіе, разумѣется, не могло имѣть никакого общаго значенія и вѣроятно не значило и въ этомъ случаѣ ничего другаго, какъ то: что судъ не былъ вершень, вслѣдствіе запутанности неясныхъ или близкихъ къ равенству отношеній и что этотъ судъ еще долженъ быть перенесенъ къ Царю, чтобы онъ учинилъ ровными или мѣстниками. Впрочемъ мы не находимъ также другихъ подтвержденій, чтобы нерѣшенный споръ дѣлалъ мѣстниками спорившихъ. —

На стр. 83.» Царь пожаловалъ Ив. Колычева, велѣлъ дать грамоту *невмѣстную* на Кн. Оед. Шестунова и Кн. Ивана Ситцова» и на той же стр. вслѣдствіи челобитья Сабурова о судѣ и невмѣстности: быть ему на службѣ съ Ноготковымъ, дана ему невмѣстная грамота; челобитье также какъ и самая грамота прописаны въ самой разрядной, и мы въ ней находимъ слѣдъ: «и тыбѣ, на нашей службѣ былъ безъ мѣстъ а какъ наша служба минетца и счетъ дадимъ.» И такъ значеніе невмѣстной грамоты было, какъ мы уже и видѣли, что такая то служба извѣстныхъ лицъ (прошедшая, продолжающаяся или будущая) считается неимѣющею мѣстъ или счету въ мѣстническомъ распорядкѣ. (*) Они давались (уже находившимся на службѣ или только назначеннымъ на нее) равнымъ, или такимъ, которыхъ спорные или неясные отношенія могли быть нарушены этою службой или назначеніемъ, и которымъ судъ не могъ быть данъ тотчасъ, безъ разстройства самой службы. — Не смотря однакожъ на такое, *какъ бы* равенство, получавшихъ невмѣстную грамоту, тотъ, который имѣлъ больше вѣроятностей, въ пользу своей высшей чести, могъ однако считать себя болѣе или менѣе обпуженнымъ и на оборотъ долженъ былъ считать себя въ выигрышѣ тотъ, въ пользу котораго этихъ вѣроятностей было меньше; а потому и записывалось въ разрядной, что Государь пожаловалъ такого-то невмѣстною грамотой и далъ ее на такихъ-то, или что невмѣстная грамота дана *для такого то*; и это *для* означало всегда того изъ двухъ *невмѣстниковъ*, который предполагался выше своего товарища, пока судъ не рѣшитъ между ними. — Сверхъ того, невмѣстные грамоты давались только тогда, когда была признаваема нѣкоторая справедливость челобитій; — въ противномъ же случаѣ, не смотря на имянные просьбы челобитчиковъ, чтобы имъ дана была невмѣстная грамота (такъ на стр. 58 и 62.) Царь отказывалъ въ ней и приказывалъ быть по прежнему. Иногда же, хотя въ челобитной и не поминается имянно о невмѣстной грамотѣ, Царь отвѣчалъ «а грамоты невмѣстной тебѣ на такого то не давати» стр. 62. Невмѣстные грамоты мы встрѣчаемъ еще на стр. 23, 75. и на 79.

(*) А потому мы видимъ, что значеніе грам. невмѣстной было совершенно иное и даже противоположное грам. *разводной* (Сб. II. стр. 8) — хотя тѣ и другія могли даваться въ слѣдствіи одной и той же причины, т. е. равенства назначенныхъ на службу или въ избѣжаніе и отсрочку спора.

двѣ (*). Кромѣ того, иногда попадаетсѣ выраженіе: что такимъ то, на такой то службѣ: быть невмѣстно стр. 27, 51 и 71 иногда же: та служба безъ мѣстъ, см. стр. 22, 32, 47, 48, на стр. же 51. «Царь отвѣчаетъ на цѣлый рядъ челобитій: на той службѣ быть безъ мѣстъ.» Нельзя положительно утверждать, чтобы при этихъ выраженіяхъ не подразумѣвалась само собою и невмѣстная грамота, но мы должны помнить, что простая записка въ разрядъ могла быть всегда равносильна самой невмѣстной грамотѣ; сверхъ того выраженіе: *быть безъ мѣстъ* могло иногда относиться къ цѣлой службѣ (такъ, на стр. 51) также, какъ иногда въ послѣдствіи цѣлый походъ или обѣдъ у Царя (см. стр. 120 и походы при Ал. Мих.) объявлялся безмѣстнымъ, — тогда какъ невмѣстная грамота относилась всегда только къ извѣстнымъ лицамъ.

Вообще это объявленіе службы невмѣстною было самымъ прямымъ и вѣрнымъ исходомъ изъ тѣхъ препятствій и невыгодъ, которыя мѣстничество могло представлять для Государственной службы. Такъ и въ самомъ яркомъ примѣрѣ такого вреда отъ мѣстничества (особливо въ ратномъ дѣлѣ), на который мы указали на стр. 67, когда воеводы нѣсколько разъ *замшились*, побѣждали и были разбиты, Царь приказывалъ: *быть по росписи*, а не: *безъ мѣстъ*. Грозный хорошо зналъ это и чаще всѣхъ своихъ преемниковъ прибѣгалъ къ такому средству, — такъ что на 35 или 40 мѣстническихъ случаевъ, въ последнее 25 — лѣтіе грознаго Царствованія, мы находимъ до 15 рѣшеній: что такая-то служба безъ мѣстъ или невмѣстна, и въ томъ числѣ, такое же рѣшеніе на стр. 51, въ отвѣтъ на цѣлый рядъ мѣстническихъ случаевъ, а на стр. 25 объявлено безъ мѣстъ служебное отношеніе по городамъ; — и потому, по справедливости можно полагать, что половина всѣхъ споровъ рѣшалась такою невмѣстностью службы. Сверхъ того, Грозный иногда прямо отзывалъ отъ службы одного изъ спорившихъ, т. е. *разводилъ*, такъ на стр. 66. или присылалъ въ обмѣну другаго воеводу, см. стр. 58.

Этимъ вѣроятно и объясняется мягкость грознаго Царствованія къ спорамъ по мѣстничеству; — и мы почти не видимъ опалъ или наказаній за такіе споры, въ сравненіи съ послѣдующими Царствованіями. На стр. 67 и 11 мы

(*) Въ Арх. разр. № 5 мы находимъ невмѣстныя грамоты на лист. 628. Бутурлину, 634. Колячеву, 641. Вельяминову, 658. Салтыкову, 659. Головкину, 666. Ноготкову, 670. Колячеву.

находимъ только, что было *писано съ опалою*, на 70, упомянуты двѣ выдачи головою, да на стр. 83, мы находимъ, что «Царь въ Новгородъ прислалъ дворянина, а велѣлъ за то Салтыкова лаять, что билъ челомъ не по дѣлу и велѣлъ на немъ доправить за прогоны 30 рублей.» Но сверхъ того, въ Арх. Раз. № 5. мы находимъ на листѣ 558, подъ 1579 г. «и Ц. и В. К. Романа пожаловалъ велѣлъ Василья Кузмина бити батоги за Романова безчестья в Болхове передъ разрядною избою,» — а на лс. 608. 1580 г. «и оборонъ Государь пожаловалъ велѣлъ дати Оомъ и Роману, учинити, велѣлъ Кн. Дмитрея вкинуть втюрму на недѣлю, да доправити на Князе Дмитрее Оомино бесчестье противъ Оомина жалованья 150 рублевъ, — а Роману Бутурлину велѣлъ же оборонъ учинити, велѣлъ Кн. Дм. послати в Великій Новъ Городъ на подводахъ,» стр. 644. 1581 г. «данъ Роману Бутурлину оборонъ на Кн. Ив. Туренина и Туренинъ посаженъ на 3 дни въ тюрму.»

Царствование Θεодора Иоанновича.

Разобравъ дѣла и случаи по мѣстничеству, представлявшіеся намъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе Ц. Ивана Васильевича и опираясь на данныхъ, которыя оно намъ доставило, мы можемъ теперь разсмотрѣть слѣдующее Царствование Θεодора Иоанновича, въ отношеніи къ самому развитію мѣстничества. Съ этой стороны его Царствование особенно замѣчательно. Мы видѣли уже, что грозное Царствование умѣло однакожъ (въ большей части случаевъ) милостиво разрѣшать затрудненія, которыя представляло ему мѣстничество и уважать его обычный законъ; въ кроткое же правленіе благочестиваго Θεодора, мы видимъ на-противъ небывалую строгость, и даже произволъ правительства въ дѣлахъ и спорахъ по мѣстничеству; — такъ на стр. 103. Гвоздевъ за свое (вѣроятно несправедливое) челобитье, *безъ суда* битъ батоги и выданъ головою Одоевскому; на стр. 113, К. Борятинской былъ обвиненъ передъ Долгорукимъ и посланъ въ Сибирь и пр.

Правда, что мѣстничество должно было, съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ, представлять все болѣе затрудненій для правящей власти и мѣшать всему ходу исполнительной дѣятельности Государства, — а вмѣстѣ съ окрѣпленіемъ и развитіемъ этого Государства долженъ былъ, съ другой стороны, необходимо терять отъ своей прежней живой силы родовой служебный распорядокъ. — Когда же опричина разъ нарушила и разорвала прежній организмъ и единство этого родоваго государственнаго распорядка, (уничтоженіе же ея не могло, разумѣется, возвратитъ его къ его

прежней нормальной жизни; — организм, разъ нарушен-
ный, не спланивается снова) споры и челобитья по мѣст-
ничеству, какъ мы уже видѣли, почти учетверились. Сверхъ
того, по мѣрѣ какъ разростались и множились роды,
и разширялся объемъ Государственной службы, вмѣстѣ
съ тѣмъ, разширялся и кругъ самаго мѣстничества, мно-
жились и путались всѣ его отношенія. — Но всего этого
еще недостаточно, чтобы объяснить всю строгость
такихъ мѣръ, при Царѣ кроткомъ и незлобивомъ, каковъ
былъ Ѳеодоръ. Но вспомнимъ, что подъ именемъ Ѳеодора
правилъ и распоряжалъ Государствомъ Годуновъ. Госу-
дарственный умъ Годунова не могъ не понять, что родовой
распорядокъ уже не отвѣчалъ болѣе на новыя, постоянно
возрастающія требованія Государственной жизни; — онъ
предвидѣлъ его близкую кончину и побѣду Государства
и не могъ не желать ея. Сверхъ того, онъ не могъ не чув-
ствовать себя *изъ пришлыхъ* передъ той высотой, на кото-
рой стоялъ въ Государствѣ, и не чувствовать незакон-
ность имъ занимаемаго *мѣста* въ распорядкѣ родо-
вой чести; — тѣмъ болѣе, что мѣстничество не переста-
вало напоминать ему про эту незаконность рядомъ чело-
битій на него и родъ его, — отъ которыхъ защитила
Годуновыхъ лишь неизмѣнная милость Грознаго Царя
къ Борису Ѳеодоровичу. Съ вступленіемъ на престолъ
Ѳеодора Іоанновича никто не смѣлъ болѣе бить челомъ
на шурина царскаго и безспорнаго правителя Госуда-
рствомъ, и даже на его сродниковъ. Напротивъ того, мы
видимъ, что Ѳеодоръ Іоан. вершаетъ и, разумѣется, въ
пользу Годуновыхъ, споры невершенные самимъ Іоан-
номъ; такъ въ Нов. разр. Висл. т. XIV. ст. 106; тоже
Арх. N. 5 л. 634. 1585 г. «Бояр. Ив. В. Годуновъ билъ челомъ
на Ѳому Бутурлина о невершенномъ судѣ съ 1581 года, и
Бояре приговорили «Ив. В. Годунова, Ѳомы Бутурлина 6-ю
мѣсты больше; — а сынъ Ив. В. Год. — Иванъ, Ѳомы, Бутурли-
на по суду и по разряду и по счету 5-ю мѣсты больши.»
(свѣд. однимъ мѣстомъ меньше отца? — по Род. онъ былъ у
отца одинъ сынъ?...). Но еще въ 1594 году Государь принуж-
денъ былъ самъ заступиться за Годунова и писать съ
опалою Боярину Ѳеодору Ивановичу Мстиславскому за то,
что «въ грамотѣ отъ Царя писано къ нему Мстиславскому,
да къ Коцюшему Б. Ѳ. Годунову, а онъ противъ Госуда-
ревой грамоты писалъ одно свое имя», а вслѣдъ за тѣмъ,
вѣроятно, чтобы не давать болѣе повода къ препятствіямъ
и замѣшательствамъ по службѣ, Государь принужденъ
былъ самъ отозвать изъ похода всѣхъ Годуновыхъ, Бо-

риса, Степана и Ивана; см. стр. 118. Сверхъ того, хотя прямыхъ челобитій на Годуновыхъ и не было больше и вѣроятно не смѣли даже *утягивать* Годуновыми, въ другихъ спорахъ, но всякое дѣло, въ которомъ счетъ доходилъ до родовъ, равныхъ съ ними или ихъ высшихъ, должно было напоминать всему служебному распорядку и самому Годунову о незаконной имъ занимаемой высотѣ; — такъ, что Годуновъ, для поддержанія и утвержденія своей собственной чести, долженъ былъ стараться заглушать всякія такія дѣла и споры по мѣстничеству (въ объясненіе этого, см. въ Сб. V. стр. 317. Прозоровскіе бьютъ челомъ Государю о судѣ: «А случаевъ де у нихъ много, да *передъ* Бояръ положить ихъ не мочно, потому что и до многихъ Боярь *въ случаяхъ дойдетъ*» — такъ доходили они и до Годуновыхъ.) И такъ, мы видимъ, что все вызывало Годунова на крутыя насильственныя мѣры противъ мѣстничества. Но эти крутыя мѣры, неуваженіе обычнаго закона и произвольныя назначенія на службу вызвали такое же произвольное противодѣйствіе. Мы находимъ частое прямое неповиновеніе распоряженіямъ правительства, такъ (на стр. 107. трое) «не брали списковъ, а дѣтей боярскихъ въ приѣздѣ не пишутъ» хотя на службу и поѣхали; К. же Буйносовъ и на службу не поѣхалъ (хотя Царь и велѣлъ ему сказать «чтобъ онъ ѣхалъ на службу, безъ мѣстъ, а суда вершить неколи») «на службу не поѣхалъ» стр. 129; также «списковъ не взяли» на стр. 124 и 131. а на стр. 130, Захаръ Ляпуновъ, братъ знаменитаго Прокофья, съ службы збѣжалъ, не хотя быть станичнымъ головою.

Въ царствованіе Іоанна Васильевича, какъ мы видѣли, всѣ такія затрудненія и назначенія по службѣ, которыя встрѣчали сопротивленіе въ Воеводахъ или возбуждали въ нихъ неудовольствія и неохоту къ службѣ, были почти всегда разрѣшаемы безмѣстностью и даже, какъ мы видѣли, почти на половину всѣхъ встрѣчавшихся случаевъ. Во все же Царствованіе Θεодора, при учетверившемся числѣ споровъ и челобитій (до 118, на 15-ти лѣтнее Царствованіе, по нашей разр. и до 132, по разр. № 3 и по разр. № 5), рѣшеній: что служба невмѣстна или невмѣстныхъ грамотъ, мы находимъ собственно не болѣе пяти (на стр. 88. хотя и сказано, что Колычову дана невмѣстная грамота, но вслѣдъ за тѣмъ прибавлено: о томъ писано въ сей книгѣ не подлинно, грамоты не дано; — въ подлинникѣ той же рукою) на стр. 92 троимъ дана или не вмѣстная грамота или сказано быть: *безъ мѣстъ*, но вслѣдствіе одного и того же случая и взаимныхъ челобитій; на стр.

96 двѣ невѣстныя и на стр. 111 подъ 1590 г. «Царь пожаловалъ невѣстной грамотой Волынскаго»; но вслѣдъ за тѣмъ на слѣдующее челобитіе Царь велѣлъ отказать и велѣлъ: *невѣстныхъ грамотъ не давать* и дѣйствительно въ послѣдніе 8 лѣтъ царствованія, мы ни разу не встрѣчаемъ ни невѣстной грамоты, ни чтобы служба была: безъ мѣстъ (кромѣ, какъ въ томъ же году, стр. 112, дана была невѣстная грамота, послѣ сложенія опалы съ Алферьева и разъ велѣно сидѣть за столомъ царскимъ безъ мѣстъ стр. 120,) но за то заключеній въ тюрьму и другихъ наказаній за челобитья по мѣстничеству, мы находимъ, (по одной нашей разрядной) въ эти 15 лѣтъ до 15; — стр. 103. ссылка въ Сибирь; стр. 102 «безъ суда битъ батоги и выданъ головою» (тоже Карамз. X. пр. 456.) стр. 109. безъ суда выданъ головою, на стр. 106 выданъ головою и см. стр. 112. «по Государевѣ опалѣ съ Москвы сосланъ» но послѣ опала сложена и дана невѣстная грамота; на стр. 99. одинъ посаженъ въ тюрьму татиную, другой въ нарошную, на стр. 107. трое, не взявшіе списковъ, посажены въ тюрьму, на стр. 128. посаженъ въ тюрьму и на той же стр. «Буйносовы посланы за приставомъ на службу (т. е. насильно) и одинъ изъ нихъ выданъ головою.» стр. 130 «за то, что П. Шерем. у руки не былъ и на службу не поѣхалъ, велѣно его приставу вывести скована въ телѣгѣ за посадъ» и на той же стр. грамота «чтобы Ляпунова привести съ его помѣстья сковавъ, предъ всѣми людьми битъ батоги и бивъ посадить въ тюрьму и доправивъ всѣ прогоны, прислать къ Москвѣ назадъ на службу, съ которой онъ сбѣжалъ» и на стр. 131. посажены двое въ тюрьму.

Въ то же время, мы видимъ, сверхъ того, вмѣстѣ съ разширеніемъ объема службы расширился и кругъ самаго мѣстничества, — и въ немъ замѣтно стремленіе захватывать и сводить вмѣстѣ все болѣе новыхъ отношеній. На стр. 91. «въ Торопецъ посланъ воевода Сабуровъ, и въ Торопцѣ же намѣстникъ и воевода Пронской; и Сабуровъ билъ челомъ на Пронскаго, но Царь велѣлъ первому свое дѣло ратное вѣдать, а другому свое дѣло намѣстниче» (тоже Арх. разр. № 5. стр. 705) Мы находимъ также многіе споры придворныхъ (почти не встрѣчаемые прежде; въ послѣднее 25-лѣтіе Царств. Ив. В. только 1 случай въ нашей разряд.) (*) и челобитья по службамъ, какъ на пр.

(*) Для всѣхъ этихъ выводовъ и числовыхъ отношеній мы держались одной нашей разрядной. Нѣсколько фактовъ болѣе или менѣе къ тому или другому

рындовъ, такъ на стр. 107, 132 и 110-й или при церемоніяхъ, за столомъ Царскимъ и въ придворныхъ чинахъ, такъ на стр. 102 «Пріимковъ билъ челомъ на Одоевскаго въ томъ что Од. смотрѣлъ большой столъ а онъ кривой.» на стр. 103 «на Угрешѣ въ монастырѣ Царь пожаловалъ звалъ ѣсть къ себѣ Трубецкова да Куракина, но Куракинъ, не хотя сидѣть ниже Трубецкова, не былъ, а билъ челомъ на Трубецкова»; — на стр. 128 челобитье посланнаго со столомъ къ Цисарскому послу, и на стр. 100-й; «Царь велѣлъ за столъ сѣсть постельничему съ путемъ да стряпчему съ ключемъ и стряпчій Старово билъ челомъ на постелничаго Безобразова «что де мнѣ Осударь для того ниже Безобразова сидѣть невмѣстно, хотя онъ меня твоею милостью честнѣе *путемъ*.» Здѣсь особенно замѣчателенъ этотъ прямой споръ между честью родовой и честью государевой т. е. что Возобразовъ ниже Старова по родовымъ отношеніямъ, хотя и выше его своимъ постелничествомъ. Впрочемъ это мѣсто объяснено можетъ быть и иначе (если отнести: *для того къ: путемъ*) тѣмъ, что постелничество было выше стряпчества *своимъ путемъ*; (*) но и стряпчество *своимъ ключемъ* было почти также честно; т. е. что если эти должности и не были совершенно равны между собою, то за то и не была одна выше другой цѣлымъ мѣстомъ; ключъ же и путь были между ними какъ бы дробі?

Но самое это расширеніе мѣстничества и особливо внесеніе его споровъ въ область службы придворной, расширяя и раздробляя его кругъ дѣйствія, тѣмъ самымъ ослабляло его силу и унижало его важность и значеніе Государственное. Перенесенное въ область службы придворной, въ то самое время, когда Государство противодействовало ему всѣмъ своимъ внутреннимъ стремленіемъ въ области службы Государственной, оно тѣмъ самымъ приготавлило себѣ легкій переходъ къ постепенному вымиранью и близкой, насильственной смерти. При Романовыхъ всѣ походы бывали уже почти безъ мѣстъ (см. Др. Виѣл. — стр. 432 т. XVII)

отношенію, изъ двухъ или трехъ другихъ разрядныхъ, ничего не прибавили бы къ точности вывода. — Для возможно полнаго и строгаго вывода необходимъ сводъ всѣхъ разрядныхъ, для вывода же приблизительнаго вполне достаточно и одной.

(*) Постелничество съ *путемъ*, не связано ли съ древними общеславянскими обычаями при свадьбахъ? — такъ въ Черногоріи, до сихъ поръ, всѣ отправляющіе должность при свадьбѣ со стороны жениха называются *отпути*. См. Вука Черногорье. —

и по росписи, а споры и челобитья продолжались при Царских столахъ и придворныхъ церемоніяхъ, и изъ высшаго мѣста на лавкѣ за столомъ Царскимъ, Бояре жертвовали жизнью и всемъ имуществомъ, во имя той же но уже, безсильной родовой чести — (см. дѣло Козловскаго) какъ прежде отстаивали подѣ страхомъ той же царской опалы — и почти всегда успѣшно — свои мѣста въ предводительствѣ войскомъ, управленіи Государствомъ и т. д. А потому мѣстничество и завѣщало по себѣ потомству одну память какого-то нелѣпаго и смѣшнаго предразсудка, не дождавшись даже своего Сервантеса. — На Западѣ параллельнымъ явленіемъ, мѣстничеству было Рыцарство; какъ одно было естественнымъ произведеніемъ быта родового, такъ второе дружины, но и Донъ Кихотъ не могъ оставить рыцарству одну его смѣшную сторону и не заставилъ забыть у потомства его другое, когда то великое и святое значеніе, но надо помнить для этого, что рыцарство жило въ такихъ народахъ, которые умѣли цѣнить и уважать свое прошедшее.

На стр. 88, челобитье Б. Сабурова на И. Ноготкова: «и я, » хотя служить отцу твоему и тебѣ, списки взялъ и у » дѣла былъ и вамъ Государемъ служилъ; — да посылалъ » бити челомъ отцу твоему на И. Ноготкова.» Замѣчательно здѣсь, какъ ясно видно изъ этихъ словъ, что Ноготковъ полагаетъ себѣ, какъ бы въ достоинство, передъ Царемъ, что былъ на службѣ, хотя и считалъ ее *невмѣстной* для себя. Далѣе онъ продолжаетъ, что Ц. И. В. его пожаловалъ, прислалъ ему грамоту невмѣстную на Ноготкова, теперь же проситъ, чтобы судъ и счетъ былъ ему данъ, чтобы въ конецъ не загинулъ. Изъ этого мы ясно видимъ чисто временное значеніе невмѣстной грамоты, тогда какъ учиненіе мѣстникомъ было отношеніе постоянное и даже, какъ мы видѣли, переходило на дѣтей.

На стр. 89. «Б. Татевъ искалъ отечества на А. Телятевскомъ; но былъ обвиненъ и учиненъ тремя мѣстами ниже А. Телятевскаго. «Татевы и Телятевскіе другъ другу чужеродцы, первые отъ Стародубскихъ Князей, а вторые отъ Тверскихъ и потому прослѣдить ихъ счета, не имѣя другихъ данныхъ, кромѣ родословной, нельзя.

На стр. 90. «К: М. Щербатой билъ челомъ на К. В. Засѣкина, что тотъ на Рязани въ другихъ, а онъ у Никола Зарайскаго, въ другихъ же» таковъ смыслъ Царской грамоты, билъ же челомъ Щербатой, какъ очевидно, потому что Зарайскій былъ менѣе честенъ чѣмъ Рязань, столица прежняго Княженія, а потому и первый воевода на Рязани былъ разумѣется честнѣе. Случай этотъ слу-

жить лишь новымъ свидѣтельствомъ того, что мы уже прежде сказали о взаимномъ старшинствѣ древнихъ городовъ между собою и соотвѣтствіи ему старшинства мѣстъ.

На стр. 91. «Ф. Колычевъ билъ челомъ на Р. Алферьева, что онъ былъ его меньше по росписи въ прошломъ году» и слѣд; здѣсь билъ челомъ на свою прошлую службу, на которой однако же былъ и даже годовалъ на Ладогѣ. — Вообще принять на себя службу и мѣсто, несоотвѣтствующее своей чести, еще можно было безъ порухи этой чести, но въ такомъ случаѣ слѣдовало тотчасъ же или, по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за окончаніемъ этой службы, бить челомъ т. е. протестовать на нее. Всѣ же назначенія на службу простирались обыкновенно только на одинъ годъ, и потому годовать Колычевъ еще могъ на службѣ, которую считалъ не довольно честною для себя, но оставаться долѣе на ней, не бивъ челомъ, безъ прямой порухи своей чести, онъ разумѣется не могъ.

Колычевъ былъ оправленъ и Царь послалъ ихъ снова въ Ладогу и въ наказѣ велѣлъ написать Колычова, а Алферьева послѣ; но при этомъ въ разрядной замѣчено, что «тѣмъ судомъ промышлялъ Бояринъ Ив. Шуйскій», чѣмъ указывалось — что судъ и наказъ были даны незаконно. Вслѣдъ же за тѣмъ мы видимъ, что грамота и наказъ даны были на оборотъ, по прежнему, Алферьеву. Это одинъ изъ частыхъ примѣровъ, гдѣ мы видимъ, что мѣстническій распорядокъ умѣлъ обходить, а иногда прямо исправлять и передѣлывать неправильное Царское рѣшеніе, противорѣчившее его обычному праву.

Здѣсь замѣчательно также, что вмѣстѣ данъ наказъ Алферьеву въ Ладогу и послана о тѣхъ же лицахъ грамота Боярамъ въ Новгородъ; — доказательство, что древнія столицы нашихъ Княженій еще продолжали завѣдывать своими древними пригородами и Москва распоряжала чрезъ нихъ младшими городами. —

На стр. 94 «И Михайло Салтыковъ на отпуске билъ челомъ въ отечестве на Микиту Очина Плещѣва, что Микита в другихъ въ большемъ полку, а онъ въ передовомъ полку, да Михайложъ Кривой билъ челомъ на Кн. Василья Мусу Туренина, что Кн. Василей Муса первой въ лѣвой рукѣ; да Михайло жъ Кривой билъ челомъ на Кн. Василья Хилкова, что Кн. Василей Хилковъ в правой рукѣ другой» М. Салтыковъ, другой воевода въ передовомъ полку, билъ челомъ на другаго воеводу большаго полка, на перваго лѣвой, и втораго правой, и слѣд., 2-й воевода передоваго полка считалъ себя меньше 2-го большаго, 1-го лѣвой руки

и 2-го правой, таковъ выводъ который даетъ этотъ случай. — Здѣсь представляются намъ нѣсколько отрывочныхъ *отношеній* изъ общаго круга взаимныхъ *отношеній* воеводскихъ мѣстъ между собою, и потому дѣло науки, въ этомъ случаѣ, возстановить, по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которые представляютъ это и подобные этому мѣста въ *дѣлахъ* и разрядныхъ, весь кругъ этихъ *отношеній*. Прямыхъ положительныхъ данныхъ, сколькими мѣстами какой воевода больше другаго, мы имѣемъ весьма немного, но такъ какъ порядокъ самихъ полковъ не подлежитъ никакому сомнѣнiю; ибо повторяется одинъ и тотъ же на каждой страницѣ разрядовъ (большой полкъ, правая рука, передовой и сторожевой, признаваемые почти вездѣ какъ закономъ, такъ и обычаемъ за равные и лѣвая рука) и всѣ такіа *отношенія* въ мѣстничествѣ слѣдуютъ одно изъ другаго съ математическою строгостью численной пропорціи, то по нѣсколькимъ даннымъ *отношеніямъ*, легко возстановить и весь кругъ *отношеній* и общій счетъ мѣстъ между собою, который мы и представляемъ въ прилагаемой таблицѣ (*) Мы ограничиваемся одними 1-ми и 2-ми воеводами, потому что 3-и встрѣчаются рѣдко и только какъ исключенія, впрочемъ также легко распространить эту таблицу и на 3-хъ и включить ихъ въ тотъ же рядъ *отношеній*.

Первые Воеводы.				Вторые Воеводы.			
Бол. пол.	Прав. рк.	Пер. и стор.	Лѣв. рк.	Бол. пол.	Прав. рк.	Пер. и стор.	Лѣв. рк.
0	-1	-2	-3	-4	-5	-6	-7
1	0	-1	-2	-3	-4	-5	-6
2	1	0	-1	-2	-3	-4	-5
3	2	1	0	-1	-2	-3	-4
4	3	2	1	0	-1	-2	-3
5	4	3	2	1	0	-1	-2
6	5	4	3	2	1	0	-1
7	6	5	4	3	2	1	0

Нуль обозначаетъ то мѣсто, отъ котораго начинается счетъ, — цифры на право отъ нуля. (стоящаго подъ тѣмъ полкомъ о которомъ идетъ рѣчь) обозначенные знакомъ минуса, показываютъ сколькими мѣстами какой воевода меньше того, отъ коего начинается счетъ и слѣд. обозна-

(*) Этой таблицей мы обязаны разбору дѣла Пожарскаго однимъ изъ бывшихъ Г. Студентовъ Мос. Университета и сообщенному намъ М. П. Погодинна. Мы исправили только нѣкоторые ошибки и передаемъ въ болѣе ясной формѣ.

ченнаго знакомъ нуля; и на оборотъ цыфры, на лѣво отъ нуля, такимъ же образомъ, показываютъ сколькоими мѣстами какой воевода больше. Такъ на прим. 1-й воевода лѣвой руки, 2-го большаго полка больше однимъ мѣстомъ, правой 2-го, 2-мя мѣстами, передоваго и сторожеваго 2-хъ 3-мя мѣстами, а лѣвой 2-го, 4-мя мѣстами;—что и говоритъ слово въ слово, Лыковъ въ Сб. II. на стр. 299-й.

Когда счетъ идетъ однимъ первымъ воеводамъ между собою или однимъ вторымъ, то уже ясно изъ самаго порядка полковъ, кто кого больше или меньше и сколькоими мѣстами. Самая простота щета въ этомъ случаѣ, не позволяла никакого разногласія, въ такихъ челобитьяхъ и счетахъ между одними первыми воеводами или одними вторыми, съ тѣмъ порядкомъ отношеній, на который, мы указали.—Такъ въ разрядной, на стр. 98 и 105 передовой 2-й билъ челомъ на большаго 2-го; Стр. 131 лѣвой 2-й на сторожеваго 2-го; См. тоже въ Сб. II. стр. 103. Др. Виел. т. XIV. стр. 414, передовой больше лѣваго; стр. 415 «прав. руки, передоваго и сторожеваго полку вторые, больше лѣваго втораго»—стр. 435, правой 2-й больше передоваго и сторожеваго 2-хъ; Сб. II. стр. 31 «правый больше сторожеваго 1-мъ мѣстомъ, а сторожевой лѣвой руки 1-мъ мѣстомъ» и слѣд. правый больше лѣваго 2-мя мѣстами, какъ мы и видимъ изъ нашей таблицы стр. 34, передовой 1-й однимъ мѣстомъ больше лѣвой 1-го. Стр. 98 2-й большаго полку больше правой 2-го а правой 2-й больше сторожеваго 2-го и пр. и наконецъ на стр. 333, Сб. II. имянное показаніе, что второй правой руки больше передовыхъ и сторожевыхъ 1-мъ мѣстомъ а 2-го лѣвой 2-мя мѣстами.

Мы встрѣчаемъ рѣже челобитья между вторыми воеводами и первыми (при чемъ перекрещивались отношенія всякаго перваго воеводы въ младшемъ полку, со всякимъ 2-мъ, но въ старшемъ полку и на оборотъ); ибо самый счетъ въ такомъ случаѣ былъ отдаленнѣе и не имѣлъ болѣе той наглядности, а потому самому и находилъ болѣе противодѣйствія въ законодательствѣ. Но, не смотря на Царскіе приговоры, мы не рѣдко встрѣчаемъ однакожъ такіа челобитья и счета прямо противорѣчившія имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ точности совпадающіе со счетомъ нашей таблицы; такъ 97 стр. правый вторый билъ на лѣвой перваго и большой 2-го въ Др. Виел. т. XIV на стр. 435 правый вторый билъ челомъ на лѣваго 1-го; тоже въ Сб. V. стр. 79 передовой 1-ый сочтенъ больше 2-го большаго; въ Арх. Разр. № 5. л. 210 сторожевой 2-й билъ челомъ на лѣвой 1-го; см. также л. 183. и пр. и наконецъ вполнѣ совпадаетъ съ той же таблицей

(и это согласіе не можетъ быть случайное) самое подробное, именное свидѣтельство о томъ: сколько мѣстами какой воевода больше другаго стр. 299 Сб. II «потому что въ лѣвой рукѣ 1-й воевода въ большомъ полку 2-го воеводы больши мѣстомъ, а правой руки 2-го воеводы больше два мѣсты, а передова и сторожева полку 2 хъ воеводъ больши 3 мѣсты а лѣвыя руки другаго воеводы больши четыре мѣсты». Лыковъ приводитъ на судъ такое доказательство своего счета, какъ положительное и обще извѣстное отношеніе воеводъ между собой, — хотя и прямо противорѣчащее приговорамъ Царскимъ, изъ чего мы въ правѣ заключить, что обычный порядокъ и счетъ отношеній продолжалъ сохранять свою обычную силу, во всей строгости математической пропорціи, не смотря на всѣ усилія законодательства, какъ увидимъ ниже, разорвать его. А потому мы и принимаемъ за положительную норму отношеній, правившую всѣмъ военнымъ распорядкомъ того времени, числовую пропорцію, выведенную нами изъ данныхъ, которыя представлялъ обычай, — а не постановленія законодательства, ибо они являлись въ жизни, какъ одни изключенія, и безсильное противодѣйствіе внутренней крѣпости обычая.

Но не могли однакожъ вездѣ и всегда совпадать съ общою таблицею отношеній, которую мы представили, всѣ частные случаи челобитій отъ воеводъ, и счетовъ воеводскихъ мѣстъ между собою. Кромѣ противодѣйствія указовъ Царскихъ, которымъ обычай то повиновался, то не обращалъ на нихъ никакого вниманія, самое войско не всегда было посылаемо на пять полковъ но иногда и на три; и наконецъ въ этихъ счетахъ, какъ и при всѣхъ такихъ счетахъ мѣстами, необходимо была извѣстная неопредѣленность выраженій, которая могла производить разницу въ счетѣ на одно и на два мѣста.

Войско или ополченіе, какъ мы уже сказали, не всегда состояло изъ 5 полковъ, а бывало не рѣдко посылаемо и на три полка и состояло въ такомъ случаѣ изъ большаго полка, передоваго и сторожеваго, которые, какъ отсюда видно, составляли необходимое раздѣленіе всякаго вознаго ополченія того времени, лѣвая же рука и правая были, такъ сказать, лишь полки придаточные, могшіе быть и не быть въ ополченіи. — Такъ въ Др. Воед. т. XIV стр. 489-я, подъ 1586 годомъ; походъ на три полка тоже Сб. II. стр. 395 подъ 1628 г. Сб. V. стр. 77-я и пр. и пр. Въ такомъ случаѣ, какъ само собой очевидно, вся пропорція отношеній измѣнялась, ибо изъ таблицы должны были

быть опущены два ряда цифръ, отвечающіе правой и лѣвой рукѣ. — Для такого дѣленія войска на три полка легко составить такуюже таблицу отношеній, въ пропорцію 3-хъ вмѣсто 5, и она въ точности совпадетъ съ именнымъ свидѣтельствомъ на стр. 363 Сб. II-й, въ коемъ мы и находимъ, что Государь велѣлъ тогда итти на три полка «что 1-й сторожевой больше 2-го большаго 1-мъ мѣстомъ, а передоваго и сторожеваго вторыхъ 2-мя мѣстами» тоже самое мы находимъ въ Сб. II на стр. 340, но безъ указанія; было ли войско, въ этомъ случаѣ, на 5 полковъ или на 3; — могло быть и послѣднее. — Въ противномъ же случаѣ, Лыковъ, приводившій это отношеніе въ доказательство своего счета, слѣдовалъ здѣсь Царскимъ приговорамъ, которые поставляя, что «передовому и сторожевому полку до правой и лѣвой руки дѣла нѣтъ и что они межъ себя безъ мѣстъ» хотѣли лишь подвести счетъ воеводѣ, въ томъ и другомъ случаѣ, къ одному знаменателю и принимая правую и лѣвую руку за одни придаточныя, и потому, исключая изъ общаго счета, установить *одинъ счетъ на три полка*, — а за правой и лѣвой рукой, какъ придаточными, оставить только отдѣльный счетъ между собою и съ большимъ полкомъ. А потому, согласно съ Царскими приговорами, и при раздѣленіи войска на 5 полковъ, должна была оставаться таже основная пропорція отношеній на 3 полка. Тѣмъ же приговоромъ 1550 года объясняется и слѣд. мѣсто Сб. II стр. 34 «а лѣвый первый больше правой 2-го, 1-мъ мѣстомъ»; ибо мы находимъ въ томъ же приговорѣ 1550 года, но высказаннымъ подробнѣе и яснѣе въ Сб. V стр. 124 «а по твоему Государеву указу да и при прежнихъ Государей, который воевода будетъ въ большомъ полку, въ другихъ и до того воеводы правой руки и передоваго и сторожеваго полку и лѣвой руки большимъ воеводамъ дѣла нѣтъ.» Опустивъ же 2-го большаго полка, стоящаго между лѣвымъ первымъ и правымъ 2-мъ, окажется дѣйствительно, что лѣвый 1-й больше правой 2-го 1-мъ мѣстомъ; а не 2-мя, какъ мы то находимъ въ таблицѣ.

Другіе же случаи, не подходящіе также подъ ту же пропорцію отношеній, объясняются неопредѣленностью мѣстническаго языка, на которую мы уже указали выше. Во всякомъ счетѣ мѣстами отъ одного лица къ другому, когда говорилось, что такой-то столькими-то мѣстами, больше или меньше такого-то, могли быть сочтены между ними, одни среднія, раздѣляющія ихъ звѣнья, — тѣ же два лица или *мѣста*, коихъ высказывалось взаимное отношеніе, тотъ кѣмъ начинался счетъ и тотъ кѣмъ онъ оканчивался

не были включены въ счетъ, какъ единицы мѣстъ; -- или сосчитываемы были, сверхъ среднихъ звеньевъ, и объ крайнія единицы счета, тотъ отъ кого онъ начинался и къмъ онъ оканчивался. — Тотъ и другой счетъ или выраженія отношеній, по видимому, одинаково правильны, хотя оба такіе счета представляются, въ языкъ мѣстничества, какъ однѣ исключенія или неточности выраженій, исправляемыя и приводимыя къ одному знаменателю наглядностью самаго факта или дѣйствительнаго отношенія. Обыкновенное же и утвержденное обычаемъ выраженіе отношенія или обыкновенный счетъ между двумя лицами былъ слѣд: когда говорилось, что такой-то столькими-то мѣстами меньше другого, то считались среднія раздѣляющія звѣнья и послѣднее мѣсто, коимъ оканчивался счетъ и коего отыскивалось отношеніе къ другому; такъ на пр: второй лѣвой былъ тремя мѣстами меньше втораго большаго; — сочтены же были какъ среднія звѣнья, правая рука, и сторожевой и передовой, какъ одно звѣно, и потомъ самъ лѣвый второй. Всего же яснѣе эта неточность выраженій высказывалась въ слѣд: «сынъ отъ отца четвертое мѣсто Сб. II стр. 365» въ приложеніяхъ же этаго правила повторяется не разъ что отецъ больше сына четырьмя мѣстами; см. Сб. II стр. 364 361 и 362, когда, дѣйствительно, сынъ былъ меньше отца только тремя мѣстами, хотя и былъ отъ него четвертое мѣсто. Такъ и въ другихъ случаяхъ могло быть всегда смѣшиваемо, что такой-то столькими-то мѣстами меньше другого, или отъ него такое-то мѣсто, когда между тѣмъ и другимъ выраженіемъ должна была быть всегда разница одною единицею (*). Но такая неточность въ выраженіи исправлялась немедленно при всякомъ сложеніи нѣсколькихъ отношеній или счетовъ. Такъ Сб. II на стр. 349. «Лыковъ больше Колычева пятью мѣстами, а сына Колычева восьмью мѣстами» и слѣдовательно сынъ былъ дѣйствительно меньше отца, какъ мы сказали, тремя мѣстами, хотя и могло быть сказано объ отдѣльномъ отношеніи сына къ отцу, что онъ его меньше четырьмя мѣстами. Объясняется же это тѣмъ, что если бы, при сложеніи счетовъ, считалось и то звѣно, которымъ одно отношеніе оканчивалось

(*) Такъ и доселѣ обычный языкъ сохранялъ ту же неопредѣленность въ этомъ случаѣ; на пр если за столомъ 4 мѣста сряду, то можетъ быть сказано одинаково, что первое отстоитъ отъ послѣдняго на 3 мѣста или на 3, или что послѣднее мѣсто отъ 1-го — 3-е или 4-ое.

и то, которымъ новое отношеніе начиналось, то необходимо сосчитываемо было одно и тоже звѣно два раза, какъ въ слѣд. примѣрѣ: $\overset{A}{\underset{4}{\dots}} \overset{B}{\underset{4}{\dots}} \overset{C}{\underset{4}{\dots}} \overset{D}{\underset{4}{\dots}}$ 12. Если В меньше А четырьмя мѣстами, а С меньше В четырьмя мѣстами, а D меньше С 4-мя мѣстами, или одно отъ другаго 4-ое мѣсто, то выходитъ, сложивъ всѣ три отношенія, что D меньше А 12-ью мѣстами; когда всего на всего было только десять мѣстъ, считая тутъ и А и D; — или D меньше А девятью мѣстами, считая только одного послѣдняго D, какъ того требовалъ обыкновенный счетъ мѣстами, и какъ мы то видѣли на всѣхъ счетахъ воеводъ между собою. Сверхъ того, объ отдѣльномъ отношеніи А къ В могло быть также правильно сказано, по своему понятію, что А больше В. только двумя мѣстами, т. е. одними межлежалцими двумя средними мѣстами; но при сложеніи или вычитаніи нѣсколькихъ отношеній, выраженныхъ такимъ образомъ, оказалось бы, что при каждомъ соединеніи двухъ отношеній мы пропускаемъ единицу, и въ приведенномъ нами примѣрѣ, при сложеніи такого счета, вышло бы, что А больше D 6-ю мѣстами вмѣсто 9. (*) При каждомъ отношеніи, взятомъ отдѣльно, наглядность самаго факта или отношенія приводила къ одному понятію первое, второе и третье выраженіе, хотя они и прямо противорѣчили другъ другу; но при всякомъ вычитаніи или сложеніи нѣсколькихъ отношеній становилась очевидна правильность одного средняго выраженія, считающаго лишь средня звѣнья и послѣднюю единицу счета; — а потому оно одно и было принято и, такъ сказать, узаконено обычаемъ. Обычный же языкъ мѣстничества, въ которомъ это одно послѣднее выраженіе счета являлось какъ общее и потому какъ одно узаконенное и правильное, отвѣчалъ въ этомъ сущности самихъ отношеній; ибо, при такомъ среднемъ выраженіи отношеній, не приходилось ни прибавлять ни убавлять единицу, при всякомъ сложеніи или вычитаніи двухъ отношеній. Два же другія, отклоняющіяся въ ту и другую сторону выраженія, представляются какъ одни исключенія и частности личнаго произвольнаго слова, — и не всегда, можетъ быть, добросовѣстнаго, а намѣренно

(*) Это замѣчаніе особенно важно для повѣрки и разборовъ всѣхъ счетовъ въ дѣлахъ по мѣстничеству, и потому не надо забывать, что сложеніе или вычитаніе нѣсколькихъ положительно показанныхъ отдѣльныхъ отношеній часто не дадутъ однакожъ общаго искомаго настоящаго отношенія.

запутывающаго счетъ, или оттягивающаго одно или два мѣста у недогадливаго противника.

Такою неточностью или разнообразіемъ выраженій однихъ тѣхъ же отношеній объясняются слѣд. мѣста въ Арх. Раз. № 5 листъ 578-й: сторожевой 1-й сочтенъ 2-мя мѣстами больше лѣвой 1-го. По обыкновенному счету выходило бы, что онъ больше 1-мъ мѣстомъ лѣваго, какъ непосредственно за нимъ слѣдующаго; — очевидно, что здѣсь сочтенъ былъ, кромѣ лѣваго и самъ сторожевой, и что 2-мя мѣстами употреблено здѣсь вмѣсто 2-е мѣсто, но самая наглядность отношенія дѣлала, въ этомъ случаѣ, выраженіе двумя мѣстами вполне однозначительнымъ въ понятіи выраженію 1-мъ мѣстомъ. Такъ на листѣ 595, въ томъ же счетѣ воеводъ и тѣмъ же Бутурлинымъ, сочтенъ сторожевой 1-й 4-мя мѣстами больше правой 2-го. По нашей таблицѣ выходитъ, что онъ больше 3-мя мѣстами; но мы начинаемъ отъ нуля, если же вмѣсто нуля начинать съ единицы, полагая за единицу и того, отъ кого начинался счетъ, какъ дѣлалъ Бутурлинъ, то выйдетъ дѣйствительно, что сторожевой 1-й больше правой 2-го четырьмя мѣстами. Въ одномъ только мѣстѣ Бутурлинъ измѣняетъ такому счисленію, полагая большаго 2-го двумя мѣстами больше передоваго 2-го. См. лис. 607. но на томъ же самомъ лис. и при счетѣ того же разряда (и также на лис. 595 и 578) онъ считалъ большаго 2-го пятью мѣстами больше лѣваго 2-го. Въ этомъ случаѣ еще недостаточно предложеннаго нами общаго объясненія; ибо если счесть и самаго 2-го большаго полка, полагая его за единицу, то все таки выйдетъ, что большой полкъ больше лѣваго 4-мя мѣстами а не 5-ю. Но при этомъ слѣдуетъ вспомнить, что хотя мы и поставили въ таблицѣ передовой и сторожевой полкъ какъ одно звѣно, но въ обычномъ понятіи передовой полкъ бывалъ однакожь нерѣдко считаемъ больше сторожеваго, и потому, если внести въ нашу таблицу отношеній сторожевой полкъ, какъ отдѣльное звѣно между передовымъ и лѣвымъ, то вся пропорція отношеній 1-хъ и 2-хъ воеводъ, взятыхъ вмѣстѣ, увеличится 2-мя единицами; а по счету Бутурлина, разумѣется, выйдетъ въ такомъ случаѣ, что большой полкъ больше лѣвой руки пятью мѣстами.

Мы поставили однакожь, въ общей пропорціи нормальныхъ отношеній воеводъ между собою, передовой и сторожевой полкъ какъ одно звѣно, ибо обычай примирялся въ этомъ случаѣ, болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ, съ противоѣдѣствіемъ ему правительственной власти, и не только приговоры Царскіе и отвѣты разряднаго Царскаго суда,

но и самый обычный счетъ полагалъ ихъ большею частію за ровни (такъ напр. въ Сб. II-мъ на стр. 27, правая рука показана больше передоваго однимъ мѣстомъ, а на стр. 29 и 30-й таже правая рука больше сторожеваго полка I-мъ мѣстомъ; а въ Арх. Разр. № 5-й листъ 578-й, когда одинъ изъ спорившихъ хотѣлъ счесть Курбскаго больше Бутурлина, потому что одинъ былъ въ сторожевомъ полку, а другой въ передовомъ,—то противная сторона отвѣчала, «что вѣкъ свой в передовомъ полку і всторожевомъ и малѣ і великѣ живетъ, а полки вросписи пишутъ передовой и сторожевой ровны» и пр. и пр.) и за одно звѣно и мѣсто, и даже тогда, когда по другимъ отношеніямъ полковъ, тотъ же обычный счетъ прямо противорѣчилъ тѣмъ же Царскимъ приговорамъ «что бы лѣвая и правая не считались съ передовымъ и сторожевымъ, и большаго вторымъ и пр.» Таковы приведенные нами выше, какъ вполнѣ совпадающіе съ принятою нами таблицею отношеній, свидѣтельства Сб. II. стр. 31 и 34, стр. 333, 299 и 363 и др.

Вообще слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что обычай гораздо легче покорялся учиненію извѣстныхъ отношеній равными, или произвольному измѣненію тѣхъ или другихъ отношеній, чѣмъ усиліямъ правительственной власти сдѣлать тѣ или другія отношенія между собою безмѣстными, т. е. неимѣющими между собою никакого счета и никакого дѣла другъ до друга;—ибо мѣстничество должно было невольно сознавать, что первое было лишь видоизмѣненіемъ, въ составѣ его отношеній, которому оно могло покориться безо всякой порухи и ущерба своей внутренней жизни; послѣднее же, т. е. всякое временное объявленіе извѣстной службы безмѣстною и тѣмъ болѣе всякая попытка законодательной власти учинить навсегда извѣстныя мѣста и слѣд. извѣстныя, постоянно существующія для мѣстничества отношенія, безмѣстными и потому несуществующими болѣе другъ для друга какъ отношенія,—было прямымъ посягательствомъ на самое его существованіе и разрывало всю систему его общаго распорядка, сильную и крѣпкую однимъ своимъ единствомъ, сводившимъ въ одну общую лѣствицу отношеній всѣ единицы (какъ лица физическія такъ и мѣста, такъ сказать, лица нравственныя) подлежащія Государственному служебному распорядку. Такъ и въ отношеніяхъ болѣе частныхъ и случайныхъ, учиненіе равными лицъ физическихъ (въ противоположность такому же учиненію мѣстъ, лицъ нравственныхъ; такъ на пр. сторожеваго и передоваго полка) не встрѣтило ни одного протеста, не только пря-

мага неповиновенія. — При объявленіи же извѣстной службы *безмѣстною* и нерѣдко не смотря на многократное повтореніе, — воеводы продолжали считаться между собою мѣстами. А потому и здѣсь; говоря о передовомъ и сторожевомъ полку, не должно забывать, что они приговорены были между собою равными, а не *безмѣстными*, не имѣющими другъ до друга дѣла, какъ на пр. тѣже оба полка до правой и лѣвой руки и т. д. — хотя мы и встречаемъ на пр. въ Сб. II. подъ 1582-мъ год. стр. 51 «передовой и сторожевой живутъ *безъ мѣстъ*: о чемъ было битъ челомъ» въ Сб. II стр. 391 «Плещѣвъ посаженъ въ тюрьму за то, что билъ челомъ на Татевыхъ, нарушивая Государевъ прежній указъ, что передовому полку с сторожевымъ полкомъ мѣстъ нѣтъ, хотябъ онъ съ Татевымъ отечествомъ былъ и в равенствѣ; и ему было мимо уложенія бити челомъ не довелось в чемъ мѣстъ нѣтъ.» въ Архив. же разр. N 5 л. 578, въ приведенномъ нами выше мѣстѣ «сторожевому до передоваго *невмѣстно*, а вѣкъ свой въ передовомъ полку и въ сторожевомъ и малъ и великъ живетъ, а полки тѣ равны» изъ чего казалось слѣдовало бы: что невмѣстность и равенство полковъ одно и то же. — Но въ нашей разрядной на стр. 97-й (тоже Арх. разр. N 5) мы находимъ «По государеву приговору передовой и сторожевой полкъ равны, и Сабурову (челобитчику, бывшему въ сторожевомъ полку) невмѣстно быть равну съ Шереметевымъ, и для того билъ челомъ Сабуровъ на 3-го большаго брата Шереметева» значить, что Сабуровъ считалъ себя двумя мѣстами больше самаго Шереметева, а потому и полагалъ невмѣстнымъ для себя быть съ нимъ въ равенствѣ и челобитіе его было принято и записано и слѣд. признано законнымъ. Здѣсь Сабуровъ билъ челомъ въ слѣдствіе того именно, что передовой и сторожевой равны; но очевидно, что онъ не имѣлъ бы права на такое челобитіе и не сослался бы на равенство перед. и стор. если бы *равны* было однозначительно слову *невмѣстны* (замѣчательно однакожъ при этомъ, что Сабуровъ былъ въ сторожевомъ т. е. низшемъ полку; вѣроятно же, что если бы онъ былъ въ передовомъ полку и только 1-мъ мѣстомъ больше Шереметева, то не билъ бы челомъ, уравнивъ свое большинство мѣстомъ передъ Шереметевымъ по другимъ отношеніямъ, — обычнымъ большинствомъ передоваго полка передъ сторожевымъ). Но послѣ этаго, какимъ же образомъ соединить это свидѣтельство съ тѣмъ, что, «тѣмъ полкамъ мѣстъ нѣтъ» и особливо что «вѣкъ свой въ перед. и сторож. и малъ и великъ живетъ.»?

Вообще трудно провести ясную раздѣляющую черту, въ области мѣстничества, между равенствомъ (не родовымъ, а *учиненнымъ*) и невмѣстностью въ ихъ фактическихъ приложеніяхъ; хотя въ понятіи они и не имѣютъ по видимому, ничего прямо общаго; но въ юридическихъ послѣдствіяхъ каждаго, они постоянно совпадаютъ въ одно, а потому и часто смѣшиваются въ жизни, какъ мы то видѣли и въ разборѣ слова *мѣстникъ*, не рѣдко совпадающаго съ понятіемъ о *невмѣстности*. Нельзя даже предполагать, чтобы мѣста сторожеваго и передоваго полка какъ равныя, были всегда замѣщаемы равными по другимъ отношеніямъ, ибо учиненные мѣстниками (которые на этой одной службѣ и могли бы продолжать службу вмѣстѣ и не нуждаться въ разводѣ) встрѣчаются рѣдко и какъ одни исключенія. — Не могли также передовой и сторожевой полкъ быть всегда замѣщаемы однородцами равными въ родствѣ, ибо и такихъ *равныхъ* встрѣчается не довольно много, чтобы могли быть наполняемы ими всѣ мѣста перед. и сторж. п. и достаточно самаго бѣлаго взгляда на росписи полкамъ въ разрядныхъ, чтобы убѣдиться, что этаго не было. И потому, чтобы объяснить возможность обычнаго равенства воеводъ перед. и стор. полка, при невозможности перед. и стор. полку быть всегда замѣщаемымъ равными, необходимо предполагать, что вѣроятно бывали вмѣстѣ на службѣ въ передовомъ и сторожевомъ полку, большею частію, такіе, коихъ взаимныя отношенія были такъ отдаленны и неясны, что ни тотъ, ни другой ничего положительно не *теряли* своимъ временнымъ равенствомъ съ другимъ (*) (См: ниже разборъ стр. 119) и тѣмъ болѣе, что это равенство передоваго и сторожеваго полка никогда не получало достаточной юридической крѣпости для того, чтобы спорившіе ссылались на него, какъ на положительный фактъ равенства, и потому могшій положительно унижить того высшаго, кото-

(*) Сверхъ того вѣроятно, что еще неясное и неуспѣвшее опредѣлиться большинство одного передъ другимъ, уравнивалось обычнымъ большинствомъ передоваго полка передъ сторожевымъ, такъ что вѣроятно, бывалъ посылаемъ въ передовой полкъ тотъ, въ пользу коего было больше вѣроятностей, что его предъидущія отношенія выгоднѣе отношеній его сослуживца. Отношеніе находившагося въ сторожевомъ полку къ находившемуся въ передовомъ было тоже, какое мы показали при объясненіи невмѣстной грамоты, когда она довалась одному для другаго *вѣроятно высшаго* (см. о мѣстникахъ.)

рый разъ находился съ низшимъ въ такомъ равенствѣ, до этаго низшаго. Такого счета въ равенствѣ сторожевымъ и передовымъ полкомъ, (т. е. чтобы одинъ изъ мѣстничавшихся когда либо доказывалъ свое равенство съ другимъ тѣмъ, что были вмѣстѣ въ перед. и сторож. полку) какъ мы находимъ на каждой стр. мѣстническихъ дѣлъ въ мѣстахъ другими полками, мы рѣшительно не находимъ ни одного примѣра. Этимъ же объясняется и то, что бывалъ малъ и великъ въ передовомъ и сторожевомъ полку, хотя полки эти и были равны. А потому самому, это равенство и имѣло почти одинаковое значеніе съ невмѣстностью; ибо совпадало съ нею во всѣхъ своихъ приложеніяхъ.

Также какъ перед. и сторож. полкъ замѣщались такими, коихъ взаимныя отношенія еще не были довольно ясны и опредѣленны, такъ и служба бывала объявляема невмѣстною для такихъ же, еще неутвердившихся отношеній, и какъ та, такъ и другая служба, не смотря на бытіе вмѣстѣ, не оставляла за собою никакихъ юридическихъ послѣдствій въ области мѣстничества. — Такъ наконецъ и равенство это, какъ прямое противорѣчіе всей внутренней основѣ мѣстничества, какъ подводящее подъ одинъ уровень то, что для мѣстничества существовало только какъ *отношеніе*, и нарушающее его нормальное движеніе, состоявшее въ подведеніи подъ извѣстныя числовыя пропорціи и лѣствицы всѣхъ служебныхъ отношеній, — было уже прямымъ переходомъ къ совершенному исключенію извѣстныхъ отношеній изъ общаго мѣстническаго счета, т. е. къ *безмѣстности*, ибо при равенствѣ не было собственно и счета мѣстами. — Счетъ мѣстами предполагаетъ не равенство ихъ, а извѣстное численное отношеніе; такъ и въ Сб. II стр. 391 говорится о равенствѣ перед. и сторож. «что въ томъ мѣстѣ нѣтъ» и на пр. общее равенство отношеній было бы однозначительно съ общею безмѣстностью. Такъ и самое мѣстничество невольно выражало на своемъ языкѣ эту близость двухъ понятій. Въ приведенномъ нами ниже указѣ 1550 года сказано, что «лѣвая рука передоваго и сторожеваго полка не меньше 2-го въ большемъ», чтобы выразить, что они между собою *безъ мѣстѣ*, что мы и находимъ въ другой редакціи того же указа. *Не меньше* же есть только отрицательное выраженіе для того же равенства, такъ что равенство представляется лишь положительнымъ выраженіемъ и внесеніемъ въ кругъ самага мѣстничества и его счета *невмѣстности*, какъ положительно исключаящей счетъ мѣстами и слѣд. какъ прямо отрицающій самое мѣстничество. — Равенство же, также какъ и безмѣстность, понятія

не принадлежащая самому мѣстничеству, а произведенія противодѣйствія мѣстничеству правительственной власти.

Противодѣйствіе же и непокорность уставамъ законодательства обычныхъ понятій, представлявшихъ передовой полкъ выше сторожевого, выразилось особенно замѣчательно въ слѣдующемъ случаѣ нашей разр: на ст. 138-й «Татевъ билъ челомъ на Басманова и говорилъ: по вашему Царскому уложению передовой полкъ да сторожевой полкъ равны, а передовой полкъ кабы почестиѣ, а П. Басмановъ тебѣ Госуд. не служивалъ; а я, холопъ твой, служу тебѣ не топерьво, мнѣ Петра быть безчесней невмѣсно.» Замѣчательно также на стр. 98 (тоже Арх. разр. № 5. лис. 717) выраженіе Царемъ или Царскимъ приговоромъ равенства передоваго и сторожеваго полка: «Салтыковъ въ сторожевомъ 2-й билъ челомъ на Туренина 2-го въ передовомъ; и я холопъ твой Туренина службою постарѣе. И Царь приговорилъ: придутъ на Украйну Крымские люди напередъ на сторожевой полкъ; и пойти напередъ сторожевому полку, да большому полку да передовому послѣ. А будетъ придутъ Крымские люди на передовой полкъ; ино итти напередъ передовому полку; да большому полку, да сторожевому полку итти послѣ.» Въ этомъ отвѣтѣ Царя указывалось, какъ бы съ насмѣшкой, на нелѣпость требованій старшинства между перед. и сторож. когда случайность непріятельскаго нападенія могла всегда обратить сторожевой полкъ въ передовой, или перед. въ сторож и особливо въ такой войнѣ, какъ война съ Татарами, и въ степяхъ, раздѣлявшихъ въ то время Россію отъ Крыма. Замѣчательно также при этомъ, что это два единственные, можетъ быть, примѣра, гдѣ въ доказательство своего большинства передъ другимъ приводится такое неопредѣленное «я службою постарѣе»; но это объясняется тѣмъ, что самое старшинство передоваго полка передъ сторожевымъ не представлялось болѣе старшинствомъ одного передъ другимъ опредѣленною единицею, но какимъ то неопредѣленнымъ почетомъ; не общею единицею, мѣриломъ всѣхъ мѣстническихъ, отношеній, а какою то неопредѣленною дробью ея, какъ мы на то указали въ разборѣ стр. 80. Мы находимъ также указанія на большинство передов. передъ сторж. Сб. II. стр. 399 челобитѣе сторожеваго на передоваго, но было отказано «что мѣсть нѣтъ» на стр. 384-й въ дѣлѣ подъ 1625 годомъ «передовой 3-й сочтенъ однимъ мѣстомъ больше сторожеваго 3-го,» — доказательство, какъ былъ еще крѣпокъ обычай; или, можетъ быть, приговоры Царскіе тѣмъ менѣе касались

взаимнаго счета товарищей между собою, чѣмъ далѣе эти товарищи отстояли отъ 1-го ряда воеводъ т. е. были 3-и 4-е и т. д. — (см. ниже). —

Неповиновеніе обычая уставамъ положительнаго законодательства выразилось еще болѣе въ противодѣйствіи этого обычая стремленіямъ законодательства разорвать общую пропорцію воеводскихъ мѣстъ и ввести одни отдѣльные счеты. — Мы уже указали, почему законодательство должно было встрѣтить, въ этомъ случаѣ, наиболѣе противодѣйствія, и дѣйствительно, если, не смотря на равенство сторож. и перед. полка, и встрѣчаются челобитья послѣдняго на первый (а мы уже видѣли, что не было такой придирки, которою бы не пользовались наши предки, чтобы утягивать другъ друга) то, кромѣ одного счета Бутурлина, мы вездѣ находимъ, что сами спорившіе и слѣд., обѣ противныя стороны считали сторож. и перед. полкъ за 1 единицу, и слѣд. равенство этихъ двухъ полковъ вошло, какъ признанное мѣстничествомъ понятіе, въ самое движеніе и обычную жизнь его и тамъ даже, гдѣ въ то же время, и тѣже самые счеты прямо противорѣчили другой половинѣ тѣхъ же приговоровъ, что «перед. и сторож. и до прав. и лѣв. и бол. 2-го дѣла между собою нѣтъ.» Мы уже видѣли выше многіе примѣры такихъ счетовъ и челобитій между воеводами, прямо нарушавшихъ этотъ указъ и на которыя даже Царскій разрядный судъ не отвѣчалъ что они противузаконны, (*) тогда, какъ мы не находимъ ни одного челобитья сторожеваго полка на передовой безъ того, чтобы Царь или Бояре не отвѣтили что, «то челобитье противъ Царскаго приговору» и вмѣстѣ съ тѣмъ не встрѣчаемъ ни одного случая (кромѣ приведеннаго нами мѣста Сб. II. стр. 32 и которое можетъ быть объяснено также, указанною нами неопредѣленностію въ выраженіи однихъ и тѣхъ же отношеній) гдѣ бы воеводы были *сочтены* между собою мѣстами, по тѣмъ

(*) Царскій судъ обыкновенно оставлялъ такіа челобитья вершеними и откладывалъ: «пока служба минетца». Съ прекращеніемъ же службы исчезала и самая причина для спора, ибо всякое записанное въ разрядъ челобитье имѣло значеніе протеста, а потому не могла болѣе и эта служба принести собою никакой *порухи*; — а поэтому самому, мы такъ рѣдко и встрѣчаемъ возобновленіе челобитій и *вершеній* судовъ, по видимому, только отложенныхъ до тѣхъ поръ «когда служба минетца» — ибо, въ большей части случаевъ, челобитчики довольствовались однимъ протестомъ, и самыя челобитья были, болѣею частію, только формою такого протеста.

отдѣльнымъ отношеніямъ, которыя поставляемы были Царскими приговорами, — хотя эти счеты и были приводимы на Царскомъ судѣ, и при разборѣ этихъ делъ судомъ самихъ счетовъ и спорныхъ отношеній мѣстничества. Отсюда, мы можемъ справедливо заключить, что сама правительственная власть вполне уступала въ этомъ случаѣ обычаю и признавала правильность такихъ счетовъ въ спорахъ и *дѣлахъ*, — довольствуясь тѣмъ, что не позволяла возникать новымъ спорамъ и челобитьямъ въ ущербъ отношеній, которыя она объявила безмѣстными.

Не прежде Романовыхъ, когда мѣстничество стало уже терять всю свою прежнюю крѣпость обычая, встречаемъ мы примѣры, что противная сторона ссылалась на положенія этихъ приговоровъ, въ отвѣтъ на противорѣчающія имъ челобитья; такъ въ Сб. V, на стр. 124, въ дѣлѣ подъ 1631-мъ годомъ, Вельяминовъ отвѣчаетъ на доводъ противника, что «по Госуд. указу да и прежнихъ Государей, до 2-го большаго полку всѣмъ другимъ большимъ воеводамъ дѣла нѣтъ» а въ Сб. II стр. 389, въ дѣлѣ 1627 года мы находимъ, что Шаховскій билъ челомъ «что онъ 2-й въ большемъ на Тулѣ, и прежъ сего, которые ихъ братья бывали на Тулѣ въ товарищехъ, и тѣмъ Государское жалованье было, что имъ передоваго и сторожеваго полку до первыхъ воеводъ въ мѣстахъ по прежнему уложенію дѣла нѣтъ, и Госуд. бы ево пожаловалъ, велѣлъ челобитье его записать» Эта просьба записать такое челобитье уже показываетъ, что и въ это время, когда указъ 1550 г. былъ возобновленъ, и исполнялся съ болѣею строгостью, чѣмъ когда либо прежде, приговоры законодательной власти не считались однакожъ достаточнымъ огражденіемъ отъ поруки чести другими воеводами, хотя и признанными за *невѣдомыя* этими приговорами: такъ и указанье на Тулу показываетъ, что постановленія эти не имѣли общаго дѣйствія, даже въ кругу распоряженій правительства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ такіе случаи свидѣтельствуютъ, что уже начали вымирать въ это время, тѣ преданія старины и та святость обычныхъ понятій, которыя дотолъ не позволяли спорившимъ ссылаться на утаиы Царскіе, противорѣчившіе этимъ понятіямъ и обычаю, даже тогда, когда они прямо говорили въ пользу и выгоду той или другой спорившей и другъ друга утаивавшей стороны. — До самаго же времени Романовыхъ, мы находимъ ссылки на это постановленіе приговоровъ въ однихъ отвѣтахъ Царя или разряда, на челобитья, противорѣчившія этимъ приговорамъ; такъ въ Арх. разр. N 5

листъ 694-й и Др. Висл. т. XIV. стр. 470 «большаго 2-й билъ челомъ на передоваго и сторожеваго 1-хъ» но Царь отвѣчалъ «то бредить воеводство ему первое, а до передоваго и сторожеваго дѣла нѣтъ, а до Тюфякина какое дѣло, онъ въ Тулѣ а ты въ Мещерѣ» см. также разр. N. 5 лст. 189-й, 291-й, и 292-й, на челобитье сторожеваго 3-го на лѣваго 2-го и праваго 3-го отвѣчено «что сторож. и перед. до правыхъ дѣла нѣтъ» Др. Висл. стр. 265 т. XIII. и Арх. разр. N. 5. листъ 320-й «лѣвой 2-й билъ челомъ на сторож. и передоваго вторыхъ, но отвѣчено «что дуруетъ, тѣ полки давно приговорено посылать безъ мѣстъ» и тамъ же «2-й правой билъ челомъ на передоваго 1-го большаго 2-го, но отвѣтъ былъ, «какое дѣло правому до передоваго» а съ большимъ 2-мъ данъ счетъ.

Замѣтимъ здѣсь вообще, на эти два послѣдніе, приведенные нами случая, что первый изъ нихъ представляетъ единственный примѣръ примѣненія указа къ счету вторыхъ воеводъ между собою; изъ чего можно заключить, какъ мы уже и выше замѣтили, что указъ терялъ свою обычную силу и значеніе, по мѣрѣ того, какъ онъ относился къ счету низшаго ряда воеводъ т. е. 2-го 3-го и т. д. Вѣроятно, сверхъ того, что такъ какъ счетъ каждаго низшаго ряда воеводъ не могъ имѣть той важности для правительственной власти, какъ счетъ высшихъ рядовъ, то она и не обращала на такіе счета одинаковаго вниманія, хотя въ указѣ сказано вообще, «что до правой и лѣвой и большаго полка передовому и сторожевому дѣла нѣтъ.»—Обычай же, можетъ быть, вовсе не относилъ этого указа къ счету вторыхъ воеводъ; ибо если мы и находимъ примѣръ ссылки на него, но эта ссылка сдѣлана была судомъ правительства, и только 8 лѣтъ послѣ изданія указа, когда онъ еще былъ вѣроятно во всей своей силѣ; ссылокъ же противной стороны на указъ, чтобы отстранить отъ себя челобитье или счетъ такого рода, мы не находимъ вовсе. — Что же касается до послѣдняго случая, до отношенія большаго 2-го къ прочимъ вторымъ, то здѣсь мы находимъ вторичное свидѣтельство тому, что судъ принималъ законность ихъ счета между собою даже тогда, когда, въ то же время, ссылался на указъ, и основываясь на немъ, отказывалъ въ другихъ челобитьяхъ,—и даже при Романовыхъ признавалась самимъ судомъ законность такого счета; такъ челобитье 2-го сторож. на 2-го большаго см. Сбор. II стр. 389. 391 и 396-я.—

И потому, мы можемъ положительно утвердить теперь что если вообще постановленіе приговора 1550 г.—не от-

носилося также строго ко вторымъ воеводамъ, какъ оно относилось къ первымъ, и болѣе уступало въ послѣднемъ случаѣ обычаю, — то до счета втораго большаго, съ другими вторыми, это постановленіе вѣроятно не только не касалось вовсе въ своихъ приложеніяхъ, но и самый указъ не имѣлъ въ виду этого счета, — что подтверждаетъ и положительное свидѣтельство въ Сбор. V. стр. 124 «что до 2-го большаго, однимъ первымъ воеводамъ дѣла нѣтъ.» Къ тому же, того требовало и самое значеніе приговора, который имѣлъ цѣлю привести общій счетъ воеводъ къ двумъ отдѣльнымъ счетамъ, на три полка: большаго съ правой и лѣвой рукой и большаго съ перед. и стор. Большинство же большаго полка передъ каждой отдѣльной парой полковъ было неоспоримо, и утвердить такое неоспоримое большинство *всего* большаго полка, и возвысить его значеніе, необходимо должно было быть одной изъ главныхъ цѣлей всего противодѣйствія правительства мѣстничеству. — Того требовало само ратное дѣло, и частыя неудачи нашихъ походовъ, коихъ причиною нерѣдко бывало малое повиновеніе общему вождю войска; къ тому же и самое постановленіе, чтобы первымъ воеводамъ въ прочихъ полкахъ не считаться со вторымъ большаго, давало общее старшинство всему большому полку надъ всѣмъ прочимъ ополченіемъ; объявленіе же безъ мѣстъ втораго большаго съ остальными вторыми, коихъ онъ неоспоримо былъ больше, было бы униженіемъ его, (ибо всякая безмѣстность необходимо унижала одного изъ двухъ членовъ обычнаго отношенія) и прямымъ противорѣчіемъ первому постановленію о безмѣстности его съ первыми воеводами, и всей цѣли законодательства въ этомъ случаѣ.

Не менѣе высказываютъ эту борьбу и взаимное противодѣйствіе обычая и закона самые списки или варианты, встрѣчаемые въ разныхъ разрядныхъ, указа 1550 года, который вѣроятно былъ данъ вслѣдствіе не дѣйствительности общаго приговора, сдѣланнаго за годъ передъ тѣмъ, при походѣ въ Казань (см. Арх. раз. N. 5. листъ 224) о бытіи всѣмъ безъ мѣстъ: «для земскаго дѣла всѣ ходилибъ безъ мѣстъ, и счетъ госуд. дать когда дѣло окончить.» Въ Арх. Разр. N° 48 стр. 246 мы находимъ указъ 1550 г. въ слѣд. формѣ: «В болшомъ полку быти болшему. воеводе, а передовому полку и правые руки и лѣвые руки воеводамъ и сторожевого полку первымъ воеводамъ быти менши болшого полку перваго воеводы, а хто будетъ другой вболшомъ полку воевода и до того болшого полку другою воеводу правые руки болшему

воеводе дѣла и счету нѣтъ, быти имъ безмѣтъ. А которые воеводы будутъ в правой рукѣ и передовому полку да сторожевому полку воеводомъ первымъ быти правые руки *не менши* (въ 5 N° Архив. Раз. Лист. 233 *меньши*.) а лѣвые руки воеводамъ быти *не менши передоваго полку и сторожевого полку первыихъ воеводъ* (начиная отъ скобки послѣднихъ словъ въ N° 5 нѣтъ). А быти лѣвые руки воеводамъ (въ N° 5-мъ: а лѣвые руки воеводамъ быти *менши* правыя руки перваго воеводы, а другому воеводѣ въ лѣвой рукѣ быти *менши* другому жъ воеводе правыя руки) *меньше* правыя руки перваго воеводы, а другому воеводе въ лѣвой рукѣ быти *менши* другому жъ воеводе правыя.

Мы не беремся рѣшать здѣсь, была ли это предварительная редакція, составленная въ разрядѣ, того же указа, который вошелъ въ Судебникъ, ибо оба значутся подъ 1550 годомъ, или что другое? — но замѣтимъ вообще, что объ формы указа не противорѣчатъ другъ другу, а только пополняютъ и болѣе или менѣе рѣзко высказываютъ тѣ же опредѣленія. — Замѣчательно однакожъ, что во всѣхъ трехъ имѣвшихся у насъ спискахъ сказано, что только «одной правой большому до втораго большаго дѣла и счета нѣтъ» но это можетъ быть одинъ недосказъ, а не есть еще противорѣчiе. — Относительно передоваго и сторожеваго полка въ этомъ вариантѣ, также какъ и въ указѣ Судебника, уже принимается какъ напередъ данное, что они между собою равны, — доказательство, что они были приговорены равными еще до этого указа. Отдѣльные же счета полковъ опредѣлены въ разрядной формѣ указа яснѣе, ибо опредѣлительно сказано: что правые 1-й и 2-й больше каждый своихъ противней лѣвыхъ 1-го и 2-го. Касательно же невмѣстности передоваго и сторожеваго съ правой и съ лѣвой, особенно замѣчательно уже выше нами указанное выраженiе *неменьше* «что сторожевой и передовой *не меньше* праваго (высшаго по обычаю), а лѣвая рука не меньше передоваго и сторожеваго» хотя, казалось, простѣе было бы сказать, что перед. и сторож. не меньше правой и лѣвой. Но въ этомъ, также какъ и въ самомъ словѣ *неменьше*, выражается какая-то робость законодательства, не позволявшая ему подвести подъ одно общее опредѣленiе два различныя отношенiя, (хотя въ сущности смыслъ опредѣленiя оставался тотъ же) ни употребить опредѣленнаго выраженiя, рѣзко противорѣчащаго общему понятiю. — *Не меньше* было только отрицательнымъ и менѣе опредѣленнымъ выраженiемъ того же равенства или наконецъ невмѣстности, какъ мы то уже и видѣли выше.

Впрочемъ *не меньше* мы находимъ только въ одной рукописи подъ № 48; но эта рукопись безпорно принадлежитъ къ древнѣйшимъ имѣющимся разряднымъ, (начала XVII если не XVI-го вѣка и писана полууставомъ). Къ тому же въ пользу этаго чтенія говорить и то, что если принять чтеніе *меньши* вмѣсто *не меньше*, которое мы находимъ въ рукописи № 5 (новѣйшей и писанной скорописью, и въ еще болѣе новой подъ № 28), то весь этотъ вариантъ указа прямо противорѣчитъ тому же указу въ Судебникѣ и предъидущимъ приговорамъ, — и только подтверждаетъ прежнее обычное отношеніе, въ чѣмъ, разумѣется, не было никакой нужды со стороны законодательства. Въ позднѣйшихъ же спискахъ, вѣроятно съ умысломъ, замѣняемо было *не меньше* словомъ *меньше*, чтобы дать самому указу смыслъ тѣхъ самыхъ обычныхъ отношеній, которыя онъ ниспровергалъ. — То была вѣроятно уловка того времени, вызванная еще живымъ духомъ мѣстничества, которое, какъ мы видѣли, успѣвало дѣлать недействительными всѣ усилія правительства разорвать его обычные уставы, и вѣроятно имѣло своихъ представителей и въ самомъ разрядномъ приказѣ, готовыхъ на всѣ уловки тогдашней казуистики, чтобы отстоять святѣнню древняго обычая противъ разрушающихъ его нововведеній. — Уликой же противъ ошибки или умысленной описки въ разрядной № 5. служить слѣд. мѣсто въ ней же самой, на листѣ 291: «грамота послана по приговору, что передоваго и сторожеваго полка, лѣвой руки *неменьше* воеводы.»

Хотя намъ и неизвѣстны другія общія постановленія законодательства касательно распорядка полковъ, кромѣ приведеннаго нами указа 1550 года, въ его двухъ формахъ; но мы ссылались однакожъ вообще на *приговоры Царскіе*, ибо нельзя придавать особенной важности указу 1550 г., и не видать въ немъ лишь повторенія или общаго возобновленія предшествующихъ частныхъ постановленій или частныхъ Царскихъ приговоровъ. — Такъ мы видѣли, что обѣ редакціи указа принимаютъ равенство передоваго и сторожеваго полка, какъ напередъ уже данное; такъ и относительно сторожеваго и правой руки мы находимъ въ Арх. разр. № 5 189 лс. подъ 1544 годомъ, слѣдовательно за 6 лѣтъ до указа: «Ц. велѣлъ отписать въ отвѣтъ на челобитье 1-го сторожеваго на праваго 1-го, и 2-го сторожеваго на 1-го лѣвой, что сторожевому до правой и лѣвой руки дѣла нѣтъ, то полки опричные.» Въ той же разр. подъ 1522 годомъ листъ 93, мы находимъ: «что та служба не мѣстна, потому что одинъ въ лѣвой большой, а другой въ

большомъ полку другой» и далѣе тутъ же: «Бутурлинъ та служба негмѣстна для Курбскаго, потому что Курб. въ правой 2-й.» Мы видѣли однакожъ, что въ разрядной редакціи указа, правый положительно больше лѣвой; — но вмѣстѣ съ тѣмъ такое рѣшеніе вполне согласуется съ редакціею указа въ судебникъ: «кто съ кѣмъ въ одномъ полку посланъ, тотъ того и меньше.» Впрочемъ это мѣсто можетъ быть объяснено иначе тѣмъ, что не было указаніемъ о невмѣстности полковъ, а приговоромъ о невмѣстности службы, потому именно, что эти полки считались между собою; — и это послѣднее толкованіе вѣроятнѣе. Наконецъ подъ 1500 годомъ, мы находимъ случай, выпи- санный Карамзинымъ т. VI. пр. 489 и находящійся так- же въ Арх. Раз. № 5. лст. 21, № 13. стр. 219, № 3. стр. 30, № 4. стр. 67, № 2—128. стр. 17, № 28. стр. 38-я. «Юрьи Захарыичъ писалъ к Великому К., что ему в сторожевомъ полку быти не мочно, то мнѣ стеречи Кн. Данила; и Кн. Вел. ему приказалъ «гораздолъ такъ чинишь, говоришь всто- рожевомъ полку быти тебѣ не пригожъ стеречь Кн. Дани- лова полку, ино тебѣ стеречь не Кн. Данила, стеречи тебѣ меня и моего дѣла, а каковы воеводы в болшомъ полку, таковы чинять и всторожевомъ полку, ино не соромъ те- бѣ в сторожевомъ полку быти.»

Впрочемъ, можно не безъ основанія предполагать, что самыя отношенія полковъ, особливо отдаленныя, и общая пропорція мѣстъ всѣхъ 5-ти полковъ, оконча- тельно утвердились въ первую половину XVI вѣка, т. е. между 1500 и 1550 годомъ, въ промежутокъ времени между указомъ и положительнымъ свидѣтельствомъ или частнымъ приговоромъ Царскимъ о невмѣстности полковъ. Пока Москва была еще окружена хотя и подчиненными ей, но еще имѣющими свою самостоятельность удѣлами, изъ которыхъ каждый, хотя и присылалъ свою рать въ общее Московское ополченіе, но подѣ начальствовавъ своего удѣльнаго Князя, — мудро даже предполагать, чтобы московское ополченіе могло всегда дѣлиться на пять полковъ съ опредѣленнымъ счетомъ чести между со- бою; — и тѣмъ болѣе, что въ это время перехода и крушенія прежняго удѣльнаго міра, прежнія, въ большей или мень- шей опредѣленности существовавшія отношенія чести, дол- жны были необходимо исчезать и путаться, и вступать въ взаимныя противорѣчія; новыя же отношенія чести, выхо- дящія изъ новаго общаго центра Москвы, еще не могли уста- новиться и получить своей опредѣленности. — Объ отноше- ніи же удѣловъ къ Московскому ополченію мы находимъ

слѣдующія любопытныя данныя въ Сб. II. стр. 256-я. «И противъ тѣхъ случаевъ Кн. Ѳеодоръ Лыковъ сказалъ. . . . А въ 63 году дѣдъ мой Кн. Юрьи въ томъ розрядѣ былъ, а ни съ кѣмъ не былъ, былъ съ своимъ полкомъ изъ удѣлу. А въ 85 году въ розрядѣ дядя мой Кн. Ѳеодоръ былъ въ сторожевомъ полку, да не съ Ѳеодоромъ съ Шереметевымъ, былъ съ своимъ полкомъ изъ удѣлужъ, а съ Ѳед. съ Шереметевымъ не бывалъ.» Если 63 и 85-й годъ были дѣйствительно 7063 и 7085-й т. е. 1555 и 1577 года, и если въ эти года могли быть еще поминаемы удѣлы и нособые полки изъ удѣловъ, не имѣющіе счету съ другими, — то мы должны были бы встрѣтить десятки такихъ свидѣтельствъ о послѣдней половинѣ XV вѣка и началѣ XVI-го (за 70 и за 100 лѣтъ до этого свидѣтельства), если бы только дошло до насъ, отъ того времени, болѣе памятниковъ. И наконецъ самое то, что въ общемъ счету полковъ, перед. и сторож. принимаются, въ противность обычнымъ понятіямъ за одно звено, уже показываетъ намъ, что въ образованіи общей пропорціи полковъ участвовалъ не одинъ всемогущій обычай, но и законодательство, болѣе или менѣе на него воздѣйствовавшее. — И потому, если принять справедливость окончательнаго образованія отношеній полковъ въ первой половинѣ XVI вѣка, не могло быть ранѣе и общихъ постановленій законодательства, противодѣйствовавшихъ общему обычному распорядку полковъ; ибо самый распорядокъ этотъ еще не утверждался во всей его полнотѣ. И въ такомъ случаѣ, приведенные нами приговоры или отвѣты царскіе, отъ 1500 до 1550 года, свидѣлствуютъ намъ столько же о раннемъ противодѣйствіи законодательства порядку обычному, сколько и служатъ доказательствомъ тому, что этотъ обычный порядокъ еще не успѣлъ установиться до этого времени во всей его полнотѣ. — Противодѣйствіе законодательства отвѣчало ходу обычая и служило болѣе или менѣе вѣрнымъ отпечаткомъ его, и потому можетъ быть даже принято въ свидѣтельство оходѣ обычая, за неимѣніемъ другихъ данныхъ.

Но если и относить окончательное образованіе полковаго распорядка къ этому времени, нельзя однакожъ считать его чѣмъ-то новымъ, вошедшимъ въ жизнь вмѣстѣ съ установленіемъ единодержавія Московскаго. Такое явленіе въ Россіи XVI вѣка могло быть лишь возвращеніемъ къ жизни, вмѣстѣ съ возстановленіемъ единства Россіи, того военнаго распорядка, который принадлежалъ еще древней Руси XII и XIII вѣка; но долженъ былъ все болѣе теряться и становиться невозможнымъ, съ ея постоянно возрастающимъ раздробленіемъ

на болѣе мѣлкѣ самостоятельныя кружки, которыхъ перво-бытныя, взаимныя отношенія все болѣе путались, терялись и исчезали (городовъ къ ихъ пригородамъ, Великихъ Княжёнъ къ ихъ удѣламъ, и Князей и Княжескихъ родовъ между собою.) Слѣды же такого распорядка мы находимъ въ древней Руси XII вѣка, не смотря на всю скудость извѣстій такого рода, дошедшихъ до насъ отъ того времени въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ. Такъ на пр. см. Татищева т. III стр. 253 «подъ 1183 годомъ, Владимиръ Глѣбовичъ просилъ у Игоря, чтобы ему быть въ *передовомъ* полку, но Игорь ему отказалъ, за что Владимиръ разгнѣваясь возвратился.» см. тоже въ Ипатьев. Лѣтописи 126 стран. также Степ. книги т. I стр. 288 и 289-я. Въ Татищевѣ стр. 390 подъ 1216 годомъ, «Самъ Юрій съ Суздальцы и Владимирцы сталъ по срединѣ (мѣсто большаго полка), Ярославъ съ Переяславцы на правѣ, а на *лѣвѣ* поставили *меньшихъ братьевъ*» и далѣе «построили полки *на лѣво* и т. д. См. тоже Соф. Врем. 224 стр. т. I. и пр. и пр. Мы здѣсь ограничились однимъ указаніемъ на эти любопытныя факты, ибо все относящееся до историческаго хода и развитія мѣстничества принадлежитъ къ другой части нашего труда.

Наконѣцъ, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о счетѣ товарищей одного полка между собою. Здѣсь мы видимъ тоже противодѣйствіе обычаю законодательной власти, не допускавшей счета третьихъ съ вторыми, хотя обычныя понятія и полагали всякаго 3-го ниже всѣхъ вторыхъ, не только 2-го своего полка. Въ Др. Висл. т. XIV. стр. 437 третій товарищъ билъ челомъ на 2-го, но отвѣтъ былъ «большой Воевода Голицынъ (съ которымъ, разумѣется, было вмѣстѣ быть и 3-му), а они товарищи, какіе имъ мѣста» Также въ т. XIII. стр. 308, 3-й въ большомъ полку билъ челомъ на 2-го, но отвѣтъ былъ: «что онъ на службѣ съ первымъ, а не со 2-мъ» Третьи же воеводы, разумѣется, считались между собою, также какъ и 2-ые, и мы не рѣдко встрѣчаемъ такіа челобитія. Такъ въ Др. Висл. стр. 437. «3-й лѣвой билъ челомъ на 3-го передоваго» Въ Арх. разр. № 5-й лист. 575, 3-й лѣвой билъ челомъ на 3-го сторожеваго листъ 580, 3-й сторожевой билъ челомъ на 3-го правой руки, а на лис. 824. большой 3-й билъ челомъ на 2-го лѣвой, и тоже въ нашей разр. на стр. 133—доказательство, что всякій низшій рядъ товарищей считалъ себя ниже высшаго ряда, и даже, какъ мы видимъ здѣсь, 1-й воевода низшаго ряда считалъ себя ниже послѣдняго воеводы въ высшемъ ряду.—Но не смотря на это, съ большимъ пол-

комъ было связано, однакожъ, нѣкоторое понятіе почета, которое иногда позволяло даже 2-му или 3-му въ немъ считать себя какъ бы выше воеводъ низшихъ полковъ хотя вышатаго ряда, чѣмъ и объясняется слѣд. случай въ нашей разр. на стр. 108-й. «Сабуровъ извѣщалъ Боярѣ и билъ челомъ на Хворостинина, что вчера лаялъ его: «а тебе жъ и нынче в разряды написанъ больше потому, что живетъ большой полкъ и другой воевода великъ, больши первыхъ воеводъ передовова полку и сторожевого, не токмо лѣвые руки.»

Наконецъ замѣчательно, что также какъ мы указывали на слѣды лѣствицы чести между городами, соотвѣтствовавшей, вообще, лѣствицѣ чести служебной, — такъ мы находимъ, что извѣстные города постоянно соотвѣтствовали чести извѣстнаго полка, такъ что извѣстный городъ прямо отвѣчалъ понятію извѣстнаго полка, и подъ бытіемъ въ такомъ-то городѣ уже понималось бытіе въ такомъ-то полку. См. указанное нами на стр. 90 разр. также Сб. II стр. 396-й: «Волынской билъ челомъ на Бутурлина, что Бутурлину велѣно быть въ Переславлѣ, а ему въ Михайловѣ»; а на стр. 397-й, что такимъ-то велѣно быть въ передовомъ полку, а имъ, Ляпуновымъ, одному на Михайловѣ, а другому въ Пронску, и имъ быть тѣхъ меньше невмѣстно». — Очевидно, что подъ Михайловымъ и Пронскомъ понимаются здѣсь извѣстные полки, которыхъ честь или старшинство болѣе или менѣе соотвѣтствовало чести и старшинству этихъ городовъ, въ которыхъ потому обыкновенно и становились эти полки. — Очевидно также, что это соотвѣтствіе взаимной чести городовъ, порядку чести полковъ и вообще общей служебной лѣствицѣ чести, не есть произведение XVI вѣка, а слѣды цѣлаго міра отношеній для насъ потеряннаго, и отъ котораго въ XVI вѣкѣ случайно сохранились для насъ одни немногіе обломки.

Разсмотрѣніе всего круга этихъ отношеній и общее преобладаніе обычая надъ законодательствомъ, которое мы успѣли прослѣдить даже въ каждомъ отдѣльномъ отношеніи, даетъ намъ окончательно тотъ общій выводъ, что мѣста въ войскѣ вообще не подлежали распредѣленію исполнительной власти; но что каждое мѣсто было уже напередъ опредѣлено за извѣстнымъ лицомъ или лицами, по извѣстнымъ обычнымъ отношеніямъ этихъ мѣстъ между собою, и по напередъ даннымъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе мѣстническимъ отношеніямъ всѣхъ служилыхъ лицъ Государства. — Верховная власть, — особливо же въ началѣ единодержавія Московскаго, когда всѣ отношенія жизни, а слѣд. и мѣстничества, какъ главной пружины всей

этой жизни, были еще простѣе и непосредственнѣе и не получали послѣдующей сложности Государственнаго механизма, — рѣшала только миръ или войну, назначала извѣстный походъ, или опредѣляла войску собраться тогда-то и тамъ-то; войско же само собою собиралось и становилось подъ знамена, не нуждаясь ни въ наборщикахъ, ни въ росписаніяхъ кому гдѣ и какъ быть, и пр. Каждый уже зналъ напередъ свое мѣсто въ немъ; отдѣльныя дружины располагались въ полки, полки размѣщались въ ополченія на 3 или на 5 полковъ, воеводы принимали начальство надъ полками, кому съ кѣмъ вмѣстѣ (*) и т. д., и все это двигалось и слагалось по извѣстному, внутреннему, обычному закону и отношеніямъ жизни, — которая потому самому и не нуждалась ни въ какомъ вышнемъ двигателѣ, ею распоряжающемъ. Правительству же оставался одинъ только высшій, общій надзоръ за правильнымъ сборомъ и размѣщеніемъ войска и мѣстъ въ немъ, и самъ Царь (или его разрядъ), не принимая на себя труда рѣшать кому съ кѣмъ и гдѣ быть вмѣстѣ, высказывалъ иногда въ своихъ грамотахъ, что предоставляется самимъ воеводамъ знать или разсудить, гдѣ кому и съ кѣмъ быть пригоже и что *пригоже*. Такъ въ Арх. разр. № 5-й, листъ 2-й, подъ 1493 годомъ, послѣ обыкновеннаго разряда воеводъ на 5 полковъ, сказано: «Къ Воротынскимъ Княземъ и Одоевскимъ Князю Михайлу Мезецкому велѣлъ на правой быти подлѣ передовой полкъ Вел. Князя — Кн. Велик. сторонѣ и на лѣвой, *гдѣ похотятъ*. «А *непочетъ* быти Кн. Дмитрей з братомъ своимъ, со Кн. Семеномъ вмѣстѣ, и Кн. Дмитрею быти своимъ полкомъ подлѣ большой полкъ, *гдѣ пригоже*, а Кн. Семену и брату его, Кн. Ивану Перемышльскому, быти подлѣ передовой полкъ, *на правѣ, или на лѣвѣ, гдѣ похотятъ*. А Одоев-

(*) Также собиралось и располагалось само собою войско и на Западѣ въ средніе вѣка; но на Западѣ мѣсто каждого было опредѣляемо его личнымъ или мѣстнымъ отношеніемъ — отношеніемъ вещнымъ владѣльца къ землѣ, которою онъ владѣлъ, и вассала къ землѣ, которой онъ былъ принадлежностью, и изъ этихъ личныхъ, и слѣд. случайныхъ и видоизмѣняющихся отношеній слагался весь распорядокъ войска. — У насъ вмѣсто отношеній личныхъ, были отношенія родовыя, но и отношенія родовыя, какъ болѣе или менѣе личные и потому случайныя, не опредѣляли мѣсто каждого въ войскѣ и не слагали изъ себя общаго распорядка ополченія. Распорядокъ этотъ былъ уже напередъ данъ и опредѣленъ въ рамкѣ отношеній между всѣми мѣстами въ войскѣ, которую создалъ обычай, а родовыя отношенія могли только наполнять эту рамку, а не слагать собою самый распорядокъ ополченія.

скимъ Княземъ и Бѣлевскимъ и Мезецкому, гдѣ *будетъ пригоже*, а Княземъ быти въ полку, и имъ *тутѣ быти, или гдѣ похотятъ*. Въ № 13. 812 подъ 1536 год. стр. 367-я. «Кн. Великій послалъ Кн. Александру Васил. Кашину, что не съѣзжаются съ Мих. Тучковымъ, и наше бы дѣло у васъ не терялося, съѣзжались бы еста къ Дм. Полуехтову, то вамъ намѣсникъ; а *не похотитя* съезжати къ Дмитрею, и (вамъ бы съѣзжати къ Дмитрію) і вамъ бы съѣзжати *где пригоже*.» Эти свидѣтельства ясно намъ показываютъ, что само правительство предоставляло обычаю мѣстничества самому, непосредственно, вѣдаться съ подлежащими ему отношеніями и разбирать, что кому и гдѣ вмѣстно или пригоже, и, какъ мы видимъ, самыя назначенія и распоряженія по службѣ были дѣлаемы условно, т. е. *если похотятъ* быть такъ, какъ мы назначили (*похотятъ* же означаетъ здѣсь не произвольное *хотѣніе* того или другаго лица, а если вмѣстно и пригоже); а если *не похотятъ*, то быть имъ, какъ сами знаютъ. Правительство же, какъ высшая распорядительная, полицейская и судебная власть, вело только списки или разряды каждой службы и всѣмъ лицамъ, которымъ приходилось быть на ней по ихъ напередъ даннымъ отношеніямъ;—надзидало за правильнымъ разположеніемъ всѣхъ этихъ отношеній во всѣхъ случаяхъ Государственной службы и дѣятельности, и ихъ правильнымъ движеніемъ, не нарушаемымъ ни чѣмъ произволомъ;—какъ власть судебная, разбирало и судило всѣ отношенія спорныя, или враждебныя столкновенія противорѣчащихъ отношеній, и наконецъ выбирало между нѣсколькими кандидатами на одно и тоже мѣсто, т. е. между всѣми, находящимися въ однихъ и тѣхъ же правахъ и отношеніяхъ къ этому мѣсту; такъ на пр. см. Арх. разр. № 13—812 стр. 196 и 218. и № 28-й стр. 38 подъ 1500 г. «а въ передовой и сторожевой и въ правую и лѣвую руку Ц. и В. К. велѣлъ выбрать воеводъ.» Впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ кругъ мѣстничества расширялся, разрослись и путались его отношенія, рать становилась многочисленнѣе, служба сложнѣе, охраненіе границъ шире, а слѣдов. и мѣстъ службы становилось больше, и больше кандидатовъ на нее, съ равными или спорными правами на одни и тѣже мѣста,—тѣмъ менѣе могло правительство предоставлять обычаю мѣстничества вѣдать самому свои отношенія и тѣмъ менѣе могло уступать *хотѣнію* воеводъ, безъ предварительнаго суда и разбора, правильно ли это хотѣніе ихъ, или нѣтъ. Въ послѣднюю половину XVI вѣка, начиная съ совершеннолѣтія Іоаннова, еще встрѣ-

чаются слѣды предоставленія тому или другому лицу вѣдать самому, что ему и гдѣ ему быть пригоже; но эти случаи ничего уже не доказываютъ опредѣленнаго сами собою, и получаютъ смыслъ только при предыдущихъ свидѣтельствахъ. — Такъ въ Др. Висл. т. XIV. стр. 307. роспись воеводамъ по украиннымъ городамъ, въ Тулѣ, Рязани, Пронскѣ, Ряжскѣ и др. городахъ такіе-то «а во Мценскѣ прибрати кого пригоже.» Такъ какъ самая роспись была сдѣлана въ Разрядѣ, то вѣроятно, что это *прибрание* относилось здѣсь къ большимъ воеводамъ, завѣдывавшимъ этой службой; «а кому пригоже во Мценскѣ» подтверждаетъ тоже общее соотвѣтствіе личныхъ мѣстническихъ отношеній съ отношеніями служебныхъ мѣстъ между собой, и этихъ послѣднихъ съ отношеніемъ между собою городовъ, какъ такихъ же единицъ мѣстъ. Въ нашей разр. стр. 136, Борятинскому указано быть у иного дѣла къ какому онъ пригодится; Сб. II стр. 6-я «а будетъ *пригоже* Кн. Данилу прибавити воеводѣ въ свой полкъ большой же, и велѣти ему быть у себя въ полку Мезецкому» и проч. Самое же назначеніе мѣстъ въ войскѣ, до самаго Петра, пока мѣстничество не было окончательно вытѣснено новоевропейскими началами службы, кромѣ однихъ походовъ и служебъ, объявляемыхъ невмѣстными, не подлежало прямо правительственной власти; если же оно и подлежало ей въ послѣдніе годы отживавшаго мѣстничества, то какъ прямое и постоянное фактическое нарушеніе обычнаго закона и отношеній, которыя таже правительственная власть еще продолжала признавать за общій законъ и норму всего служебнаго распорядка. — При каждомъ новомъ назначеніи или новой росписи на ту или на другую службу, *подбирались* лица *пригожія* къ ней, — такія, которымъ въ соотвѣтствіи мѣстъ этой службы *вмѣстѣ* было быть вмѣстѣ по ихъ мѣстническимъ отношеніямъ; т. е. Государь приказывалъ *выбирать* изъ числа кандидатовъ, имѣющихъ равныя права на одно и тоже мѣсто, и подбирать ихъ въ соотвѣтствіи ихъ другъ къ другу, и мѣстъ службы между собою; такъ Сб. II. стр. 398 подъ 1628 годомъ: «Ц. велѣлъ сидѣть Боярамъ и тѣхъ, которые били челомъ, ставити передъ собою, и спрашивать порознь, а ихъ вѣдь Бояре выбрали по ихъ Гос. указу, кому съ кѣмъ мочно «Повсдн. Зап. т. I. стр. 204. «Гос. указалъ боярамъ на Украину воеводѣ выбирать» и пр.

На стр. 98 «Кн. А. Хилковъ, М. Кашинъ и М. Салтыковъ били челомъ объ указѣ, что если грамоты будутъ приходить къ одному К. Трубецкому, то мы на службу готовы,

а если къ Трубецкому и Хворостинину вмѣстѣ (т. е. на имя обоихъ), то имъ быть невмѣстно.» — Здѣсь, также какъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ, назначаемые на службу воеводы, — прежде чѣмъ принять на себя эту службу, — какъ бы торговались съ правительствомъ, и напередъ вступали съ нимъ въ условія, на которыхъ служить ему готовы, — въ обереженіе себя отъ могущей привестися порухи ихъ чести. Такъ и на стр. 103 «К. В. Почуй, свѣдавъ, что быти большимъ воеводою Одоевскому, а ему у него быти въ меньшихъ, посылалъ бить челомъ. Государю.» Въ 1-мъ случаѣ, на стр. 98, Хворостининъ, въ отвѣтъ на указанное нами тройное челобитіе на него, билъ челомъ въ безчестьи на одного Кн. Кашина, чѣмъ ясно доказывается справедливость двухъ другихъ челобитій. — Сверхъ того здѣсь замѣчательно, что Царь на это велѣлъ спросить у Хворостинина «почему бьетъ челомъ мимо суда» т. е. почему не дождался суда, который долженъ былъ воспослѣдовать и безъ того, вслѣдствіе помянутыхъ челобитій на него. Здѣсь судъ вѣроятно принять въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, и означаетъ одну ставку передъ судомъ; такъ на стр. 125 мы находимъ: «положилъ на судъ Сабуровъ 14 статей, и того же мѣсяца ставка была 1-я, а послѣ суда (слѣд. послѣ этой ставки, ибо самый судъ еще продолжался) положилъ 5 статей.» Наконецъ въ ясное свидѣтельство, что судъ въ тѣсномъ смыслѣ означалъ только ставку передъ судомъ, т. е. судововереніе тяжущихся передъ судьями, мы находимъ слѣд. мѣсто: Сб. т. V. стр. 73. Вельяминовъ говоритъ: «а пожаловалъ, велѣлъ безъ суда сыскать по моему и ево челобитью, а больше того не вели Госуд. у меня и ево, *вмѣста суда*, памятей принимать; а Кн. Вяземской билъ челомъ тебѣ объ *сыску безъ суда*.» (*)

На стр. 99 «Искалъ своего отечества Ив. Сабуровъ на Кн. Васильевъ дѣдъ, на Д. Ростовскомъ, и отвѣчалъ за дѣда своего К. Василій» а въ слѣд: году на стр. 104. «Сабуровъ билъ челомъ о свершеньи того же дѣла» Подобные этому примѣры, что одинъ родичъ отвѣчаетъ за другаго, или челобитѣя на высшаго родича, мимо прямого противника, мы уже видѣли и прежде. — Но въ настоящемъ случаѣ представляется еще слѣд: вопросъ, котораго, при неизвѣстии другихъ данныхъ, нельзя и рѣшить положительно: Былъ ли *прямымъ противникомъ* Сабурова дѣдъ Василья; т. е. произошла ли *стычка* двухъ противорѣчащихъ отношеній между Сабуровымъ и этимъ

(*) См. объ этомъ: Кавелина Основн. Пачала Руск. Судопроизводства М. 1844.

дѣдомъ Васильевымъ, а за дѣда отвѣчалъ внукъ, потому что считался въ роду достаточно честнымъ, чтобы утянуть собою Сабурова, — или прямымъ противникомъ Сабурову былъ самъ Василій, но Саб. билъ челомъ на дѣда его, какъ на высшаго родича, на котораго могъ самъ имѣть притязанье? — Могло же быть, что ни тотъ ни другой не былъ прямымъ противникомъ Сабурова; но Кн. Д. Ростовскій являлся для Сабурова, по его счету, высшимъ родичемъ въ противномъ роду, котораго онъ могъ утянуть, а черезъ него, разумѣется, и своего прямого противника (можетъ быть неупомянутое *среднее* въ роду Ростовскихъ лице, стоящее между Васильемъ и его дѣдомъ.) — Василій же былъ низшимъ членомъ въ роду Ростовскихъ, который могъ имѣть притязанье на И. Сабурова, или котораго родъ Ростовскихъ могъ противопоставить Сабурову, а потому и являлся отвѣтчикомъ за своего дѣда; настоящій же противникъ Сабурова занималъ, можетъ быть, среднее мѣсто между Васильемъ отвѣтчикомъ, и дѣдомъ его, на котораго написано челобитье. Разумѣется, что послѣднее предположеніе имѣетъ за себя менѣе вѣроятностей, чѣмъ первыя два, но всѣ три случая одинаково возможны. — Одинаковыхъ, или близкихъ этому случаевъ, находимъ мы въ нашей разр., и въ Царствованіе Феод. Ив. еще нѣсколько. Такъ на стр. 105-й. «М. Гвоздевъ искалъ своего отечества на Ѳ. Бутурлинѣ, а Ѳ. Бутурлинъ искалъ своего безчестія на Гвоздевѣ, что ищетъ не по дѣлу. А искалъ Ѳ. Бутурлинъ въ сына своего мѣсто Перфилю» — чѣмъ вѣроятно замѣчено, что слѣдовало бы отвѣчать за отца Перфилю, сыну Ѳ. Бутурлина; ибо не только самъ Ѳ. Бутурлинъ, но и сынъ его былъ довольно честенъ, чтобы утянуть собою Гвоздева, однакожъ отвѣчалъ самъ отецъ, хотя и за себя, но *мѣсто своего сына*; можетъ быть, по той же самой причинѣ, по какой въ Сб. II стр. 36 О. Голицынъ просилъ сроку: «что молодъ, безъ дяди считаться не умѣетъ, и безъ дяди памяти положить не можетъ.» На той же стр. «Ив. Щербатый искалъ отечества на томъ же М. Гвоздевѣ, и отвѣчалъ братъ его меньшей, (троюродный) Кн. Сем. Владим. Бахтеяровъ», а черезъ недѣлю на Ив. Щербатовѣ искалъ отечества Владим. Бахтеяровъ (вѣроятно отецъ Семена) «для того, что Щербатый искалъ на большемъ его семомъ братѣ (*), М. Гвоздевѣ» По род. (I. стр. 79 и 81) же В. Бахт.

(*) Братъ, также какъ и наша братья и пр., особливо при нѣсколько отдаленномъ родствѣ, могло иногда употребляться вообще мѣсто *родича*, *родственника*. Такимъ образомъ примиралось бы показаніе Род. съ нашей разр.

внучатный дядя М. Гвоздева; но отецъ первого былъ седьмой родной братъ дѣду втораго, изъ чего видно, что Вас. Бахт. считалъ Щербатова низкимъ не только своему племяннику, происходящему отъ 1-го большого брата, когда онъ происходилъ отъ 7-го, но даже и себя, и вѣроятно этимъ челобитьемъ отвѣчалъ также на искъ Щербатова на М. Гвоздева. На стр. 109. «Бояр. Б. Сабуровъ да Окол. Ив. Сабуровъ били челомъ на Бояр. Г. А. Куракина, мимо К. И. Голицына, его племянника (см. Род. I стр. 40), а для того, что Богд. написанъ въ нынѣшнемъ розрядѣ меньше И. Голицына, а клали невмѣстную и двѣ розведенныхъ на дядю его Г. Куракина» на стр. 119 челобитье Борятинскаго, а на 122-й Сабурова, также на отцовъ своихъ прямыхъ противниковъ; также на стр. 123 два взаимныхъ челобитья, и каждое на отца противника (см. род. Труб.). На стр. 125. «отвѣчалъ за отца К. Гагинъ.» На стр. 125 Голицынъ билъ челомъ на Глинскаго, но Царь отвѣчалъ: «дуруешь, а велю и на отца дать правую грамоту» на стр. 126 «К. Ѳ. Ноготковъ искалъ своего безчестія на К. П. Буйносовъ, но искалъ за меньшаго своего брата, за К. И. Туренина, на большемъ четвертомъ братѣ П. Буйносова.» По род. Тур. Ноготкову приходится братомъ, уже въ восьмомъ колѣнѣ; откуда ясно видимъ, какой широкій родовой кругъ обнимала эта обязанность всѣхъ родичей бить челомъ другъ за друга. Если же возьмемъ въ соображеніе такую взаимную отвѣтственность всѣхъ членовъ рода другъ за друга, живое, опредѣленное въ численныхъ единицахъ, соотвѣтствіе каждого члена рода ко всѣмъ прочимъ членамъ, (такъ что не могло измѣниться ни одно постороннее отношеніе одного изъ нихъ, безъ того, чтобы тѣмъ самымъ не измѣнились отношенія всѣхъ прочихъ, которымъ до него доставало) и какъ необходимо слѣдующее отсюда, такое же строгое соотвѣтствіе единицъ одного рода ко всѣмъ единицамъ всѣхъ прочихъ родовъ,—то становится очевиднымъ, что всякое случайное фактическое отношеніе являлось для мѣстничества или какъ вовсе несуществующее, или какъ нарушеніе его законнаго порядка, могло быть *поводомъ* къ исковому движенію въ немъ, но самый искъ, какъ необходимо совершающійся въ законѣ этихъ соотвѣтствій, также необходимо, оставлялъ въ сторонѣ отношеніе его вызвавшее. — Такимъ образомъ, всякое такое отношеніе, какъ на пр: всякое случайное невмѣстное назначеніе извѣстныхъ лицъ на службу, во всякомъ случаѣ, оставалось внѣ всего внутренняго движенія и круга отношеній мѣстничества.

Отсюда уже очевидно, какъ общее отрицательное поло-

женіе мѣстничества необходимо слѣдующее изъ самой сущности его, что мѣстническій споръ, по своему понятію, никогда не происходилъ между тѣми двумя лицами, между коими произошла прямая *стычка* (коллизія) двухъ противорѣчащихъ между собою отношеній; — хотя на фактъ онъ могъ производиться и нерѣдко производился, но когда нормальное понятіе всякаго мѣстническаго спора, необходимо совершавшагося между *соотвѣтственными* другъ другу лицами въ обѣихъ родахъ, совпадало съ самимъ фактомъ, — случайнымъ столкновеніемъ двухъ отношеній въ неправильномъ назначеніи на службу.

Мы уже видѣли прежде, что «бывалъ малъ, въ нашемъ роду, такой то, для того, чтобы можно было меня имъ утягивать» и также точно «бывалъ малъ для меня въ чужомъ роду, для того, чтобы могъ я его утягивать.» Для того же, что бы можно было меня утягивать такимъ-то, или чтобы я *сталъ* утягивать такого-то, надо было, чтобы ему *доставало* до меня, т. е. чтобы я считалъ его въ порядкѣ мѣсть, непосредственно слѣдующимъ за собою, вышшимъ или равнымъ себѣ. Такъ мы и встрѣчаемъ иногда, что «билъ челомъ на такого-то, мимо такихъ-то», т. е. (см. разр. стр. 103) обходилъ тѣхъ, которыхъ считалъ *малыми* для себя, или которымъ до него не доставало, и прямо билъ на высшаго, который до него *доставалъ*. Такъ въ Арх. Разр. № 5 лист. 579 мы находимъ: «стали чести Оомину челобитную на Кн. Василья Тюфякина в безчестье, і Кн. Василій, выслушавъ челобитной, да билъ челомъ Бояромъ топерева де ищетъ на мнѣ Оома безчестья, и язъ Государь на Оому не бивалъ челомъ, мнѣ до Оомы и дѣла нѣтъ, а билъ есми челомъ в отечестве на Романа Дмитриевича Бутурлина, до ково мнѣ достало.» А потому самому могъ и долженъ былъ происходить всякій споръ между такими только, которымъ другъ до друга доставало, т. е. такими, которые по расчетамъ и понятіямъ каждой стороны, въ порядкѣ мѣсть, другъ за другомъ непосредственно слѣдовали, и между коими не было уже другихъ среднихъ, раздѣляющихъ звѣньевъ (*). При утягательномъ же и не-

(*) Всякій такой споръ или судъ въ мѣстахъ назывался судомъ въ *отечествѣ о счетъ*, ибо состоялъ въ разборѣ счета и уравниваньи противорѣчившихъ, *отеческихъ* т. е. родовыхъ отношеній, и потому самому необходимо двигался въ законѣ мѣстническихъ соотвѣтствій, между тѣми, коимъ доставало другъ до друга. Таковъ *мѣстническій* споръ въ его строгомъ понятіи, котораго мы и раскрываемъ теперь ходъ и законы. Но поэтому самому, не должно смѣшивать такихъ исковъ съ встрѣчаемыми почти также часто искомъ въ *безчестьи*, въ ко-

опредѣленномъ характерѣ всѣхъ мѣстническихъ споровъ всякій челобитчикъ старался доказать, что тотъ, съ которымъ онъ назначенъ на службу, не только невмѣстенъ ему но и *малъ* ему, до него даже и *недостаетъ*, а потому, мимо его, билъ прямо челомъ на высшаго родича, котораго считалъ *вмѣстнымъ* (**) себѣ, до себя достающимъ, т. е. непосредственно слѣдующимъ за собою въ порядкѣ мѣстъ; — иногда же могло случаться, что билъ челомъ и на постороннее своему противнику лице, но бывшее выше его по разряду. Такъ, на оборотъ, и представитель противной стороны искалъ на томъ въ роду челобитчика, который доставалъ до него.

Челобитья, какъ мы видѣли прежде, бывали нерѣдко одной формою протеста, который не требовалъ никакого судебного разбирательства; иногдаже неправильность назначенія на службу была такъ очевидна, что должное отношеніе было возстановляемо безъ всякаго иска и оспариванья съ противной стороны. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ, когда бывалъ дѣйствительно споръ въ мѣстахъ, и стыкались между собой два неясныя, взаимно противорѣчащія, или только *взаимно притязающія* отношенія, которыя уравновѣсить и согласить между собой было дѣломъ суда, то искъ и челобитья становились необходимо взаимными, и при такомъ взаимномъ искѣ обѣ стороны становились вмѣстѣ истцами и ответчиками.

Въ такихъ взаимныхъ искахъ порядокъ челобитій былъ слѣд: тотъ, съ кѣмъ произошла стычка и отъ кого начинался споръ или самъ начиналъ искъ на *вышемъ* въ противномъ роду, до котораго могло только *доставать* ему (а потому и могъ иногда искать и на своемъ прямомъ противникѣ, если только этотъ противникъ случайно былъ вмѣстѣ и высшимъ, до котораго ему *доставало*) или, вмѣсто перваго истца, искалъ его *младшій* родичъ, но достающій

торомъ дѣло не до разбора отношеній, но самый искъ отправляется какъ отъ напередъ даннаго факта, что противникъ безспорно ниже, и *безчестилъ* своимъ челобитьемъ, за что и слѣдуетъ ему наказанье. А потому мы и встречаемъ въ искѣ на одинъ и тотъ же родъ и отъ одного и того же лица, искъ въ *отечествѣ* на *соответственнаго* *высшаго*, до котораго *доставало*, и въ *безчестьи* на *прямаго* противника, бывшаго челомъ (см. ниже разборъ стр. 107).

(**) А потому слово *вмѣстенъ* могло имѣть и свой особенный, строгій смыслъ и означать такихъ, которымъ не только можно было быть вмѣстѣ на службѣ въ указанномъ порядкѣ, но которые, въ порядкѣ мѣстъ, приходились другъ другу вмѣсто въ мѣсто, такъ что между ними уже не могло быть другой средней единицы. —

разумѣется, до прѣмага противника, съ кѣмъ была стычка, и который искалъ уже на соотвѣтствующемъ ему въ противномъ роду. Со стороны же другаго рода могъ отвѣчать или тотъ соотвѣтственный *высшій*, на коего было челобитье, или, вмѣсто этого *высшаго*, отвѣчалъ другой *меньшій* родичъ, которому, по крайней мѣрѣ, доставало до прѣмага истца, и который самъ, становясь истцомъ, искалъ на соотвѣтствующемъ ему въ роду противномъ *высшемъ*, до котораго могло только доставать притязанье другаго рода.—Тѣже, между коими произошла стычка противорѣчившихъ родовыхъ отношеній, могли, по тому самому, нерѣдко оставаться внѣ всего спора. Ибо когда разъ два рода находились въ противорѣчащихъ отношеніяхъ другъ къ другу, то въ понятіяхъ мѣстничества и порядкѣ его отношеній основнымъ и существеннымъ могъ быть только общій фактъ ихъ взаимнаго противорѣчія. Высказывалось же это противорѣчіе на той или на другой *мужбѣ*, въ стычкѣ тѣхъ или другихъ двухъ родичей, было предъ судомъ мѣстничества чистою, безразличною случайностію; всякій же членъ рода (въ предѣлахъ нами указанныхъ ниже), когда онъ являлся истцомъ или челобитчикомъ на чужой родъ, одинаково былъ представителемъ всего рода, (*) во сколько всѣмъ прочимъ родичамъ доставало до отношеній, имъ вызванныхъ къ судебному разбирательству, и исполнителемъ общей, лежавшей на каждомъ изъ родичей обязанности защищать и оберегать не только свою честь, но, *въ свою мѣру*, и честь всего рода. А потому могла произойти стычка между тѣми или другими двумя родичами; но если они не были другъ другу *невмѣстны* въ строгомъ смыслѣ этого слова, *мѣсто въ мѣсто*, то самая обязанность родовая передъ другими родичами требовала, чтобы искъ былъ обращенъ на такого, который строго *вмѣстенъ* ему. (**) И слѣд.: если по

(*) Такъ еще въ Уложеніи Гл. X. § 108 мы находимъ общую обязанность всѣхъ родичей быть вообще представителями другъ друга передъ судомъ «а будетъ кто учнетъ бить челомъ, что онъ боленъ, а къ суду ему *въ свое мѣсто* прислать извоку, что онъ *безлюдный и безсемеинный* человекъ см Разр. стр. 137 челобитье во всѣхъ Оболенскихъ мѣсто.

(**) Если челобитчикъ и утѣнулъ своего противника, но не строго *вмѣстнаго* себя, то между ними еще оставались промежуточныя единицы мѣсть. — Мѣста же эти тогда только опредѣленно утверждались за слѣдующими за челобитчикомъ родичами, которымъ они по порядку принадлежали, (по общему расчету каждаго рода, на которомъ основывался, и всякій искъ отдѣльнаго родича) и эти

требованію родовыхъ понятій, всякій споръ необходимо былъ переносимъ на соотвѣтственные другъ другу въ обоихъ родахъ лица, которыя были строго *вмѣстны* между собою, то очевидно, что передъ общимъ фактомъ противорѣчія двухъ родовъ между собою, и для этихъ противорѣчащихъ отношеній, было совершенно одинаково и безразлично являлись тѣ или другія два соотвѣтственные другъ другу лица, для разрѣшенія этого противорѣчія; ибо соотвѣтствіе постоянно оставалось одно и тоже и въ той же пропорціи мѣстъ, какъ единицъ счета. Родъ же и его общія выгоды были вполнѣ одинаково представляемы тѣмъ или другимъ родичемъ, и только степень родоваго *большинства* и *малости*, въ предѣлахъ которой эти соотвѣтственные лица могли быть представителями отношеній каждаго рода, по понятію и счету каждаго, опредѣлялось, какъ мы увидимъ ниже, родовой степенью тѣхъ двухъ лицъ, между коими случайно произошла стычка отношеній. — И потому, такая отвѣтственность всякаго челобитчика, какъ представителя въ свою мѣру всего своего рода передъ всѣми остальными родичами, достававшими до отношеній, которыя могли или должны были подвергнуться судебному разбирательству, налагала на всякаго истца прямую обязанность утянуть противный родъ елико возможно далѣе, а потому и бить челомъ на высшаго родича, до котораго только, правымъ или неправымъ счетомъ, могло ему *доставать*. — Всякій челобитчикъ, отстаивая одну свою личную честь, могъ достаточно отстоять ее, *утянувъ* своего прямого противника, но безъ опредѣленія сколькими мѣстами. (какъ мы иногда и встрѣчаемъ такія рѣшенія), Утянуть противную сторону одной единицей мѣстъ болѣе или менѣе, могло не рѣдко не представлять особой важности для челобитчика; иногдаже самая личная выгода могла требовать уступки съ его стороны, однимъ мѣстомъ, только чтобы скорѣе вершить свое затянувшееся дѣло; — но такая уступка одной единицей, не

родичи были ограждены отъ всякаго новаго возможнаго иска и спора и проч. когда истецъ утянулъ *строго вмѣстнаго* ему, и слѣд: отодвинулъ свое отношеніе до его крайней возможной высоты, и тѣмъ строго и ясно утвердилъ и оградилъ отношенія всѣхъ непосредственно за нимъ слѣдующихъ родичей, которымъ *доставало* до него и которыхъ отношенія были утверждаемы тѣмъ же искомъ. — Строгая же опредѣленность эта не могла, разумѣется, имѣть для истца и его личнаго отношенія той важности, какую она имѣла для прочихъ достававшихъ родичей; — и она имѣла тѣмъ большую важность для каждаго изъ нихъ, чѣмъ менѣе оставалось промежуточныхъ мѣстъ, и чѣмъ болѣе отношеніе приближалось къ строгой *вмѣстности*.

представлявшая особенной важности для самого истца, могла привести другого, слѣдующаго за нимъ родича, къ прямой *потерь* (см. ниже) передъ такимъ, котораго онъ считалъ равнымъ себѣ, или ниже себя. — Сверхъ того, внутреннее стремленіе и сущность самаго мѣстничества, и особливо при всякомъ разборѣ, опредѣленіи и утвержденіи отношеній, требовали, чтобы порядокъ мѣсть сохранялся всегда не разорваннымъ и не были оставляемы въ немъ среднія, нумерически неопредѣленные отношенія; — всѣ единицы мѣсть должны были въ строгости быть принимаемы другъ къ другу мѣсто въ мѣсто, такъ чтобы всякое отношеніе представлялось непрерывнымъ порядкомъ мѣстническихъ единицъ. — Тою же нормою и внутреннимъ стремленіемъ мѣстничества необходимо правимъ былъ и весь распорядокъ службы и мѣсть ея, хотя дѣйствительность и не всегда могла строго отвѣчать ему.

Тѣ же два лица, между коими произошла прямая стычка отношеній, служили лишь *средней пропорціональной* для степени большинства и меньшинства тѣхъ, которые являлись представителями двухъ противорѣчащихъ родовыхъ отношеній, между коими, какъ опредѣленными границами, двигался весь споръ, во всѣхъ его послѣднихъ выводахъ и рѣшеніяхъ. Ибо всякій такой родичъ, являвшійся представителемъ вмѣсто своего высшаго, на котораго было челобитье, или того, съ кѣмъ произошла стычка, долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, *доставать* до прямого противника послѣдняго, съ коимъ произошла эта стычка — низшіе же эти въ строгости опредѣляли (въ предполагаемомъ соотвѣтствіи по общему счету и понятію каждаго рода) и тѣхъ высшихъ, которые являлись представителями каждаго родоваго отношенія.

Такимъ образомъ всякій споръ происходилъ или двигался между *высшими* въ каждомъ роду, до которыхъ доставало въ роду противномъ тѣмъ *меньшимъ*, которые являлись въ спорѣ представителями каждаго рода — и между этими *меньшими* въ каждомъ роду, изъ коихъ каждый являлся *истцомъ* за свой родъ передъ высшимъ, достававшимъ до него въ противномъ роду, на котораго билъ челомъ, и *отвѣтчикомъ* за высшаго въ своемъ роду, на котораго было челобитье достававшаго до него меньшаго и истца въ роду противномъ. — По понятію своему отвѣтчиками, въ противоположность *истцамъ*, были всегда соотвѣтственные высшіе въ каждомъ роду, а истцами соотвѣтственные низшіе; въ дѣйствительности же каждый меньшій являлся въ каждомъ роду *отвѣтчикомъ* за своего

высшаго родича, на котораго было челобитье, и въ свой чередъ истцомъ на высшаго въ противномъ роду, до котораго ему доставало. И потому, хотя по видимому и въ понятіи такого спора всегда перекрещивались взаимныя отношенія, такъ что споръ могъ только происходить между каждымъ низшимъ съ соотвѣтственнымъ ему высшимъ, но въ дѣйствительности, какъ мы увидимъ, эти искомыя высшіе могли являться, большею частію, лишь мнимыми или фиктивными (отъ *fictio* вымыселъ, вымышленными) отвѣтчиками. Дѣйствительный же споръ происходилъ между соотвѣтственными имъ меньшими, которые были ихъ представителями.

Мы старались раскрыть внутреннюю общую послѣдовательность, которая правила всѣми отношеніями въ мѣстническомъ спорѣ, и указать на тѣ предѣлы, въ которыхъ всякій такой искъ и всѣ его отношенія двигались, но прослѣдить всѣ случайныя видоизмѣненія въ ходѣ самаго иска и его отношеній — дѣло почти не возможное, и едва ли не бесполезное. Мы можемъ только указать на большую или меньшую вѣроятность проявленій того или другаго отношенія въ дѣйствительности, хотя проявленіе каждаго изъ этихъ отношеній, какъ опредѣляющаго того или другаго истца или отвѣтчика, было одинаково возможно и согласно съ законами мѣстничества. Такъ на пр. если для ясности, изъ взаимнаго, уже совершающагося иска, мы выдѣлимъ одинъ споръ перваго истца съ отвѣтчикомъ, то могъ отвѣчать за себя и своего искомаго высшаго, на котораго было челобитье, самъ прямой противникъ, или вообще тотъ или другой *средній* родичъ, или наконецъ послѣдній, которому только что доставало до прямого противника; но во всѣхъ случаяхъ, тотъ или другой или третій отвѣтчикъ обратно искалъ на соотвѣтствующемъ въ противномъ роду, до котораго только каждому изъ нихъ доставало. Могъ бы также прямо отвѣчать и самъ высшій, на коего было челобитье, и тогда какъ истецъ, на соотвѣтственномъ ему еще *высшемъ* въ противномъ роду. Но вообще, какъ кажется, отвѣчать вышему, когда былъ меньшій для отвѣта, было почитаемо въ родовыхъ понятіяхъ не согласнымъ съ достоинствомъ старшихъ родичей (такъ въ Арх. Разр. N' 5 л. 728 г. «отвѣчалъ за дѣда В. Ростовскій,» лс. 715. «Бояре велѣли отвѣчать В. Тюфякину за дѣда»). Сверхъ того эти высшіе въ роду, на которыхъ были направлены челобитья, часто уже не были въ живыхъ, когда на нихъ били челомъ; ибо для мѣстничества и его соотношеній выбывшій или дѣйствительный членъ рода имѣли совер-

шенно одинакое значеніе. Къ тому же эти высшіе, если и были еще въ живыхъ, то вѣроятно большею частію уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и искъ его необходимо доставалъ бы до дѣдовъ и прадѣдовъ противнаго рода, и перенесъ бы весь споръ на столѣтіе назадъ, — изъ чего мы можемъ заключить, что если такіе высшіе рѣдко бывали отвѣтчиками, то еще рѣже обратными истцами. Но кто бы ни отечалъ, высшій, средній (см. Сб. II. стр. 20 такой-то у насъ *средній* въ роду) или низшій (или даже высшій за своего низшаго, за отсутствіемъ, или болѣзнію того или другаго, какъ на пр на стр. 123 «а К. Семена в ту пору на Мышегѣ не было, и въ К. Семеново мѣсто билъ челомъ *большой* его братъ Иванъ: на Государеву службу Сем. готовъ, да быти ему меньше Ромод. не вмѣстно» всѣ отношенія оставались совершенно одни и тѣже и паралельны другъ другу въ обѣихъ сторонахъ, и подвигались въ тѣхъ же пропорціяхъ. Самый же судъ или дѣло только приводило къ средней пропорціи взаимныя притязанія двухъ противныхъ сторонъ, изъ которыхъ каждая, разумѣется, начинала съ послѣднихъ, доступныхъ для ея притязанія членовъ, по расчетамъ, наглядному понятію, или утягательному крючкотворству каждой. Разумѣется, что жизнь и ея случайности могли представлять многія отступленія, исключенія и пр. но каковы бы они ни были, такова внутренняя норма и отвлеченное понятіе, которымъ опредѣлялся и въ которомъ двигался всякій мѣстническій споръ.

Особенно рѣзкій примѣръ упрямства мѣстничества передъ неправильными назначеніями правительства и упрямаго неповиновенія его распоряженіямъ, когда они нарушали обычное право мѣстничества, находимъ мы на стр. 99 и 105. А. Голицынъ на службу не поѣхалъ для Б. Трубецкаго; ибо передъ тѣмъ, на стр. 98, ему не дано было счету на Трубецкаго, и Царь велѣлъ отвести его на службу приставу, который его на службу и привезъ; но онъ списковъ не взялъ, и за то посаженъ въ тюрьму нарочную, сидѣлъ въ тюрьмѣ двѣ недѣли и списковъ все таки не взялъ; наконецъ Царь велѣлъ его изъ тюрьмы выпустить и со службы отпустить и назначилъ на его мѣсто другаго. На стр. 103 снова искалъ А. Голицынъ на Т. Трубецкомъ и, какъ видно, судъ былъ на этотъ разъ данъ ему, ибо сказано: что судилъ ихъ и проч. Такъ мы видимъ, что правительство уступило наконецъ требованію Голицына, не смотря на свой первый отказъ ему и учи-

ненное наказанье. Послѣдствія суда мы не знаемъ, незнаемъ также былъ ли онъ вершенъ или нѣтъ? — Но Голицынъ съ своей стороны не уступилъ и остался при своемъ, ибо вслѣдъ за тѣмъ на стр. 105. Трубецкой назначенъ въ большой полкъ, а Голицынъ въ передовой, и Голицынъ для Трубецкаго разболѣлся будто боленъ, нехотя быть у него въ меньшихъ, — невиднo однакожъ, чтобъ было учинено ему за то какое либо новое наказанье.

На стр. 106-й и 111-й (тоже № 5. л. 753) въ дѣлѣ Алферьева мы видимъ также, что правительство уступило наконецъ справедливому требованію мѣстничества. Алферьевъ искалъ на Засѣкинъ (стр. 106), а Зас. билъ челомъ въ безчестьи на Алферьева, и Государь велѣлъ обвинить его Алферьева, и выдать головою Засѣкину, а судилъ ихъ (сказано вообще) Бояр. Трубецкой и дьякъ Аврамовъ, — На стр. же 111 мы находимъ, что Труб. и Авр. «по суду Алферьева оправили, но послѣ тое сказки и сверхъ суда Алферьева обвинили по Госуд. опалѣ» чѣмъ и объясняется на 106 стр. что Государь велѣлъ обвинить, и на той же стр. мы находимъ и Царскую грамоту къ Засѣкину «что по суду Бояре приговорили тебя оправить и Алферьеву не токмо что съ тобою, но и съ меньшимъ (см. разборъ стр. 99) въ твоемъ родѣ быть ему на службѣ; и вслѣдъ за тѣмъ грамота, надписанная воеводамъ Засѣкину и Алферьеву. «И въ той Государевой опалѣ въ томъ же году Алферьева не стало»; но того же году на стр. 111 билъ челомъ Семенъ Алферьевъ въ отцово мѣсто, что отецъ его сперва былъ по суду оправленъ, а потомъ сверхъ суда по опалѣ сосланъ (и дьякъ «не пусти къ рукъ Государевой» т. е. отнявъ тѣмъ случай къ новому челобитью, или личному объясненію съ Государемъ) и Царь тотъ судный списокъ слушалъ, и съ Р. Алферьева опалу сложилъ и велѣлъ дать грамоту невмѣстную на Засѣкина, и въ тотъ годъ Романа не стало. — Вѣроятно, что онъ былъ еще въ живыхъ, когда сынъ билъ челомъ въ его мѣсто, и получилъ для него невмѣстную грамоту; но съ другой стороны было также возможно и вполне согласно съ внутренними началами мѣстничества дарованіе невмѣстной грамоты на прошлую службу уже умершаго отца. — Точно также находимъ мы въ Китаѣ, что въ награду за услугу сына или внука повышаютъ въ высшій чинъ его давно умершаго отца или дѣда. — Для мѣстничества же, его расчѣтовъ и исковъ, имѣли совершенно одинакое значеніе какъ умершіе, такъ и наличные члены рода. Такъ на пр. на стр. 62 Сб. II» вели намъ судъ дати въ безчестьи дѣда

нашего и въ нашемъ» а 261. «Ив. Шереметева убили, а дядя мой, по прежнему челобитью, списковъ не ималь и по отпуску за *Ив. Шереметевымъ*; ибо на имя Шереметева, хотя и убитаго, еще оставались росписи той службы),»

Законнымъ же доводомъ, по коему «по суду Р. Алферьевъ былъ оправленъ» было слѣд: — «Г. Засѣкинъ былъ съ Воеводою М. Безнинымъ *головствомъ* писменнымъ, а *голова* всякъ повиненъ своему воеводѣ, положеніе которое, по видимому, само по себѣ очевидно, ибо съ головы начиналась обыкновенно военная служба (*), выше же воеводѣ военного мѣста не было. Изъ этого положенія мы уже видимъ, что головы входили въ кругъ мѣстничества и принимались въ его расчеты, (такъ и на стр. 116) билъ челомъ на голову съ Черкасы, Тимофея Грязнова, голова съ Донскими Казаки В. Яновъ), хотя вообще служба головъ и считалась низкою (такъ см. Сб. V. стр. 40. Сб. II. стр. 399. и др.) и мы уже встрѣчали свидѣтельства, какъ на прим. въ Сб. II стр. 174. «что головамъ въ полкѣхъ мѣстъ не бывало» стр. 246. «служба ихъ безъ мѣстъ» или дѣло IX. 239 стр. «головамъ мало и мѣста живутъ» Но такіа сви-

(*) См. Щербат. т. XI. стр. 197. Д. Хворостининъ. 200. О. Хворостининъ. 201. Б. Сабуровъ. 203. О. Троекуровъ. 208. Ив. Годуновъ. 210. Алферьевъ. т. VIII. стр. 145. Куракинъ и пр. Но подъ началомъ службы, въ смыслѣ мѣстничества, надо разумѣть начало *службы въ общихъ росписяхъ ея*, при назначеніи въ лаго похода или годового обереганія той или другой границы и т. д. т. е. такую службу, которая вводила новика въ общій кругъ мѣстническихъ отношеній. — Иначе же; мы находимъ и въ приведенныхъ нами свидѣтельствахъ, такъ стр. 197 и 200 См. также т. XIV. стр. 198 и пр. что отъ *воеводства* переходили къ *головству*; нотакое воеводство въ мѣстныхъ городахъ, какъ Шацкъ, Новосиль и др. было, какъ кажется, однозначительно *городничествомъ* (см. ниже) и, какъ оно, было по *своему указу*; и потому такая служба, какъ вовсе *отдѣльная*, была ни низкою ни высокою, и еще не вводила въ кругъ мѣстничества начинавшаго съ нея.

Но и такіе воеводы, какъ мы видимъ, не позже 2-хъ или 3-хъ лѣтъ встрѣчаются снова въ *головахъ*, и уже въ *общихъ росписяхъ*. — При этомъ не надо смѣшивать, однакожъ, такое *головство* съ *головами* при Государѣ, которые были гораздо почетнѣе, и встрѣчаются послѣ службы гораздо продолжительнѣйшей. — Другіе же знатнѣйшіе, или особенно покровительствуемые Царемъ роды вступали въ службу *рындами*, которые очевидно были почетнѣе головъ, ибо были только при Государѣ, или въ другихъ должностяхъ при особѣ Царской; такъ см. того же Щербат. т. VIII. стр. 350, — стр. 193, Глинскій и на той же стр. В. И. Шуйскаго первая служба была спать у Государя у сторожей. т. XI. стр. 195. Н. Р. Трубецкой; 196. В. Р. Трубецкой; стр. 202 Синкій былъ въ одномъ и томъ же походѣ рындой, и въ *головахъ*. — Мы могли бы привести также свидѣтельства прямо изъ разрядныхъ, сдѣлавъ изъ нихъ сводъ разнымъ службамъ, но Щербатовъ избавилъ насъ отъ такого труда, выбравъ по тѣмъ же разряднымъ службы разныхъ историческихъ лицъ XV и XVI. вѣка.

дѣтельства объясняются тѣмъ, что вообще жили головамъ мѣста или нѣтъ принадлежало къ спорнымъ, нерѣшеннымъ вопросамъ мѣстничества (на что и указываетъ на 239 стр. «мало») и сверхъ того, что головы, если и считались мѣстами, то не должны были однакожъ считаться между собою взаимною честью тѣхъ воеводъ, которому каждый изъ нихъ былъ повиненъ — чему мы дѣйствительно и не находимъ примѣра. Въ указанномъ нами случаѣ, что голова билъ челомъ на голову, мы не видимъ, чтобы эти головы были отъ кого нибудь а потому, если и считались, то не воеводами своими, а въ Сб. II стр. 246 «и вмѣсно ли было больше быти Ѡ. Ускому Г. Заболоцкаго?» Оба были головами въ правой рукѣ, и слѣд. отъ одного воеводы, но вѣроятно сосчитаны были тѣмъ, что одинъ былъ написанъ въ росписи послѣ другаго, «а прежь сево по Цареву уложению, то было безъ мѣстъ» на стр. же 171. Сб. II. Когда В. Измайловъ, голова въ передовомъ, былъ сочтенъ меньше И. Полева, головы въ бол. п., то сынъ Измайлова Артемій отвѣчаетъ положительно, что «отецъ мой меньше Полева не бывалъ, а въ томъ шлюсь на твое Цар. уложение, что головамъ *въ полкахъ* мѣстъ не бывало» т. е. считая по полкамъ, — взаимною честью полковъ и воеводъ между собою.

Впрочемъ большая или меньшая, но вѣроятно неопредѣленная нумерически, честь или безчестье того или другаго головства опредѣлялись *тѣмъ, отъ кого* кто былъ головою. Каждый, записывавшійся на службу новикъ вступалъ въ головы къ тому или другому лицу, или въ тотъ или другой старшій или младшій полкъ, смотря по его напередъ даннымъ, болѣе или менѣе честнымъ родовымъ отношеніямъ. И потому очевидно, что головство принадлежало къ кругу мѣстническихъ отношеній, ибо служило точкой отправленія для каждаго лица въ мѣстническомъ распорядкѣ, хотя и не могло еще, такъ сказать, войти въ строгій порядокъ его отношеній. Самый ходъ мѣстничества и его отношеній уже указываетъ намъ, что не могло быть строгаго нумерическаго соответствія при распределеніи новиковъ за тѣми или другими воеводами, или въ тѣ или другіе полки, и потому понятно, почему обычай мѣстничества не допускалъ *счета между головами*, хотя честь каждаго и отвѣчала болѣе или менѣе чести того, отъ кого онъ былъ головою. Отношенія чести каждаго лица могли получить свою опредѣленность и войти въ строгую нумерическую рамку отношеній не иначе, какъ въ послѣдствіи, послѣ нѣсколько продолжавшейся службы, — чѣмъ и давался нѣкоторый просторъ личности каждаго, въ противо-

дѣйствіе Китайской заключенности всего общественнаго распорядка, къ которой необходимо приводило мѣстничество. Этимъ же объясняется и спорность *зчета* между головами, ибо само *головство*, такъ сказать, принадлежало къ кругу мѣстническихъ отношеній, и вмѣстѣ оставалось внѣ его. Если же, какъ мы видѣли, честь каждаго головы соразмѣрялась съ честью того, *отъ* кого онъ былъ, то очевидно, что не смотря на общія показанія о низости головъ, были также головы честныя и высокіе въ мѣстническомъ распорядкѣ. Такъ на пр. первыя головы въ стану у Государя, честь которыхъ Вяземскій приводилъ, между другими доводами, въ доказательство чести своего рода. Сб. V. стр. 43; или бывшіе отъ Государя головами, см: дѣло Алферьева въ III, портф. Миллера и Арх. р. N. 5 лс. 470;—см. Щербат. т. XIV. стр. 198. Ростовскій былъ большаго полка 1-мъ, а потомъ головой въ походѣ Ц. Θεод. Ив. 1590 г, т. XI стр. 197. Хворостининъ былъ воеводою, а потомъ при Цар. *полчанахъ* головой стр. 208. Татищевъ 1557 г. былъ поддатнемъ у рынды, а чрезъ 22 года головою въ госуд. полку. — Головы отъ царя или въ царскомъ полку составляли, разумѣется, исключенье, но также бывали головы, не меньшіе въ чести *воеводъ въ общихъ росписяхъ*, смотря по чести полка и воеводы, отъ коего они были, и относительной чести воеводы, которому могъ голова придтиса не меньшимъ; такъ см. того же Щербатова т. XI. Сабуровъ былъ правая руки вторымъ, а въ слѣд. году, въ большемъ полку, при Кн. Микулинскомъ, головою.

Эта принадлежность къ мѣстническому счету головъ, хотя *счетъ* такой и былъ иногда оспариваемъ, особенно важна, какъ свидѣтельство, что мѣстничество не ограничивалось, какъ обыкновенно думаютъ, одними высшими слоями службы, или тѣмъ, что составляло, по общепринятому понятію, нашу древнюю *quasi* аристократію, но что оно обнимало въ одно цѣлое весь служебный распорядокъ того времени, начиная отъ низшихъ слоевъ его до высшихъ. Головы же были и по выбору, отъ городовъ, у *козаковъ*, какъ мы видѣли въ приведенномъ нами случаѣ. разр. стр. 116 гдѣ эти головы и мѣстничались, и наконецъ всякій служилый человекъ въ Россіи, или вступавшій на службу, начиная отъ *крестьянина*, могъ быть въ головахъ, равно какъ бывали въ нихъ родичи изъ первыхъ по чести родовъ государства, какъ мы то и видѣли выше на стр. 111. И такъ головы низкіе по роду, или такіе, которые случайно не умѣли попасть въ *честныя* и уравнивать низость самаго мѣста *честью* тѣхъ, отъ кого были въ головахъ, не

только одинаково принадлежали мѣстническому распорядку, но и считались въ мѣстахъ между собою и не могли не считаться, если считались въ мѣстахъ болѣе честные головы; ибо раздѣляющей черты между обоими не было и быть не могло. Но сверхъ того, противныя стороны утягивали другъ друга такими низкими головами, какъ безчестными, если кто изъ родичей былъ въ нихъ, также какъ они утягивали бытіемъ въ *ямскіхъ стройщикахъ* и другихъ низшихъ службахъ. См. дѣло Пожарскаго; — и Сб. V. Вельяминова. — Здѣсь мы находимъ также новое доказательство тому, что мѣстничество, по самому понятію и сущности своей, не исключало изъ себя низкихъ службъ и не оставляло ихъ внѣ своего распорядка; но что низкія службы являлись для него какъ бы минусами (*), которые убавляли единицами чести у того, кто попадалъ на такія службы, также какъ высокія службы прибавляли къ чести cadaго, такими же единицами или только утверждали и переводили на новое лице прежнюю, такъ или иначе установившуюся за тѣмъ или другимъ отношеніемъ родовую или служебную честь. (**). Вообще же слѣдуетъ

(*) Такъ какъ всѣ службы и мѣста въ нихъ составляли численныя лѣтвицы единицъ, то очевидно, что всякое *мѣсто*, какъ бы оно ни было честно, являлось передъ своимъ высшимъ такимъ же минусомъ, и какъ увидимъ ниже, всякая служба или мѣсто низшее передъ тѣмъ, на которомъ тоже лице находилось прежде, или на которое имѣло право по своимъ мѣстническимъ отношеніямъ, являлось для этого лица такимъ же минусомъ и положительной *потеркой*, уменьшавшей честь этого лица на известное число единицъ, во сколько онъ *потерпѣлъ*. Но всякая такая служба являлась минусомъ и потеркой только относительно къ другой службѣ. Службы же самыя низкія какъ на пр. въ *ямскихъ стройщикахъ*, и др. являлись такимъ минусомъ, или потеркой, такъ сказать *абсолютной*, безотносительно къ всякой другой службѣ, ибо всякая другая служба, какъ уже само собой разумѣлось, была честнѣе ея. Службы же не *совсѣмъ* низкія, какъ на пр. въ *головахъ*, являлись *почти*, но еще не *вполнѣ*, такой *абсолютной* потеркой; а потому, хотя мы и встрѣчаемъ, что утягивали бытіемъ въ *головахъ* вообще, но не всегда, ибо общая низость *мѣста* уравнивалась иногда высотой того, отъ кого кто былъ на томъ мѣстѣ и даже иногда, какъ мы видѣли, тяжущіеся доказывали свою честь *головами*. Отсюда уже очевидно, что яи головы, ни даже *ямскіе* стройщики и пр. не являлись низкими службами и *абсолютными* потерками по самому понятію своему, но только потому, что такъ было на фактѣ; ибо если въ *головахъ* рѣдко *приходилось* быть высокому, то въ *ямскихъ* стройщикахъ никогда не могъ быть честной, иначе какъ по своей оплошности, а не потому что ему такъ *приходилось*.

(**) Мы здѣсь коснулись только вопроса объ объемѣ мѣстничества и какъ широко входило оно въ жизнь, ибо такое розысканіе принадлежитъ болѣе къ историческимъ вопросамъ мѣстничества, и слѣд. къ другой части нашего труда.

замѣтить, что служба могла быть высокая или низкая, но службы безчестной, по самому ея понятію, не могло быть вовсе. Большая же или меньшая честность всякой службы опредѣлялась большею или меньшею честностью того, которому она подлежала, *была повинна*; а потому, если и было понятіе, что нѣкоторыя службы безчестны, то это не потому, что это понятіе безчестности лежало въ понятіи самой службы, но потому, что на эту службу честные или высокіе въ распорядкѣ мѣстничества рѣдко или почти никогда не попадали (*). А потому самому и всякая служба самостоятельная, которая никому не была *повинна*, или только высшему (такъ и отдѣльныя воеводства см. сказанное выше), хотя бы она и была низкою, не могла принести собою никакого безчестія, такъ на пр. городничество; въ противоположность головамъ, которыя были всегда повинны воеводамъ, *отъ кого были посылаемы*; было (см. Сб. V. стр. 181) *по своему наказу* а стр. 122: «а въ городничихъ изъ многихъ родовъ бывали, а безчестія имъ не ставятъ, потому что городничіе бываютъ по твоему государеву указу, а вѣдаютъ ихъ большіе воеводы, а товарищемъ до нихъ и дѣла нѣтъ» такъ и Сб. II. стр. 307. Пожарскій говоритъ, что «въ тѣхъ годѣхъ городничество не было безчестно, посы-

(*) Чтобы понять служебныя отношенія того времени, порядокъ и значеніе службы, не роясь даже въ разрядныхъ, достаточно заглянуть въ почтенный трудъ Щербатова см. т. XIV. стр. 199. т. VIII. стр. 139, 145, 347. и др. и особенно т. VIII списки Болгарскихъ службъ 191. стр. до 212. Такъ въ т. VIII. стр. 348. — Воротынский въ 1553 г. былъ первымъ въ большомъ п. черезъ 2 года 2-мъ въ томъ же полку, а еще черезъ 8. лѣтъ 3-мъ. Значило ли это что Воротынский все понижался на своей службѣ? — нисколько; но это объясняется несомненно просто тѣмъ, что въ первый разъ по мѣстническимъ отношеніямъ его къ другимъ воеводамъ, было ему мѣсто быть 1-мъ, во 2-й разъ вторымъ и т. д. — И потому очевидно, что ни 1-й, ни 2-й, ни 3-й воеводы, ни младшіе или старшіе, не были въ строгомъ понятіи слова честіе другъ друга. — Но честность каждаго мѣста измѣнялась съ честію каждаго новаго лица, которому *приходилось* занять его вмѣстѣ съ каждымъ новымъ назначеніемъ на службу, и согласно съ степенью честіи заступившаго въ ней высшее мѣсто. Такъ честь Воротынского оставалась таже, если только не повысилась; но онъ былъ сначала 1-мъ, а потомъ 2-мъ и наконецъ 3-мъ; честь *мѣстъ*, отвѣчала такимъ образомъ честіи лицъ, и родовыя отношенія, конхъ тѣ или другія лица были только случайными представителями; — если не самыя лица, являлись въ этомъ отношеніи болѣе постоянными и опредѣленными единицами мѣстнической честіи, чѣмъ самыя мѣста. Такъ наконецъ, тотъ же Ворот. въ 1570 г. былъ передовымъ первымъ, послѣ передовымъ 2-мъ и еще ниже, а потомъ опять въ большомъ 1-мъ. Такъ и въ т. XI. стр. 207. Шереметевъ въ Казани былъ 1-мъ и былъ сдѣланъ Болгарнымъ и въ Новгородѣ былъ 1-мъ, а потомъ въ томъ же Новгородѣ 4 мѣ.

ланы бывали за осадныхъ мѣсто воеводъ», хотя впрочемъ Лыковъ и говоритъ на 296 стр. «что вездѣ городничіе живутъ меньше всѣхъ меньшихъ воеводъ въ росписи,» что показывать впрочемъ только, что служба ихъ вообще была ниже воеводской. На стр. же 307 Пожарскій говоритъ: «и хотябъ по грѣху нашему, въ тѣхъ годѣхъ, дѣдъ мой или которой мой родитель Пожарскихъ и былъ въ Гос. опалѣ въ городничихъ, и хотя, Гос., и повиненъ, ино большому воеводѣ, а не другому.» на стр. 308 продолжаетъ: «а мои» Гос. родители Пожарскіе *меньши* родителей нашихъ Стародубскихъ князей *нигдѣ ни бывали*, и были Гос. много лѣтъ въ Госуд. опалѣ (въ городничихъ), а Гос. милость до насъ холопей была, что Госуд. съ нашими родителями и съ чужими ни съ кѣмъ не посылавалъ, а въ меньшихъ, съ кѣмъ имъ невмѣстно быти, не бывали, и *потерки* Гос. *нигдѣ не бывало.*»

Здѣсь мы видимъ, что Пожарскій указываетъ прямо, какъ на общезвѣстное и сознаваемое всѣми, что ни городничество, ни Царская опала не могли учинить *потерки* роду, если только никто изъ родичей не былъ ни съ кѣмъ въ меньшихъ, съ кѣмъ ему невмѣстно — на что онъ и упираетъ особенно и указываетъ, какъ на единственное, что могло учинить потерку или утрату чести въ родѣ (см. ниже разборъ стр. 119.). И слѣд. никакая низкая служба, если только не была соединена вмѣстѣ съ *потеркою*, не была, сама по себѣ, *безчестною*, ибо не приносила роду никакой *порухи чести*.

Въ этомъ свидѣтельствѣ изъ дѣла Пожарскаго мы снова встрѣчаемъ указаніе на опалу Царскую, которой примѣръ мы видимъ также и въ разбираемомъ нами спорѣ Алферьева «сверхъ суда обвиненъ по Госуд. опалѣ.» И потому считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на общее отношеніе къ мѣстническому служебному распорядку опалы или милости Царской. Мы уже видѣли, что опала не причиняла никакой потери, утраты чести, или прямого пониженія въ порядкѣ мѣстничества; напротивъ Пожарскій, въ продолженіи всего дѣла, не разъ именно указываетъ на нее, въ оправданіе противъ утягательствъ противника. Когда же разъ эта опала миновала, мы видимъ на той же 309 стр. продолженіе словъ Пожарскаго «а кои, Государь, по грѣху своему въ Государевыхъ опалахъ наша братья всѣхъ родовъ, и какъ Государева милость до нихъ возсіяетъ, и съ кѣмъ имъ случай будетъ въ отечествѣ, и они быють челомъ Государю, и тяжутся по своей мѣствицѣ своими родителями, которые бывали въ розрядехъ, а какъ до насъ милость Царская возсіяла, ино Государь, дѣда моего и

меньшая братья въ Царской милости, въ приближенъ были въ стольникахъ, а я Государь и внукъ, а коли надо мною его Царская милость возсіяла и я, Государь, по его Царской милости, таковъ же Стольникъ, что и Кн. Лыковъ.» Слѣд: когда разъ опала была снята, родъ вступалъ снова въ тѣ самыя отношенія, въ которыхъ находился до этой опалы, и внукъ опальнаго становился Стольникомъ, когда разъ возвращена была милость его роду, потому только, что меньшая братья его дѣда бывала когда то тоже въ Стольникахъ.—

Впрочемъ, когда мы встрѣчаемся въ разрядныхъ или въ дѣлахъ по мѣстничеству съ словомъ *опала* надо замѣтить, что не всегда можно понимать подъ нимъ одно и тоже, и что не всегда оно означало опалу дѣйствительную. Такъ на пр. въ разбираемомъ нами случаѣ Романа Алферьева, подъ опалой нельзя разумѣть ничего другаго, какъ выраженіе неудовольствія Царскаго за несправедливое мѣстничанье, или, какъ нерѣдко можно замѣтить, называли *опалой* всякое несправедливое, или полагемое несправедливымъ обиженной стороною, Царское рѣшеніе мѣстническаго спора, чтобы дать себѣ большій видъ правоты, и приписать невыгодное рѣшеніе суда одной немилости Царской. — Но какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ, на пр. Сб. II на стр. 261. «за опалу Лыкову велѣно быть меньшею Шереметева» мы видимъ, что первое, вѣроятно правильное отношеніе, было почти немедленно возстановляемо; — такъ и челобитье Лыкова на Шереметева было въ тотъ же походъ записано въ разрядъ и обѣщанъ ему судъ. Въ такихъ случаяхъ очевидно, что опалы Царской въ настоящемъ смыслѣ ея не было, на что Царь, по благосклонности къ одному изъ челобитчиковъ, или неудовольствію на другаго, или просто по ошибкѣ и по запутанности счета, давалъ неточное или несправедливое рѣшеніе, которое впрочемъ вскорѣ бывало, какъ мы видѣли, исправляемо и несправедливо униженный возвращался на слѣдовавшее ему мѣсто. Примѣръ же настоящей *опалы*, какъ прямого наказанья или выраженья немилости Царской, за ту или другую вину, и которая вовсе не касалась самихъ мѣстническихъ споровъ, мы находимъ въ приведенномъ нами дѣлѣ Пожарскаго, или въ дѣлѣ Лыкова, на стр. 247. Сб. II. гдѣ Пильемовъ «въ той конешной опалѣ» и былъ казненъ. Въ такихъ же случаяхъ дѣйствительной опалы мы нигдѣ не видимъ, такъ сказать, разжалованья или пониженья въ служебномъ распорядкѣ; — опальный родъ, или опальное лицо рода какъ бы исключались

на время изъ этого служебнаго распорядка, и тѣмъ на время лишались возможности подвигаться въ служебной лѣствицѣ собственною дѣятельностію; но *потери* рода не было и быть не могло. — Какъ скоро же эта опала миновала, снова восстанавлились всѣ предъидущія отношенія — и слѣд: мѣстническій распорядокъ оставался не нарушенъ ею. Опала являлась передъ нимъ только временнымъ изъятіемъ нѣкоторыхъ лицъ изъ дѣйствительнаго служебнаго распорядка, но даже, какъ увидимъ ниже, не исключала эти лица изъ общаго движенія и порядка мѣстническихъ отношеній. Для всякаго же лица, которое опала временно исключала изъ служебнаго распорядка, она являлась тѣмъ же, чѣмъ могла быть для него тяжкая болѣзнь, или семейное несчастье, которое удалило бы его на время изъ Государственной службы, и не позволило подвигаться въ ней собственнымъ въ ней участіемъ. — Но этотъ опальный или болящій оставался также высокъ въ родовомъ распорядкѣ государства высотой своего рода и близкихъ ему членовъ, и могъ даже возвышаться въ разрядной лѣствицѣ, во время этой опалы, однимъ ихъ возвышеніемъ на случай своего вступленія снова въ разряды государевы; такъ на пр. на стр. 247. «И тому, Государь, вмѣстно ли было быти, что больши было быти отца моего Г. Ст. Пильмова (городничаго и наконецъ казненаго въ конешной опалѣ) Бр. П. В. Морозову, не токмо что *Θ. И. Умному*, потому что лѣта 7080 искалъ своево отечества Бр. *Θ. И. Умной* на дядѣ на моемъ, на В. Бор. Сабуровѣ. И *Ц. и В. К. Иванъ Вас. Бояр. Θ. И. Умново* обвинилъ и *выдалъ ево головою* дядѣ моему Бояр. В. Б. Сабурову.» Здѣсь мы видимъ, что современный памятникъ и слѣд: живой отпечатокъ всѣхъ современныхъ отношеній, прямо указываетъ какъ на величайшую несообразность, чтобы могъ отецъ Пильмова, хотя и *городничій*, считаться меньше боярина Умнаго, когда этотъ Бояр. Умной былъ выданъ головою его двоюродному дядѣ, который, какъ оказывается по родословной, былъ двумя мѣстами меньше его отца. И наконецъ въ Сб. II стр. 342-я мы находимъ самое рѣзкое свидѣтельство понятій того времени о ненарушимости родовыхъ отношеній, и не какъ личное частное или случайное показаніе, а какъ общее, высказанное на судѣ, само собой разумѣвшееся положеніе и судебное доказательство: « хотябъ *Ц. и В. К. Ив. Вас.* опалу свою положилъ на Кн. Вас. Кривоборскаго, да на Кн. Ондр. Палецкаго велѣлъ казнити, и онибъ меньши Кн. Мих. Лыкова не пошли, потому что, Государь, Кн. Бори-

совъ дѣдъ Кн. Юр. Лыковъ не бывалъ больши Кн. Вас. Кривоборскова, да Кн. Ондр. Палецкаго, не токмо что отецъ Кн. Борисовъ.»

Мы указали на то обычное понятіе и значеніе, въ которомъ являлась для мѣстничества государева опала. Опала же, какъ бы соображаясь съ этимъ обычнымъ значеніемъ и избѣгая всякое рѣзкое столкновеніе враждебныхъ началъ жизни, ссылала, какъ мы видѣли въ обоихъ приведенныхъ нами случаяхъ на городничество, мѣсто *низкое*, но подвѣдомственное только высшимъ Сб. П стр. 309 «въ той опалѣ ни съ кѣмъ, государь, ни съ нашими, ни съ чужими, не посылавалъ» а стр. 307, и «Государь городничество въ дѣло ставить не велитъ» ибо оно, также какъ и сама опала, были изъяты изъ мѣстническаго распорядка.

Сверхъ того, обратимъ вниманіе въ приведенныхъ нами мѣстахъ на то, что Пожарскій уже считаетъ себя Стольникомъ потому только, что меньшая братья его дѣда была въ стольникахъ; городничій считается выше Боярина потому только, что этотъ бояринъ ниже его двоюроднаго брата. который самъ ниже его въ родѣ, и потому, если бы вмѣсто казни съ него была, напротивъ, снята опала и слѣд. былъ онъ возвращенъ ко всѣмъ своимъ родовымъ и имъ соотвѣтствовавшимъ разряднымъ отношеніямъ, то былъ бы по всѣмъ вѣроятностямъ также бояриномъ; ибо меньшей его братъ былъ Бояриномъ. Также какъ выше, мы видѣли, что Палецкій и Кривоборскій не пошли бы меньше Лыкова, *хотя бы Ц. и В. К. Ив. Вас. опалу свою на нихъ наложилъ и велѣлъ казнити*, потому что и дѣдъ Лыкова не бывалъ больше ихъ.

Совершенно параллельные и соотвѣтствующіе значенію опалы государевой, находимъ мы примѣры государева жалованья и производства по службѣ; такъ на пр. въ Арх. разр. N 5 листъ 377. и Виел. т. XIII стр. 322 подъ 1562 годомъ, «писалъ Замятня Сабуровъ, что присланъ за службу Бояр. К. Д. Хилкову золотой, а ему, да В. Карпову, двумъ, золотой, и ему Кн. Дмитрія меньше быти не вмѣстѣ — и Государь бы пожаловалъ, велѣлъ на К. Дмитрія счетъ дати; а В. Карповъ полузолотова не взялъ, а писалъ къ Государю, чтобъ ево г. пожаловалъ прислалъ ему золотой, и написано напередъ Замятнѣ, а ему въ меньшихъ его быти не мочно» Арх. разр. N. 5-й л, 771 «И. Ц. і В. К. пожаловалъ шубами, далъ на передъ шубу Окол. Никит. Очину, Кн. Мих. Петр. Катыреву, Кн. Вас. Тюменскому, Кн. Ивану Туренину, да Оомъ Бутурлину. И Оома Бутурлинъ билъ челомъ вотчествѣ на Околн. Ник. Очина. И. Ц. і В. К.

казалъ: «сказывалъ я вамъ прежде сего, нынѣ сказываю вамъ, что первое воеводы на сей службѣ были безъ мѣстъ, другое шубами васъ жалую, даю вамъ шубы безъ мѣстъ. После стола жаловалъ государь шубы, после боярь Кравчему Алек. Никит. Раманову да Окол. Сем. Ѳед. Сабурову Сем. билъ челомъ вѣдѣтельствъ о счете на кравчево Ал. Ник. Романова. И Ц. і В. К. после стола говорилъ боярамъ и дворяномъ: испейте, я васъ жалую, а про то не ручинтеся, что вамъ давали шубы не по отечеству, изъ амъ говорю, первое на сей службѣ в полкахъ воеводы были безмѣстъ, другое за столомъ сидѣли Бояре безмѣстъ, третіе шубы давали безъ мѣстъ.» — Такъ и въ Тол. Соб. Зак. т. I. стр. 253. N 61 подъ 1651 годомъ.) наказаніи за непринятіе пожалованнаго чина «пожаловалъ Госуд. изъ дворянъ въ окольничіе П. П. Головина, и П. Головинъ билъ челомъ Гос » что въ окольничихъ въ его пору нѣтъ, а отецъ де его Петровъ при Гос. Ц. Мих. Ѳед. былъ въ Боярѣхъ» и Гос. за то, что билъ челомъ недѣломъ, послалъ его въ тюрьму. На слѣдующій же день онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и быта ему скаска « что де Гос. тебя страдника пожаловалъ, не по твоей страдничей мѣрѣ честию въ окольничіе, и ты де Государя прогнѣвилъ, сказалъ, что де ваши родители въ окольничихъ не бывали » (*) Замѣчательно здѣсь прямое указаніе, что Государя прогнѣвилъ не тѣмъ, что не принялъ пожалованнаго имъ чина и билъ о томъ челомъ, а тѣмъ, что билъ челомъ да не въ свою мѣру; но въ слѣд: году околничество было однакожъ дано ему, но съ выговоромъ за непринятіе его прежде. Такимъ образомъ, не только повышенія по службѣ или полученія извѣстнаго чина или мѣста, (**) но даже мѣра награжденій и

(*) По указанію Котошихина въ это время роды уже раздѣлялись на *Боярскіе*, которые бывали только въ Боярѣхъ (т. е. коихъ родичи послѣ извѣстной службы бывали уже прямо жалуемы боярствомъ), и такіе, которые бывали въ Боярѣхъ и Окольничихъ. — Вѣроятно что Головинъ принадлежалъ къ послѣднимъ, и потому не было нарушеніемъ мѣстническаго соотвѣстія, если онъ былъ сдѣланъ окольничимъ, но онъ имѣлъ также право на то, чтобы пожаловану быть въ Бояре.

(**) Если прослѣдить по разряднымъ соотвѣстствіе служебныхъ чиновъ, какъ на пр. боярства, околничества (которые вообще не подлежали въ той же строгости мѣстничеству, и потому не должны быть смѣшиваемы съ мѣстами, какъ на пр. воеводство и т. д.) съ родовыми взаимными отношеніями этихъ Боярѣ Окольничихъ и т. д. и даже вообще съ ихъ мѣстническими отношеніями, то одинаково окажется общее, болѣе или менѣе правильное соотвѣстствіе чести чиновной съ честью родовой и мѣстнической. — (См Котошихина. стр. 5. «бы-

самыя награжденія Государевы, какъ на пр. шубами, золотымъ (который имѣлъ тоже значеніе, что въ наше время орденъ) являлись какъ извѣстное право, и какъ право, подчиненное тѣмъ же родовымъ отношеніямъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ движенія службы, повышенія по ней или замѣщенія тѣхъ или другихъ мѣстъ тѣми или другими лицами (см. также выше разборъ стр. 94) совершалось по извѣстному внутреннему закону взаимныхъ соотношеній, которому подлежали всѣ, кто только ни былъ призванъ на службу Государеву и въ мѣстническій распорядокъ ея, — строго и метрически *соотносящій* всѣхъ, своихъ какъ наличные (и слѣд. однихъ дѣйствительныхъ такъ и выбывшихъ или только будущихъ (и слѣд. только возможныхъ) членовъ въ одно ничѣмъ не прерываемое и постоянно возобновляющееся и преемственное цѣлое; ибо каждое его новое и дѣйствительное отношеніе было только слѣдствіемъ предъидущихъ, выбывшихъ изъ дѣйствительности отношеній, и уже опредѣляло и предпосылало за собой новое только будущее и возможное. — Служебный же распорядокъ этотъ соотвѣтствовалъ другому родовому распорядку, передающему изъ рода въ родъ всѣ свои отношенія въ еще болѣе постоянной и строгой преемственности и видоизмѣняемому распорядкомъ служебнымъ только, какъ случайностью или производомъ жизни, которая не всегда хотѣла и могла даровать признаніе общества даннымъ до общественнымъ жизни родовой. Законъ этотъ не былъ и не могъ быть отвлеченно формулированъ; или даже опредѣленно выраженъ, ни жизнью, какъ противорѣчіе Государству, ни Государствомъ, какъ уступка, дѣлаемая имъ этой жизни. Онъ не имѣлъ ни какихъ вещественныхъ или даже внѣшнихъ признаковъ, ни времени, какъ на пр. извѣстные сроки службы или извѣстные годы отъ рожденія, или извѣстной общественной заслуги, и даже самое происхожденіе, большая или меньшая честь отца, не давала ника-

ти встѣтъ не по *родомъ*, и не по *чиномъ*, и не по *мѣстомъ*. Котошихинъ вѣсколько разъ и всегда соединяетъ эти три, такъ сказать, рубрики мѣстническихъ единицъ.) такъ что если не было общаго строгаго соотвѣстія между ними, то и прямое противорѣчіе являлось только какъ исключеніе, какъ на пр. если бы меньшій родичъ былъ уже Бояриномъ, когда большій еще Окольниковъ. См. на пр. разр. стр. 109 Бояр. Б. Сабуровъ да окольникій П. Сабуровъ. — и см. род. I. стр. 240. Богданъ былъ четвертый сынъ 1-го брата, а Ив. Ив. второй сынъ пятого и слѣд. Ив. былъ, по крайней мѣрѣ, однимъ или двумя мѣстами ниже Богдана, а потому былъ Окольниковъ, когда тотъ Бояриномъ.

кихъ положительныхъ правъ сыну, но давала ему лишь болѣе или менѣе близкую возможность стать болѣе или менѣе высоко въ общемъ порядкѣ цѣлаго; — но въ соотвѣтствіи со всѣмъ прочимъ движеніемъ этого распорядка и въ подчиненіи ко всѣмъ въ немъ постоянно совершающимся измѣненіямъ. — Законъ этотъ не имѣлъ ни какихъ внѣшнихъ признаковъ, ибо не былъ законъ внѣшній, а внутренняя норма самой жизни, и съ нею нераздѣльная, и которая столько же повелевала этой жизни во всемъ общемъ масштабѣ ея движеній, сколько повиновалась ей и съ нею за одно и непрестанно двигалась и измѣнялась въ своихъ приложеніяхъ. Это законъ однихъ соотношеній, существующій только, какъ алгебраическія пропорціи, въ однихъ отношеніяхъ, не останавливающийся ни на одномъ изъ понятій или явленій подлежащихъ ему, и потому неуловимый ни на одномъ изъ нихъ. Отъ одного высшаго, случайно поставленнаго на извѣстное мѣсто, зависѣла большая или меньшая честь всѣхъ подлежащихъ ему мѣстъ, такъ, что ни одно мѣсто и ни одна служба не имѣла своей опредѣленной, постоянной, ей принадлежащей большей или меньшей чести, а съ каждымъ новымъ назначеніемъ высшаго или главнаго на извѣстную службу измѣнялся и весь соотвѣтствующій рядъ лицъ, которымъ мѣста этой службы были *емпты* (*). Одной случайности жизни, — было ли то случайное назначеніе правительствомъ того или другаго лица на занятіе высшаго мѣста въ извѣстной службѣ, или то или другое случайное движеніе или измѣненіе въ жизни общественной, — отвѣчали въ строгомъ порядкѣ всѣ прочія ей подлежащія явленія, изъ которыхъ каждое, взятое отдѣльно, представлялось прямою ни какимъ внѣшнимъ признакомъ неопредѣленною случайностью. — Но строгое соотношеніе всѣхъ этихъ явленій другъ къ другу дѣлало, то, что общество двигалось, не смотря на всякое отсутствіе внѣшнихъ опредѣляющихъ признаковъ и утвержденій закона для каждаго отдѣльнаго явленія, по законамъ болѣе строгимъ и необходимымъ (и даже часто переходящимъ въ одну грубую формальность), чѣмъ новѣйшія общества, которыя нашли, для всѣхъ своихъ мельчайшихъ явленій, опредѣленные внѣшніе признаки, по которымъ

(*) А потому самому и всѣ назначенія на одну извѣстную службу были всегда *общія*, т. е. по одной общей росписи, *распредѣляющей* сизнова всѣ мѣста, отъ перваго до послѣдняго.

уже напередъ распредѣляютъ каждое явленіе жизни въ извѣстный разрядъ и въ извѣстныхъ строгихъ и опредѣленныхъ границахъ. — Жизнь съ ея прихотями и случайностями часто, и даже можно сказать постоянно, нарушала строгость этихъ соотношеній; но она никогда не переставала двигаться около нормы этихъ отношеній, или центра тяготѣнія, — каковы бы ни были отклоненія разныхъ, часто минующихъ свое средоточіе, но одинаково имъ влекомыхъ и правимыхъ силъ. — Современные памятники иногда цѣликомъ высказываютъ этотъ внутренній законъ, иногда же сохранили на себѣ только болѣе или менѣе глубоко отпечатлѣнные слѣды его. Какъ въ опалѣ, дѣйстви, такъ сказать, отрицательномъ, Государство было невольнo нарушать порядокъ этихъ соотношеній и могло только на время исключать изъ него извѣстные подлежащіе ему члены, такъ и въ дѣйствіяхъ положительныхъ, на пр. въ раздаваемыхъ наградахъ, и пр. награда одного должна была отвѣчать наградѣ другаго. Такъ и въ указѣ 1652 г. мы видимъ, какъ бы указаніе, что всякій по своимъ напередъ даннымъ отношеніямъ имѣлъ право на извѣстный чинъ и извѣстное мѣсто, и на опредѣленное повышеніе изъ одного въ другое, по извѣстнымъ, уже напередъ даннымъ родовымъ и служебнымъ отношеніямъ его къ своему роду, и его рода къ другимъ родамъ.

На стр. 107. «рынды были: другой Кн. И. Гвоздевъ, 3-й К. Пріимковъ, 4-й Г. Вельяминовъ; и Гавр. билъ челомъ Госуд. въ отечествѣ на Кн. Василья Гвоздева, а Кн. Вас. Гвоздевъ (послѣдніе слова пропущены были въ печатной разрядной, но дополнены по подлиннику и Архив. Разр. № 5. лст. 736) билъ челомъ въ отечествѣ на Гаврилова дѣда, на Аѳ. Ан. сына Вельяминова, а билъ челомъ тѣмъ, не отними отъ меня отца и дѣда, вели мнѣ дати съ дѣдомъ сво судъ, только ты мнѣ милость покажешь, дашь свой судъ, а будетъ я холопъ твой не утяжу деда Гаврилова Аѳанасья, и я холопъ твой всему роду Вельяминовымъ безчестья плачу.»

Весь родъ Вельяминовыхъ не могло здѣсь означать цѣлаго рода ихъ, тѣмъ болѣе, что этотъ родъ, какъ мы видимъ изъ дѣла въ Сб. V., былъ очень многочисленъ и развѣтвленъ, но только тѣхъ изъ Вельяминовыхъ, которымъ въ общемъ роду ихъ не доставало, или только что доставало до дѣда Аѳон. Андр. т. е. такихъ, которые были меньше его, или равны ему, и потому были обезчещены *вмѣстѣ съ безчестьемъ* Аѳон. Андр. Вѣроятно, что Гвоздевъ ударилъ челомъ на слишкомъ для него высокаго, котораго сомнѣ-

вался, что утянуть, и потому думалъ разжалобить Царя, указывая на необходимость платить безчестья, если не удастся ему утянуть. — Въ отвѣтъ на челобитіе Гвоздева Вельяминовъ билъ также *въ отечествѣ*, вѣроятно потому, что утягивалъ также высшаго родича въ противной сторонѣ. Обыкновенно же мы находимъ, что обратный искъ былъ почти всегда *въ бесчестьи* (такъ см. разр. стр. 105. «Гвоздевъ искалъ отечества на Бутурлинъ, а Бутурлинъ безчестья на Гвоздева» также на стр. 106 Алферьевъ и Засѣкинъ; стр. 127. Туренинъ и Хворостининъ. Арх. № 5. лс. 771. Очинъ и Сабуровъ и пр.) ибо тотъ, на кого было челобитіе, не признавая справедливость иска противника, тѣмъ самымъ уже признавалъ себя обезчещеннымъ и просилъ о *бесчестьи и оборонѣ*, и тѣмъ начиналъ, въ отвѣтъ иску перваго истца въ отечествѣ, о счетѣ, новый, совершенно различный отъ перваго иска въ безчестьи. Первый искъ въ отечествѣ и счетѣ одинъ только и былъ мѣстническимъ искомъ въ его настоящемъ, строгомъ понятіи и, какъ мы видѣли прежде, такой искъ необходимо совершался въ законѣ мѣстническихъ соотвѣтствій, между тѣми, которымъ доставало, и оставлялъ въ сторонѣ всякое фактическое отношеніе; ибо самый искъ такой никогда не могъ быть искомъ о *фактѣ*, но былъ искомъ о *правѣ*. Дѣло такого суда и иска было всегда о счетѣ и уравниеньи двухъ противорѣчащихъ отеческихъ отношеній, и слѣд. объ опредѣленіи мѣста въ общемъ государственномъ порядкѣ для членовъ каждаго рода, коихъ отношенія могли быть спорными, а слѣд. и о *правѣ* каждаго члена на то или на другое мѣсто, и сопряженные съ этимъ мѣстомъ *права* въ обществѣ. Новый же обратный искъ въ безчестьи былъ всегда искомъ о *фактѣ*, ибо отправлялся всегда отъ факта, что такой-то билъ челомъ, — и какъ отъ напередъ уже даннаго *факта*, что этотъ челобитчикъ безспорно ниже, и незаконно билъ челомъ на своего безспорно высшаго, а тѣмъ и безчестилъ его. За такое же безчестье, какъ за всякій фактъ оскорбленія личности одного другимъ, и требовалось удовлетвореніе, состоявшее или въ наказаніи обидчика, или въ денежномъ вознагражденіи обиженнаго. Искъ въ безчестьи не простирался далѣе, и въ мѣстническомъ судѣ былъ всегда только побочнымъ искомъ; ибо самъ по себѣ не касался вовсе самаго разбора и опредѣленія мѣстническихъ отношеній, а потому и оставался внѣ закона мѣстническихъ соотвѣтствій; — почему мы и находимъ, что также, какъ искъ въ отечествѣ о счетѣ происходилъ всегда между тѣми, коимъ доставало другъ

до друга, такъ, напротивъ, искъ въ безчестьи былъ всегда обращаемъ на прямаго противника, какъ виновнаго въ фактъ челобитья. Такъ мы находимъ даже, что въ искъ на одинъ и тотъ же родъ, одно и то же лице бьетъ челомъ въ *отечествъ* о счетъ на высшихъ, до которыхъ ему доставало, а о *безчестьи* на томъ или другомъ низшемъ, вѣроятно прямою противникъ. Въ Арх. № 5 лс. 728 «своево бесчестья на Кн. Васильѣ Ростовскомъ, а отечества своево искалъ Иванъ на Кн. Дмитрее Александр. Ростовскомъ, да на дѣде Княжъ Васильевъ, а отвѣчалъ за дѣда своего за Кн. Дмитрія Алек. Кн. Вас. Ростовской.»—Здѣсь, также какъ и въ другихъ мѣстахъ, мы находимъ, что вслѣдствіе одного и того же нарушенія отношеній, одно и то же лице бьетъ челомъ на одно лице въ роду, или на одной службѣ съ нимъ, — въ *безчестьи*, а на другое въ *отечествъ*; такъ Арх. раз. № 5 лс. 715. «Сабуровъ подалъ одну челобитную въ безчестьи, а другую въ отечествъ на дѣда Васильева.» и тамъ же, лс. 574. «Бутурлинъ билъ челомъ на Курлятева и Туренина въ отечествъ, а на Тюфякина въ безчестьи и проч. Но, на оборотъ, вслѣдствіе самой сущности и внутренняго различія каждаго иска, никогда не могло быть, чтобы одно и то же лице, и вслѣдствіе одного и того же отношенія, било челомъ на другое въ *отечествъ* и въ *безчестьи* вмѣстѣ, чему, мы дѣйствительно и не находимъ ни одного примѣра.

Также различны были оба иска и въ своихъ юридическихъ послѣдствіяхъ. Искъ въ отечествъ оканчивался однимъ судебнымъ опредѣленіемъ отношеній или мѣстъ одного рода къ другому, и иногда только такое опредѣленіе высоты одного лица предъ другимъ и повинности передъ нимъ другаго выражаемо было въ символическомъ дѣйстви *выдачи головою* «а всякая голова за многія мѣсты.» И потому самому, въ выдачѣ головою хотя и представляется намъ какъ бы родъ наказанія, но то было лишь самымъ крѣпкимъ и потому символическимъ утвержденіемъ меньшинства одного лица предъ другимъ. Искъ же въ безчестьи имѣлъ всегда своимъ послѣдствіемъ, если только справедливость его признавалась, прямое наказанье какъ на прим. битье батоги, тюрьму и т. д. и потому же самому, никогда не могло быть выдачи головою въ слѣдствіе иска въ безчестьи; такъ Арх. раз. № 5. лс. 558 «Ц. и В. К. Романа Бутурлина пожаловалъ, велѣлъ В. Кузмина бити батоги за Романова *безчестья* в Болхове передъ розрядною избою. А за *отечество* велѣлъ ево выдати головою Роману Бутурлину.» Наказанія же по мѣстничеству, кромѣ немногихъ случаевъ прямаго и упорнаго неповиновенія

Царской волѣ, были всегда чинимы въ оборонѣ за безчестіе; такъ въ Пол. Собр. Зак. т. I стр. 163. № 28» за безчестіе битъ батоги.—№ 38. стр. 225 и № 42. стр. 242 посажены въ тюрьму.—№ 74 и 75 и батоги и тюрьма вмѣстѣ, тоже стр. 287 № 95-й и сверхъ того здѣсь, такъ какъ били челомъ Воейковы съ братьею и тѣмъ безчестили Волконскихъ, то Госуд. указалъ всему роду Волконскимъ на нихъ Воейковыхъ доправить бесчестіе, т. е. прочая братья Воейковыхъ должна была заплатить извѣстную денежную пеню, тогда какъ самъ челобитчикъ, представлявшій здѣсь свой родъ или свою братью, былъ посаженъ въ тюрьму. Подъ № 61. мы находимъ также, что доправлено было денежное безчестіе 350 рублей. Арх. Розр. № 5. лс. 608. «велено доправити безчестія, противъ жалованья 150 руб.» Впрочемъ такая доправка денежнаго безчестія встрѣчается довольно рѣдко, и Царь самъ указывалъ, какую дать оборону въ безчестіи. Сб. II. стр. 62 «а въ бесчестіи дѣду нашему и нашему, что ты Государь укажешь.»

На стр. 119. Были воеводы Кн. М. Кашинъ да Григ. Ивановичъ Мещениновъ Морозовъ, да Богданъ, да Ѳед. Колычовы. И по тому разряду Богданъ да Ѳедоръ Колычовы менши Григорья Мещенинова Морозова, а Богд. да Ѳед. Колычевы Ивану Крюку дядя, а отцу Иванову Ѳедору братья, а вротстве велики, а у Кн. Александра Жирова Засѣкина грамота невмѣстная на Ивана Мещенинова на Григорьева отца.»

Чтобы объяснить частное значеніе этихъ словъ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, ибо намъ не извѣстны ни родовыя, ни разрядныя отношенія упоминаемыхъ здѣсь лицъ, но смыслъ ихъ ясенъ и не можетъ имѣть другаго значенія, какъ то, что Колычовы были однородцы съ Морозовыми, и выше ихъ по лѣствицѣ; но въ этомъ разрядѣ были ихъ ниже. А такъ какъ они не били челомъ т. е. не протестовали противъ такого униженія своей чести, то разрядъ и записалъ его какъ фактъ или случай, на который по тому самому, уже не можетъ быть дальнѣйшаго протеста, и потому утверждающій собою новое отношеніе, заслоняющее собою всѣ предъидущія. — Ибо, какъ мы видѣли уже, кто напоследокъ теряетъ, тотъ тѣмъ самымъ уже виноватъ за себя и весь родъ свой, и какъ бы уничтожаетъ юридически всѣ предшествующіе случаи, которые ставили его выше, противъ того случая, по которому онъ напоследокъ потерялъ. Въ родословной мы не находимъ прямого указанія, чтобы Колычовы были однородцы съ Морозовыми, но находимъ однакожъ, что тѣ и другіе выѣхали изъ Пруссіи, и слѣд. родословная если не

подтверждаетъ прямо нашего предположенія, то и не противорѣчитъ ему, что вполне достаточно, если вспомнимъ неполноту и неточность ея родословій. Сверхъ того Иванъ Мещениновъ, Григорьевъ отецъ, по всѣмъ вѣроятностямъ одно и тоже лицо что Ів. Крюкъ; мы же не рѣдко встречаемъ, что одно и тоже лицо является то подъ его родовымъ именемъ, или его отца и ближайшихъ родичей, то подъ его новымъ, пока еще однимъ личнымъ его прозвищемъ.

Значеніе же этого мѣста особенно важно тѣмъ, что оно прямо указываетъ на переходъ чести родовой къ чести разрядной, и что разрядъ какъ бы записалъ въ этомъ случаѣ и указалъ на самую минуту этого перехода и тѣмъ выразилъ общественное сознаніе новаго отношенія, не дожидаясь, чтобы это сознаніе высказалось ссылкой на этотъ случай въ какомъ нибудь будущемъ спорѣ или искѣ.

Всякій разрядный случай, по его отвлеченному представленію и первоначальному отношенію къ Государству, былъ ни что иное, какъ признанное Государствомъ напередъ данное отношеніе родовое. Государство, во всемъ распредѣленіи и назначеніи вышнихъ органовъ своей дѣятельности, лишь переводило въ свое сознаніе данныя, уже напередъ существующія въ жизни, какъ она развилась подъ исключительнымъ преобладаньемъ семейнаго и родового начала.—Но когда родовой распорядокъ разъ привязалъ себя къ Государству, не могъ онъ оставаться долго не нарушенъ постояннымъ противорѣчіемъ Государственной жизни, ея произвола и случайностей строгимъ требованіямъ отношеній родовыхъ и не могло долѣ продолжаться тоже строгое взаимное соотвѣтствіе всѣхъ родовыхъ отношеній

Такъ и въ каждомъ отдѣльномъ родѣ продолжалось строгое соотвѣтствіе взаимнымъ отношеніямъ родовыхъ съ отношеніями разрядными, и сохранялось общее родовое отношеніе къ другимъ родамъ, пока родъ уберегъ ненарушенными въ разрядахъ Государевыхъ взаимныя родовыя отношенія своихъ членовъ, также какъ и свои предшествующія, такъ или иначе утвердившіяся отношенія къ другимъ родамъ т. е. пока не было потери ни внутри рода однихъ членовъ передъ другими, ни передъ чужимъ родомъ; ибо нарушались родовыя отношенія и ихъ взаимная обычная послѣдовательность, какъ мы уже видѣли, не иначе, какъ черезъ *потерку* т. е. бытіе въ разрядахъ одного изъ родичей въ меньшихъ съ такимъ, съ коимъ быть, ему было *невмѣстно*, или, какъ мы то находимъ въ

древнѣйшихъ разрядахъ не возможно. Естественнo, что пока родовыя отношенія еще сохраняли всю свою строгость, представлялось нравственною невозможностью то, что въ послѣдствіи было только *не вѣроятно*. Потерка же, какъ увидимъ ниже, предполагалась всегда добровольною, а потому и являлась передъ судомъ мѣстническихъ понятій дѣломъ противнымъ родовой чести и поминается не рѣдко въ памятникахъ съ презрѣніемъ, какъ *поступка* или *продажа*. — (см. ниже).

Потерка передъ *чужимъ родомъ* одного изъ родичей, по видимому, еще не нарушала взаимнаго соотвѣтствія родовыхъ отношеній внутри рода; но необходимымъ и непремѣннымъ послѣдствіемъ такой потери являлась *потерка и внутри самаго рода*, — однихъ родичей передъ другими. По своему понятію, всякая потеря одного члена рода передъ чужимъ родомъ должна была, въ соотвѣтствіи, понижать и всѣхъ остальныхъ родичей, но въ дѣйствительности и ея случайностяхъ: милости Царской, личныхъ достоинствъ и пр. или при перевѣсѣ другихъ родовыхъ отношеній, не всегда распространялось и могло распространяться дѣйствіе этой потери на всѣхъ членовъ рода; — и, сверхъ того, самая юридическая сила всякой потери умалялась по мѣрѣ отдаленности (въ родовой степени) каждаго родича, отъ *потеряшаго*. И потому, если съ потерей одного не понижались въ соотвѣтствіи и всѣ прочіе родичи, то тѣмъ самымъ, какъ очевидно, нарушалось и общее взаимное соотвѣтствіе всѣхъ родовыхъ отношеній между собою. Такъ на пр., если потерявшій и его ближайшіе родичи потеряли столькими то мѣстами передъ чужими родами, — а ихъ отдаленнѣйшіе меньшіе остались при прежней чести, то тѣмъ самымъ они могли сравняться съ своими родовыми большими или даже опередить ихъ. Сверхъ того, прочіе родичи могли всегда оградить себя отъ потери одного изъ своей *братии* немедленнымъ челобитьемъ, протестующимъ противъ этой потери; такъ см. въ разр. стр. 137 челобитье Ноготкова, во всѣхъ Оболенскихъ Князей мѣсто, протестующее противъ потери Рѣпнина и рѣшено было «что Рѣпнинъ виноватъ одинъ, а прочему роду поруки чести ни какой нѣтъ.» А потому, только до тѣхъ поръ, пока не было потери, ни внутри рода, ни къ чужему роду и могли сохранять всѣ отношенія свою первоначальную, родовую строгость; почему въ Сб. II. стр. 310, мы и находимъ «и Пожарскіе меньше по случаямъ въ своемъ родствѣ и чужова роду не бывали.... и въ томъ Государева воля, какъ онъ меня холопа своего ни велить учинить, только я въ роду своемъ

таковъ, каковыхъ я своихъ родителей подавалъ въ случаяхъ дѣда моего.... и мы въ своемъ роду и по лѣствицѣ, кого меньше того меньше и кому въ версту, тому въ версту, потому что Пожарскіе, живучи въ опалахъ, меньше своихъ и чужихъ не бывали». — Пожарскій именно указываетъ на всю метрическую строгость своихъ отношеній къ роду, ибо Государева служба еще нигдѣ не нарушала своими разрядами ихъ строгой и стройной опредѣленности; но указывая на эту строгую опредѣленность, онъ два раза повторяетъ: что *меньше своихъ и чужаго рода нигдѣ не бывали*, т. е. не *теряли*; — ибо одно такое отсутствіе всякой потери могло сохранить все строгое соответствіе родовыхъ отношеній между собою

Строгія понятія мѣстничества требовали, чтобы нормальный ходъ его распорядка неизмѣнно передавалъ, отъ одного поколѣнія другому, всѣ разъ установившіяся отношенія, въ одномъ порядкѣ и законѣ мѣстническихъ соответствій, одинаково распредѣляющемъ всѣ отношенія, — какія бы ни были частныя измѣненія въ числѣ и порядкѣ дѣйствительныхъ членовъ мѣстническаго круга, при постоянномъ круговращеніи и смѣнѣ поколѣній однихъ другими, и частомъ вступленіи новыхъ родовъ и лицъ въ общій распорядокъ. Но, разумѣется, что такой Китайской заключенности, представляющей всѣ малѣйшія видоизмѣненія жизни, въ одномъ строгомъ законѣ соответствій, жизнь дѣйствительная не могла представить во всей строгости отвлеченнаго понятія. А потому, также какъ мы видѣли, что родъ *терялъ* передъ другими родами; — такъ точно родъ могъ и повышаться передъ другими родами, когда разрядныя отношенія не только накрывали прежнія отношенія родовыя, но и подвигали ихъ нѣсколькими единицами впередъ разрядною высотой одного или нѣсколькихъ родичей, не въ прежнюю мѣру передъ другими родами; т. е. отношеніемъ, которое ставило ихъ, а потому и весь родъ выше того отношенія, въ которомъ состояли къ этимъ другимъ родамъ ихъ предшественныя родичи, передавшіе имъ свои отношенія.

Такое повышение однихъ родовъ передъ другими могло происходить не иначе, какъ на счетъ этихъ *другихъ* родовъ, ибо, при общемъ взаимномъ соответствіи всѣхъ отношеній служебнаго распорядка, не могло произойти ни одного измѣненія, нарушающаго общій нормальный ходъ его, въ одномъ частномъ отношеніи, безъ того, — чтобы это измѣненіе не отозвалось во всѣхъ другихъ соответствующихъ отношеніяхъ лицъ, которымъ *доставало* до отношенія, въ

коемъ произошло это измѣненіе;—и потеря въ одномъ родѣ и слѣд. пониженіе его, не могло произойти безъ того, чтобы тѣмъ самымъ не повышались всѣ достающія отношенія прочихъ родовъ.—Но различіе въ томъ и другомъ случаѣ состояло въ томъ, что всякая потеря одного изъ родичей къ чужему роду нарушала, какъ мы видѣли, внутреннюю послѣдовательность родовыхъ отношеній этого рода и тѣмъ самымъ *повышала* достающія до нея отношенія прочихъ родовъ,—но не *нарушала* взаимной послѣдовательности этихъ достающихъ до нея отношеній въ прочихъ родахъ. (*) На оборотъ же, повышеніе всякаго родича передъ чужимъ родомъ не въ свою мѣру, тѣмъ самымъ заставляло *терять* другія роды; но за то не нарушало взаимной послѣдовательности отношеній внутри самаго рода. Всѣ родичи подвигались въ томъ же порядкѣ нѣсколькими мѣстами выше, но взаимная послѣдовательность мѣстъ оставалась та же, и потому повышеніе нѣкоторыхъ родичей передъ чужимъ родомъ и не могло имѣть своимъ прямымъ послѣдствиемъ *потерку внутри рода*, какъ она была непремѣннымъ слѣдствиемъ всякой потери къ чужому роду. (*).

Въ нормальномъ понятіи мѣстническаго распорядка, не могло, какъ мы уже видѣли, произойти повышеніе одного рода безъ соотвѣтственной потери всѣхъ прочихъ достававшихъ родовъ.—Но, въ дѣйствительности, не могли всѣ единицы мѣстъ строго приходиться другъ къ другу *мѣсто въ мѣсто* и не могло быть того строгаго соотвѣтствія отношеній, какого требовало понятіе,—и чѣмъ шире былъ кругъ мѣстническихъ единицъ, тѣмъ *менѣ* могла существовать

(*) Достававшіе подвигались только на одну или нѣсколько единицъ впередъ, но въ тѣхъ же взаимныхъ отношеніяхъ; для недостававшихъ же, (до которыхъ опускались эти потерявшіе) не измѣнялось даже и числовое отношеніе къ ихъ вышнимъ, ибо съ этою потеркою, мѣнялись только мѣстами одни съ другими, число же мѣстъ оставалось одно и тоже.

(*) Такое повышеніе могло, однакожъ, не рѣдко служить *поводомъ* въ потеркѣ и внутри рода, но она являлась въ такомъ случаѣ, какъ одно отдаленное, чисто фактическое послѣдствіе его. Ко всякому *повышенію*, также примѣняется, хотя и въ меньшей степени, сказанное нами выше о потеркѣ, что она не всегда могла распространяться на прочихъ родичей. Такъ одинаково и съ *повышеніемъ* одного или нѣсколькихъ членовъ рода не всегда могли воспользоваться имъ прочіе родичи, но въ послѣднемъ случаѣ, собственная выгода каждаго вызывала его на то, чтобы воспользоваться тѣмъ измѣненіемъ, которое произошло въ родовыхъ отношеніяхъ;—при потеркѣ же, напротивъ.—Члены же одного рода, какъ болѣе сомкнутого и плотнаго цѣлаго, могли скорѣе воспользоваться своими правами, чѣмъ отдаленные члены прочихъ родовъ, которымъ было выгодно распространить потерю и на всѣхъ прочихъ достававшихъ родичей.

такая строгость; — и потому, если внутри рода всякое повышение одного передъ другимъ необходимо заставляло терять другаго, то при болѣе широкомъ кругу, какимъ являлся общій распорядокъ мѣстничества, хотя въ понятіи и слѣдовала также необходимо потеря однихъ съ повышеніемъ другихъ, но жизнь не всегда могла отвѣчать на строгость понятія. И слѣд.: при всякомъ такомъ повышеніи одного рода передъ другими, (*) могло и не быть прямой положительной потери (**) этихъ другихъ родовъ передъ возвысившимся, ихъ опередившимъ или обошедшимъ родомъ, но всякое такое повышение *отодвигало*, отъ высшей разрядной чести, эти обойденные роды, во сколько (сколькими мѣстами) ихъ обошедшій родъ къ ней придвинулся.

Такъ, при образованіи Московскаго распорядка чести, когда въ кругъ Московскаго мѣстничества были *вводимы честные люди* приходившіе служить Московскому Князю, изъ другихъ княженій, изъ Литвы, Польши и Орды; — а потому и записывались въ родословныхъ (см. грамоты Кикина) и разрядахъ какъ Бояре *введенные*; — то вносились въ разряды, какъ память такого то рода, что такой то *завѣхалъ* такихъ то, См. Арх. разр. № 2. 1 лс. «Кн. Юрій Патрикѣвичъ *приѣхалъ* и *завѣхалъ* Бояръ Константина Шею Іоанна Влад. и пр.» *завѣхалъ* такихъ то, здѣсь значитъ, что, ставъ ихъ выше, отодвинулъ ихъ собою, *своимъ мѣстомъ*, отъ выс-

(*) При этомъ, не надо забывать, что когда мы говоримъ о повышеніи одного рода передъ другимъ, то нельзя понимать повышение всѣхъ родичей или всего рода передъ *всѣмъ другимъ родомъ*, ибо такого счета родами, какъ отдѣльными единицами и не могло быть по самой сущности мѣстничества. см. ниже разборъ стр. 137. При повышеніи же одного рода передъ другимъ, понимается, что повысились, въ общемъ служебномъ распорядкѣ, отношенія одного рода передъ всѣми отношеніями въ другихъ родахъ, которыми до этого отношенія доставало и которыя это новое отношеніе обошло.

(**) Такъ, если не было челобитій со стороны отодвинутыхъ или потерявшихъ, какъ на пр. въ разбираемомъ нами случаѣ или когда встрѣчалось нѣсколько перемѣжающихся отношеній, такъ что, если одни обошли другихъ, то и эти обойденныя, въ свою очередь, обошли третьихъ; въ такомъ случаѣ взаимныя отношенія измѣнялись и подвигались, но при сложности и запутанности этихъ отношеній, измѣненіе это не было уловимо ни на какихъ определенныхъ фактахъ потери, однихъ передъ другими. Еслиже, какъ не рѣдко бывало, такое повышение совершалось безъ всякихъ челобитій и протестовъ на него съ противной стороны, (при частой невозможности разобрать такія отношенія, и при отстраненіи Царемъ такихъ судовъ и челобитій на возвышающихся его милостію) — то новое отношеніе входило незаметно въ жизнь и утверждалось давностію. — См. ниже о степеняхъ потери.

шей единицы въ лѣствицѣ чести, т. е. Князя;—ставъ между ними и этимъ Княземъ. — Потерка была таже въ понятіи, хотя могла и не высказаться опредѣленно въ томъ или другомъ фактѣ, и въ такомъ случаѣ, обойденные какъ бы *загудали*, если и не потеряли передъ захватившимъ или обошедшимъ ихъ. (См. ниже объ различіи захудѣнья и потери.)

Изъ всего сказаннаго нами, очевидно, что повышеніе каждаго рода, или отдѣльнаго родича не въ мѣру (предыдущимъ отношеніямъ) передъ чужимъ родомъ, было такимъ же нарушеніемъ правильности отношеній и ихъ нормальнаго хода и слѣд. должно было являться передъ общимъ судомъ мѣстническихъ понятій, также незаконнымъ, какъ и всякая потеря, — ибо повышение однихъ было потерей для другихъ и на оборотъ. Но, при этомъ, не должно забывать, что когда мы говоримъ о положеніяхъ мѣстничества и родовыхъ понятіяхъ, какъ намъ представляютъ ихъ современныя памятники, мы можемъ отправляться только отъ частныхъ родовыхъ понятій каждаго отдѣльнаго рода, какъ особаго эгоистическаго цѣлаго; ибо эти родовыя понятія и положенія мѣстничества высказываются намъ не иначе, какъ отъ лица того или другаго рода. — Своего же живаго и общаго органа, (*) сознающаго родовыя отношенія во всей ихъ общей и цѣльной совокупности, мѣстничество не имѣло и не могло имѣть въ области государства. — Государство, по своему началу и исходному понятію, какъ прямо противорѣчившее родовому разпорядку, являлось въ отношеніи къ мѣстничеству, какъ одна полицейская власть, сводящая отдѣльные факты его и отношенія; но не могло представлять въ себѣ

(*) Мы не разъ встрѣчали указанія на родовые суды, но какъ домашнія семейныя разбирательства родителями споровъ между родственниками или однородцами, а потому и такіе обычные суды были представителями понятій мѣстничества, только въ тѣсномъ кругу отдѣльныхъ родовъ. Слѣдовъ же такого судебного разбирательства, внѣ сферы правительственной власти, между чужеродцами, мы не находимъ ни одного. Можно только, съ большею или меньшею вѣроятностію, предполагать существованіе мѣстническихъ обычныхъ судовъ, состоявшихъ изъ выборныхъ представителей родовъ въ удѣльныхъ княженіяхъ (существованіе того же мѣстничества въ нихъ безпорно см. Сб. V. дѣло 1 и пр. и пр.) и Москвѣ, пока еще не былъ учрежденъ Московскій разрядный приказъ и судъ, какъ особое правительственное мѣсто. Такіе суды, если только они когда либо были, могли быть живымъ и самостоятельнымъ органомъ мѣстничества, а потому и истиннымъ выраженіемъ его общихъ понятій, но нельзя ожидать, чтобы когда нибудь отыскалось отъ этихъ судовъ что либо, кромѣ однихъ свидѣтельствъ объ ихъ действительномъ существованіи.

общаго живаго сознанія этихъ отношеній и фактовъ. — И потому, передъ такимъ судомъ отдѣльныхъ родовыхъ понятій и въ понятіяхъ мѣстничества, какъ они намъ открываются изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, всякій родъ могъ или имѣлъ право случайностями службы и милости Царской возвышаться передъ другими родами, не въ прежнюю мѣру себѣ и потому съ униженіе другимъ родамъ. — Но такъ или иначе, новое, сперва спорное отношеніе, входило незамѣтно въ жизнь и потомъ утверждалось давностью. Съ другой стороны, правительственная власть не могла также не допускать законности такихъ повышеній, ибо только, такимъ образомъ, могла и Царская милость подвигать покровительствуемыхъ ею.

Рѣзкій примѣръ такого повышенія одного рода на счетъ другаго и самаго хода и способа такихъ повышеній, всегда неправильныхъ и нарушающихъ законный порядокъ мѣстничества, находимъ мы въ спорахъ Пушкиныхъ съ Пожарскими; См. Дворц. Зап. ч. 1. отъ стр. 76 до 79 и 114. При Васильѣ Ив. Шуйскомъ Иванъ Пушкинъ, меньшой въ родѣ билъ челомъ на Д. М. Пожарскаго, но судъ не былъ вершенъ. — Ц. Мих. Феод. велѣлъ, при своемъ вѣнцѣ, Гаврилъ Пушкину, высшему родичу сказать боярство Д. М. Пожарскому, но Гаврила отвѣчалъ «что ему невмѣстно, что ихъ родители меньши Пожарскихъ не бывали и что доселѣ еще судъ невѣршонъ съ меньшимъ его родичемъ «но Государь указалъ для своего Царскаго вѣнца во всякихъ чинехъ быть безъ мѣстъ, и тогда Гаврило Боярство сказывалъ» 15 лѣтъ спустя, Борисъ Пушкинъ, племянникъ Гаврилы билъ снова челомъ на Д. М. Пожарскаго, но былъ за безчестье посланъ въ тюрьму «потому, что при Царѣ Вас. Ив. Пушкинъ былъ меньше Д. Пожарскаго, да и дядя твой сказывалъ Боярство Пожарскому, а были безъ мѣстъ для Царскаго вѣнца, а не для его челобитья» Рѣшеніе суда было очевидно противузаконное, ибо приводило въ судебное доказательство службу, противъ которой не только былъ протестъ, но и которая была поводомъ къ невѣршеному суду, а при невѣршеномъ судѣ большее право оставалось, до вершенія суда, за челобитчикомъ. — (см. о мѣстникахъ) Во второмъ же случаѣ, незаконность судебного довода еще очевиднѣе, ибо приводится счетъ въ мѣстахъ службою, которая самимъ же правительствомъ была объявлена безмѣстною. — Разсматривая другія указанія на такіа же повышенія однихъ родовъ предъ другими, мы находимъ, что вообще средствами къ такимъ повышеньямъ и переходамъ въ порядкъ мѣстническихъ отношеній, служило откладыванье суда или

оставленіе суда нерѣшеннымъ, приближающее оба лица къ взаимному равенству; и *безмѣстныя* назначенія на службу, поставлявшія извѣстное лице въ высшее, противъ законнаго, отношеніе, которое, въ послѣдствіи, не смотря на видимое огражденіе чести противной стороны постановленіемъ о безмѣстности, было принимаемо въ юридическое доказательство ея потери (*) Такъ мы видимъ, что всякое движеніе, отступающее отъ нормальнаго хода мѣстничества, какъ незаконное передъ нормою его понятій, совершалось посредствомъ двухъ, также незаконныхъ понятій и фактовъ, внесенныхъ въ его область воздѣйствіемъ на него Государственной власти; *равенства и невмѣстности*.

Въ этомъ отсутствіи въ мѣстничествѣ того живаго начала, которое бы выработало въ немъ законныя опредѣленія для необходимыхъ отклоненій жизни, ея случайностей и требованій личности въ обществѣ, — и заключалось то начало внутренняго распадѣнія, которое постоянно носило въ себѣ мѣстничество, и та болѣзненность, которая отразилась на всѣхъ его общественныхъ явленіяхъ. Не смотря на всю строгую послѣдовательность всѣхъ его началъ и выводовъ, нельзя въ тоже время и рядомъ съ нею, не замѣтить постояннаго внутренняго противорѣчія во всѣхъ его приложеніяхъ къ жизни. Въ нормѣ своихъ понятій, оно обрекало общество на Китайскую неподвижность, невозможную въ новыхъ христіанскихъ народахъ, а всякое движеніе въ немъ и проявленіе личности уже являлось, какъ нарушеніе его правильнаго и законнаго порядка. А потому мѣстничество, въ отношеніи къ жизни, осталось навсегда, какъ отвлеченное, неприложимое въ его строгости, понятіе; — нарушенія его обратились, такъ сказать, въ законныя условія его существованія въ обществѣ, — и въ самый кругъ его юридическихъ отношеній, по необходимости, допущены имъ понятія, ему вовсе чуждыя, и отношенія чисто фактическія, разрывающія все логическое спѣленіе и всю внутреннюю связь его круга отношеній. — Такъ мы видимъ на Пожарскомъ, что ни какая заслуга отече-

(*) Самое понятіе безмѣстности являлось незаконнымъ передъ судомъ мѣстничества, а потому мы нерѣдко встрѣчаемъ, что строго охранявшіе свою честь не принимали службы имъ невмѣстной, не смотря ни на какія объявленія о ея безмѣстности. Тѣже, которые разъ подчинились безмѣстности, факту незаконному въ мѣстничествѣ, не могли требовать отъ мѣстничества, чтобы оно охраняло ихъ и отъ дальнѣйшаго произвола противодѣйствующей ему власти, въ какой бы формѣ этотъ произволъ ни являлся.

ству не могла возвысить передъ судомъ мѣстничества, ни чьей личности ни сдѣлать ее правою передъ нимъ, если только она не была права своимъ отечествомъ. Лучшее свидѣтельство тому, непрестанный рядъ челобитій на Пожарскаго, спасителя Россіи, отъ которыхъ (въ большей части случаевъ) могла отстоять его одна неизмѣнная благодарность Михаила Феодоровича, но мы видѣли какими незаконными уловками. (см. сверхъ указаннаго нами, въ Сб. V. дѣло Пожарскаго съ Колтовскимъ, дѣло XI съ Волконскими; въ Опис. Разр. Арх. Дѣло Татищева съ Пожарскимъ и проч.) Но и милость Царская не могла защитить Пожарскаго, возведеннаго ею въ высшую, противъ его отечества, честь, передъ Салтыковымъ, однимъ изъ высшихъ членовъ мѣстнической лѣствицы и должна была уступить требованіямъ мѣстничества въ выдачѣ Пожарскаго головою (*). Правда, что въ понятіяхъ древней Россіи не могло быть ни личности, ни личной заслуги; ибо всякая заслуга являлась только исполненіемъ опредѣленнаго долга, разлагаемаго обществомъ между всѣми его членами, въ мѣру всѣмъ и каждому. Таково было исконное понятіе, правившее всею нашею древнею жизнію, которое дѣлало изъ cadaго лица живой, но страдательной органъ общественной обязанности, распредѣлявшей напередъ его дѣятельность, мѣсто и заслугу въ обществѣ. Въ такомъ обществѣ мѣста для личности не было и быть не могло. — Понятіе такого общества въ мірѣ Христіанскомъ (не допускающемъ болѣе мертвенности обществъ языческихъ, при тѣхъ же началахъ) можетъ быть, носить въ себѣ зародышъ высшаго общественнаго порядка, чѣмъ какой былъ доселѣ доступенъ человѣку. Но Русской жизни досталась въ удѣлъ слишкомъ великая, а, можетъ быть, еще слишкомъ ранняя для человѣчества задача. И потому безсильная осуществить въ стройное и гармоническое цѣлое и оправдать на себѣ начала высшаго порядка, которые лежали въ ней, древняя Россія (*) высказалась міру одними безсвязными опытами внутренней общественной силы, которая начинала отживать и сохнуть, прежде, чѣмъ успѣвала дозрѣть до своихъ живыхъ плодовъ и живыхъ охранъ для будущаго общества. —

(*) См. разборъ и объясненіе этого дѣла въ статьѣ объ Осадѣ Троицк. Лавра, Москвит. 1844 г. Іюль.

(*) Мы разумѣемъ здѣсь Россію въ однихъ явленіяхъ ея общественности.

Остановленная въ своемъ живомъ развитіи Монголою и Литвою, скованная и сдвленная ими прежде, чѣмъ она успѣла выработать въ полнотѣ и опредѣленности хоть одно изъ началъ, въ ней лежавшихъ, связать внутреннюю, живую силою быть, не связанный никакою условностью, — Россія до-Татарская осталась на степени живаго, но незрѣлаго, не успѣвшаго сложить свои мускулы и кости организма, — и должна была, уступая исторической необходимости, допустить въ себя начала личности, условности и обособленія, дотолъ не знакомыя древнему Русскому обществу. Но надо было прежде всего спасти Россію, а потомъ уже думать о внутренней гармоніи или единствѣ ея жизни, а потому и выдвинула Русская жизнь изъ своего общаго единства три новыхъ могучихъ дѣятеля. Личность Князя выдѣлилась изъ общины, условность единодержавія и правительственнаго средоточія замѣнила прежнюю мѣстную жизнь, и военное служилое сословіе выдѣлилось изъ общаго единства народа и заслонило собою народъ отъ исторической дѣятельности. Живая сила внутренняго единства, дотолъ правившая Россіей, безсильная спасти ее, должна была расковать всесильное могущество одностороннихъ стремленій и имъ передать кормило общества, — да облекутъ его въ крѣпкое тѣло, не боящееся болѣе ничьей грозы, ни Татарина, ни Ляха, ни Нѣмца. — И потому древнее Русское общество, не допущенное судьбою или безсильное осуществить въ себѣ начала высшаго порядка, въ немъ лежавшія, ни облечь (*) начало, личности во всемогущество историческаго дѣятеля, какъ то сдѣлалъ Западъ, — осталось на какомъ-то среднемъ пути, устланномъ болѣзненными, незрѣлыми явленіями, — исполненными внутреннихъ противорѣчій и безсвязныхъ стремленій. Но самая болѣзненность и неполнота всѣхъ явленій нашей древней общественности служить намъ лучшимъ ручательствомъ, что въ ней еще была жива и не умирала ея внутренняя, созидаящая сила, и еще есть залогъ для ея будущаго. — Разумѣется, что не можетъ никакое, разъ вышедшее изъ первой непосредственности общество, вполнѣ отрѣшиться отъ условнаго и лична-

(*) Личность уже предполагаетъ условность и пр. какъ слѣдствіе, ибо примненія для личностей, какъ исходнаго вачала, не можетъ быть другаго, какъ въ условности.

го начала; но условность эта должна быть лишь живымъ выраженіемъ внутренней въ немъ присущей силы и оставаться, какъ условное, для одной близорукой науки, понимающей лишь оболочку вещей. Личность должна и законно существовать въ обществѣ, но не какъ отдѣльныя эгоистическія силы, изъ коихъ оно складывается въ общемъ условномъ примиреніи, а законно дѣйствующая въ немъ, живая сила лучшее выраженіе *общаго*, въ которой это общее облекается въ свободную дѣятельность. — Отсюда объясняется и то, почему древняя Россія не имѣла, можетъ быть, ни одного героя въ смыслѣ западномъ, ни одной личности, которую бы увѣнчала память народная и сдѣлала ее святиною, славой и гордостью земли. Для личности не было мѣста въ обществѣ, а потому и не было мѣста для нея и въ памяти народной. И вотъ почему, также мало умѣла мѣстничавшаяся Россія уважать въ Пожарскомъ спасителя отечества, какъ мало умѣла Россія народная сохранить память о немъ. Не прошло нѣсколькихъ десятилѣтій, какъ уже забыто было, гдѣ покойтся прахъ Пожарскаго и Минина, и растеряно все, что въ другихъ земляхъ составляетъ нераздѣльную святину съ памятью каждаго изъ великихъ сподвижниковъ роднаго края. (*) Всякая личность, являвшаяся не какъ законный органъ общаго, была преступленьемъ передъ Русскимъ обществомъ, и обвинителемъ его безсилія, — и потому также легко забылъ Русскій человѣкъ Минина и Пожарскаго, какъ легко заклеимилъ и предалъ проклятію память Годунова. Но нельзя забывать при этомъ, что также какъ древняя Россія умѣла чтить однихъ Святыхъ своихъ мучениковъ, — такъ точно не могла она почитать своимъ уваженіемъ никакую личность, которая позволила опозорить себя, хотя въ одномъ преступленіи. — Для Русскаго народа существовало одно нравственное мѣрило человѣка. А потому память одного преступнаго дѣла (хотя и не доказаннаго, но судебное разбирательство не дѣло народа) и заслонила передъ его неподкупнымъ судомъ всѣ благодѣянія, излитыя на него тою же рукою Годунова, всю силу и величіе души, всѣ подвиги общественнаго разума и воли. Во всю долгую лѣтопись челоуѣчества нельзя не прослѣдить одного мало утѣшительнаго факта: — чѣмъ шире открывался для личности кругъ общественной дѣятельности,

(*) См. статьи Г. Мѣльникова объ Нижнемъ Новгородѣ и Мининѣ въ Отеч. Зап. Петръ В. не могъ даже отыскать мѣста ихъ погребенія.

тѣмъ легче являлось для нея нарушеніе нравственнаго закона; а потому древняя Россія, отправлявшаяся отъ нравственнаго мѣрила жизни, но еще не дозрѣвшая до живыхъ нравственныхъ связей общества, и не могла допустить въ себя историческаго дѣятеля личности. Западъ же, который гордится столькими общественными героями, если бы онъ сознавалъ въ себѣ тоже нравственное мѣрило для человѣка, то многимъ ли изъ нихъ онъ поставилъ памятники? —

Мы видѣли теперь, какимъ образомъ одни роды могли повышаться передъ другими; но когда разъ такое повышение было допущено, и такъ или иначе утвердилось, то — по общепринятымъ, въ современныхъ памятникахъ, понятіямъ родовой чести, — родъ этотъ имѣлъ уже обязанностью своей чести навсегда уберечь за собою эту высоту, и каждый членъ рода, какъ представитель его, имѣлъ прямою обязанностью перенести на себя и оберегать на себѣ и въ свою мѣру новую честь всего рода. Всякая же уступка того, что разъ было уже выиграно родомъ, и бытіе одного изъ родичей не въ новую себѣ мѣру было уже прямымъ нарушеніемъ такой обязанности, *поступкою или продажею* См. Сб. II, стр. 310 «ниivistъ Гвоздевы отечество свое въ вашихъ Государевыхъ разрядахъ Темкинымъ продавали и ниivistъ такъ поступались, бывали меньше тѣхъ, кои съ Темкиными бывали меньше многими мѣсты..... А хотябъ Звенигородскіе и прародителя своего нарядили менши Воротынскихъ.....» И потому, какъ очевидно, для высоты каждаго рода въ его нераздѣльномъ родовомъ цѣломъ не меньшей важности была высота его нѣкоторыхъ членовъ въ разрядѣ, какъ и то, чтобы не было потери со стороны котораго нибудь изъ родичей. Такъ на пр. въ Сб. V. стр. 127. Кокаревъ, говоря о чести своего рода, — именно указываетъ, что «прадѣды отца нашего бывали во многихъ разрядахъ въ честныхъ людехъ и потерки прадѣда нашего и дѣда и отца нашего и нашей холопей твоихъ ни гдѣ не бывало.»

Указавъ на правильный ходъ мѣстническаго распорядка и на отклоненія въ немъ *потери и повышения* родовъ, — разсмотримъ теперь, какимъ образомъ совершалось въ немъ его законное движеніе, переходъ отношеній съ однихъ лицъ на другія, и какія были правила этого перехода и счета однихъ другими, въ тѣхъ и другихъ случаяхъ. — Право общаго перехода отношеній съ однихъ лицъ на другія безспорно и очевидно само собою; и потому здѣсь можетъ

представляться только одинъ общій вопросъ: могли ли переходить отношенія разрядной чести чрезъ нѣсколько среднихъ поколѣній, не бывшихъ въ разрядахъ, и слѣд. могла ли отсутствовавшая въ нихъ вѣтвь рода, снова вступая въ нихъ, перенести на себя старую честь своихъ прародителей — и даже новую честь боковыхъ линій, бывшихъ въ разрядахъ и въ нихъ возвысившихся?

Какъ мы видѣли, *потеря* была единственнымъ фактомъ въ кругу мѣстническихъ отношеній, который могъ понижать честь рода; самая опала Государева была однозначительна временному, насильному исключенію или добровольному отсутствію того или другого лица или рода изъ разрядовъ, но не нарушала родовыхъ отношеній, и не только переносила честь родителей черезъ нѣсколько поколѣній, но и давала даже право считаться новою честью боковыхъ родичей. И потому, заключая отъ одной опалы, можно уже съ достовѣрностью предполагать, что та или другая вѣтвь или поколѣнье рода могли извѣстное время не бывать въ разрядахъ государевыхъ (на пр. за болѣзнію, раннею смертію и пр.) но черезъ то самое, уберегши себя отъ всякой *потери*, невозможной при отсутствіи въ разрядахъ, перенести на правнука высоту и честь его прародителей, на случай, если этотъ правнукъ вступить снова въ разряды. — Но кромѣ того, какъ мы видѣли выше, Сб. V. стр. 138, правнукъ, считаясь мимо отца честью своихъ прародителей, указываетъ именно, что «прадѣды отца нашего бывали во многихъ разрядахъ въ честныхъ людехъ и потери ни прадѣда нашего, ни дѣда, ни отца нашего и нашей нигдѣ не бывало» Если же бы отецъ его и дѣдъ были въ той же чести, во многихъ разрядахъ, то онъ не преминулъ бы указать и на ихъ высоту, какъ на ближайшую, утверждающую и его собственную честь; — но онъ какъ бы съ намѣреніемъ выгораживаетъ своего отца и дѣда, и отдѣляетъ отъ прадѣдовъ, указывая только, что и они также нигдѣ не теряли. — Это свидѣтельство прямо указываетъ, что правнукъ переносилъ на себя честь своего прадѣда, мимо своихъ ближайшихъ *родителей*, которые могли и не бывать въ честныхъ людехъ, только бы не было съ ихъ стороны никакой *потери* (*).

(*) Здѣсь еще нѣтъ положительнаго свидѣтельства, что отецъ и дѣдъ не были въ разрядахъ, хотя и можно видѣть въ этихъ словахъ прямое указаніе на это. — Но мы

Впрочемъ такое отсутствіе въ разрядахъ государевыхъ той или другой вѣтви рода не умаляло чести ея только тогда, когда это отсутствіе продолжалось не долго, одно или два поколѣнія или эта честь ея поддерживалась службою другихъ близкихъ родичей, напоминавшихъ служебному распорядку о высотѣ всего рода и поддерживавшихъ въ общественной жизни наследуемая каждымъ поколѣніемъ и передаваемые изъ рода въ родъ отношенія чести, — иначе остающіяся только возможными и мнимыми, какъ всякое право, не прилагаемое ни къ какому факту. И потому вѣроятно, что въ дѣйствительности, ни одна вѣтвь рода не допускала, чтобы если не тотъ, то другой изъ ея ближайшихъ родичей не былъ въ разрядахъ, тѣмъ болѣе, что потеря могла быть всегда не иначе, какъ добровольная (см. ниже), какъ продажа или поступка своей чести или по невѣдѣнью и неопытности. — Иначе же, если родъ или вѣтвь рода долго не бывали въ разрядахъ Государевыхъ, то этотъ родъ *худѣлъ* или *захудалъ*, если и не *терѣлъ* нигдѣ; такъ на пр. Род. 1 стр. 211 «родъ Князей Конинскихъ и Спажскихъ, старшая вѣтвь многовѣтвистаго и многочисленнаго рода Оболенскихъ, захудѣли и извелись»; — единственное показаніе, которое мы находимъ объ нихъ, вмѣсто ихъ родословной; Сб. II стр. 262. Лыковъ говоритъ, что «Пожарскій не подавалъ въ случаяхъ своихъ ближайшихъ родителей, бывшихъ въ *опалѣ*, за ихъ *худобою*». Повсед. Зап. т. I стр. 229 «Мещерскіе *замолодали* и *захудали*, служатъ по городамъ.» Разница же между такого рода охудѣніемъ и потеркою была та, что родъ удерживая себя въ общемъ служебномъ распорядкѣ, понижался или терѣлъ опредѣленно столькими-то мѣстами; — при продолжительномъ же отсутствіи рода въ государевыхъ разрядахъ, онъ *захудалъ* вообще, ибо всѣ его отношенія какъ бы утрачивались и забывались, ни кѣмъ не представляемые въ дѣйствительности, а старыя отношенія прародителей дѣлались не возстановимы и не распо-

должны при этомъ замѣтить, что временное вступленіе въ разряды или непродолжительное бытіе въ нихъ оставалось иногда, безъ всякаго значенія, въ кругу нѣстиническихъ отношеній, и, въ такомъ случаѣ, вполне однозначною небытію или отсутствіемъ въ нихъ. Такъ на пр., если кто вступалъ на службу въ головн или рынды въ соотвѣтствіе своей родовой чести, но не могъ долѣе продолжать этой службы; въ такомъ случаѣ, онъ не могъ ни потерять отъ чести своего рода, ни повысить ее, ни даже перенести на себя честь своего отца или дѣда; ибо если они были въ Боярахъ, то и онъ долженъ былъ дослужиться также до Боярства, чтобы перенести на себя эту честь.

знаваемы послѣ такого долгаго перерыва, такъ что такой родъ или вѣтвь рода, вступая снова въ разряды государевы, должна была сизнова начинать все построение своей чести.

Въ слѣдствіи тѣхъ же родовыхъ понятій и того же значенія опалы, мы въ правѣ также заключить, что для такихъ, которые сами не служили (*), но которыхъ близкіе родичи были за то въ разрядахъ и выше общихъ прародителей,—не только сохранялась вся честь ихъ прародителя, на случай ихъ вступленія въ службу, но даже та степень *кандидатства*, или право на большія или меньшія претензіи, по службѣ и на болѣе или менѣе скорое исполненіе этихъ претензій (единственное, что доставляло болѣе или менѣе честное происхожденіе при мѣстничествѣ, вмѣсто всякихъ положительныхъ правъ, какъ то бывало во всѣхъ аристократіяхъ) возвышалась нѣсколькими ступенями въ слѣдствіи возвышающей чести этихъ близкихъ, бывшихъ въ разрядахъ, родичей. — Мудрено даже требовать отъ разрядныхъ и вообще памятниковъ мѣстничества свидѣтельствъ о небывшихъ въ разрядахъ;—но мы уже видѣли, что при опалѣ, совершенно однозначительной, по своему понятію небытію въ разрядахъ, честь каждаго опальнаго (или небывшаго) вполне зависѣла отъ чести его другихъ родичей и ею одною опредѣлялась. Сверхъ того Пожарскій Сб. II. стр. 308 говоритъ: «кои сами въ Государевыхъ розрядахъ бывали и тѣ своими родителями тягивались да и правы бывали.» И слѣд. тѣ, которые вовсе не бывали въ разрядахъ Государевыхъ тѣмъ подавнѣе были правы въ своей чести своими родителями.

Прослѣдивъ общій ходъ отношеній родовыхъ и разрядныхъ (см. также выше стр. 114 и слѣд. объ отношеніяхъ разрядамъ однородцевъ и чужеродцевъ), мы должны теперь аналитически разобрать различіе правъ и отношеній въ тѣхъ и другихъ случаяхъ отношенія рода къ разрядамъ, — въ разныхъ случаяхъ бытія или небытія

(*) По дѣламъ ли семейнымъ, по болѣзни, по управленію своими вотчинами, или просто по своей доброй волѣ. Число же такихъ не могло быть незначительно, особливо пока Иванъ Васильевичъ Грозный почти не сравнивалъ вотчинъ съ помѣстьями и не обратилъ, такъ сказать, всю поземельную собственность—къ государственному капиталу, за пользованіе которымъ каждый обязанъ былъ извѣстною службой Государству.

въ разрядахъ, счета меньшихъ большими или большихъ меньшими и т. д.

Въ первомъ случаѣ, счета меньшихъ большими, весь вопросъ разрѣшается просто и безъ дальнѣйшихъ затрудненій. Когда тѣ и другіе были въ разрядахъ, тогда не можетъ быть даже вопроса, считались ли меньшіе своими большими; ибо находимъ ему разрѣшеніе на каждой страницѣ разрядныхъ или дѣлъ по мѣстничеству т. е. считались. — Когда же отсутствовали въ разрядахъ меньшіе, одинъ родичъ или цѣлая вѣтвь рода, а были въ нихъ, въ соразмѣрной имъ чести, большіе, то хотя и нѣтъ нато такого же общаго свидѣтельства памятниковъ, однако нѣтъ ни какого сомнѣнія, что эти меньшіе считались и имѣли право считаться своими большими, на случай своего вступленія въ разряды. — Мы уже указали на это выше, говоря вообще о переходѣ отношеній съ однихъ лицъ на другія; прибавимъ къ сказанному еще слѣд. Честь каждаго вступавшаго новикомъ на службу была уже напередъ опредѣлена честью его родителей; если же на пр. сынъ честнаго отца умиралъ прежде, чѣмъ успѣлъ вступить на службу, но оставлялъ по себѣ малолѣтнаго сына, то очевидно, что этотъ сынъ его, вступая въ службу, былъ одинаково честенъ честью своего дѣда. При строгой преемственности и соответствіи всѣхъ мѣстническихъ отношеній, большій или меньшій срокъ при перенесеніи одного отношенія на другое, (если только онъ не переступалъ за предѣлы извѣстной, опредѣляемой самой жизнью давности, доводившей родъ до охуднѣнія) или представительство родовыхъ отношеній тѣмъ или другимъ родичемъ являлось одною безразличною, прямою случайностью. И потому не бывшая въ разрядахъ, извѣстное время, младшая вѣтвь рода (одно или нѣсколько, поколѣній ея), вступая снова въ разряды, имѣла равное право считаться какъ новою честью всѣхъ своихъ *высшихъ* и *равныхъ* себѣ, бывшихъ въ разрядахъ, такъ и прежнею честью своихъ родителей; — равно какъ всякій, вступавшій въ службу, считался честью своего отца и боковыхъ родичей. — На стр. 308 Сб. II мы видѣли: «кои сами въ Государевыхъ разрядѣхъ бывали, и тѣ своими родителями тягивались, да и правы бывали.» Слѣд. тѣ, которые вовсе небыли въ Гос. разрядахъ, тѣмъ подавнѣе, могли тягаться своими *родители* т. е. всѣми своими *высшими* дядьями, боковыми дѣдами, прадѣдами и т. д., и быть ими правы. Подъ бывшими же въ *разрядѣхъ*, слѣдуетъ здѣсь понимать такихъ, которые были въ разрядахъ, но не перенесли на себя соответствующей ихъ

родовыхъ отношеніямъ чести; ибо иначе Пожарскій не приводилъ бы въ оправданіе себѣ и своимъ родителямъ бывшимъ подъ опалою (однозначительною по его же словамъ съ небытіемъ въ разрядахъ) такое *бытіе* въ нихъ, — какъ умалявшее право и менѣе выгодное, въ понятіи родовыхъ отношеній, чѣмъ самое отсутствіе въ нихъ или опала.

Не такъ легко и непосредственно разрѣшается вопросъ о возможности и правѣ обратнаго счета большими. Прежде всего здѣсь представляются два случая: были ли въ разрядахъ сами большіе, или не были? — Разсмотримъ сперва первый случай; когда были въ разрядахъ и большіе и меньшіе родичи, то имѣли ли право считаться большіе своими меньшими, и когда являлась самая возможность (*) такого счета?

Родъ представляется первоначально, пока еще не нарушена внутренняя послѣдовательность его отношеній, какъ одно самостоятельное цѣлое и живой организмъ, правимый своимъ внутреннимъ уставомъ отношеній, которымъ строго отвѣчаетъ и только рабски повинуется общество, во сколько этотъ родъ участвуетъ въ его дѣятельности. Достаточно было, чтобы были въ разрядахъ хотя нѣкоторые члены извѣстнаго рода, но въ соотвѣтствіи ихъ разрядныхъ отношеній съ отношеніями родовыми, (такъ что первыя были только общественнымъ признаніемъ послѣднихъ) — для того, чтобы тѣмъ самымъ какъ бы давалось такое же признаніе общества и всѣмъ только возможнымъ служебнымъ отношеніямъ небывшихъ въ разрядѣ. — И потому, для всякой вѣтви рода или отдѣльнаго члена, остававшагося извѣстное время внѣ дѣятельности общества, сохранялось однакожъ право на признаніе этимъ обществомъ его самостоятельнаго родоваго отношенія, на случай его вступленія снова въ кругъ этой дѣятельности. Всѣ же повышенія по службѣ, или такъ сказать новыя пріобрѣтенія чести Государевой тѣхъ или другихъ, бывшихъ въ разрядахъ членовъ, являлись новою благопріобрѣтенною собственностью все-

(*) Разбирая эти отношенія, съ ихъ дальнѣйшими приложеніями, мы рассмотримъ въ большей подробности и общій ходъ родовыхъ отношеній и ихъ видоизмѣненія въ разрядахъ, — ибо съ этими вопросами связано болѣе свидѣтельство изъ памятниковъ, и самыя понятія раскрываются въ большей полнотѣ и ясности въ разрѣшеніи задачъ и вопросовъ, представляемыхъ самою жизнію и взятыхъ изъ нея, чѣмъ при отвлеченномъ изложеніи ея общихъ началъ и опредѣленій.

го рода, которому всякій членъ его могъ въ свою мѣру пользоваться на случай своего вступленія въ разряды Государевы, — также какъ общою убылью изъ этого благопріобрѣтеннаго общаго капитала являлась всякая потеря каждаго родича передъ чужимъ родомъ, которая должна была принуждать къ соразмѣрной потерѣ и всѣхъ прочихъ родичей. Всякій же членъ рода, какъ мы видѣли, имѣлъ только право прибавлять къ общему капиталу родовой чести свою новую высшую честь и тѣмъ увеличивать общее достоиніе, но не тратить изъ него, т. е. не терять передъ другими.

Такимъ образомъ, пока родъ успѣлъ уберечь въ разрядахъ Государевыхъ всю строгую послѣдовательность своихъ родовыхъ отношеній, онъ являлся какъ представляемое въ обществѣ самостоятельное цѣлое, которое не принимало закона отъ общества, но переносило въ него свой уставъ и законъ, во сколько участвовало въ его дѣятельности. Такъ и каждый родичъ, какъ живое звѣно родоваго цѣлаго и его общаго организма, являлось въ дѣятельности общества какъ лице самостоятельное, съ положительнымъ правомъ на извѣстное мѣсто въ немъ, и вмѣстѣ обязанностию передъ родомъ не иначе участвовать въ общественной дѣятельности, какъ осуществляя на себѣ то право, которое давало ему его родовое отношеніе. *Право* каждаго было вмѣстѣ его *обязанностию* передъ другими, а потому тѣмъ строже должно было осуществлять въ себѣ такое общество всѣ права и обязанности своихъ членовъ, ибо оно отправлялось отъ ихъ строгаго согласія, а не противорѣчія между собою.

Но пока такимъ являлся родъ и каждый членъ его въ обществѣ, очевидно, что еще не могло быть и рѣчи о счетѣ большихъ меньшими, ибо считаться и утягивать другъ друга можно было только достававшими до себя родовыми, или разрядными, равными или высшими. И потому, возможность такого счета являлась не прежде, какъ когда родовые большіе уже стали въ разрядъ ниже своихъ родовыхъ меньшихъ, а эти меньшіе ихъ разрядными высшими, и слѣд., въ такомъ случаѣ, для этихъ потерявшихъ въ разрядахъ большихъ, становилось возможнымъ очиняться съ другими родами высотой своихъ меньшихъ. — (*)

(*) Положеніе такого предмета какъ истинность, который требуетъ строгой

Но такая высота меньших и низость больших, могла образоваться не иначе, как когда родъ уже раздвоился и произошла внутри его потеря однихъ передъ другими. Съ каждою потерей, во сколько повышалась одна часть бывшего родового цѣлаго (всѣ ближайшіе къ тому, который обошелъ своихъ родовыхъ большихъ: его меньшіе братья, дѣти и племянники; новая мѣра коихъ доставала (*) до старой мѣры ихъ родовыхъ большихъ, и которые, черезъ то самое, становились въ ровень или выше послѣднихъ) столько теряла другая часть рода, (всѣ ближайшіе къ потерявшему, коимъ не доставало до новой мѣры ихъ опередившихъ меньшихъ, и которые тѣмъ самымъ становились ниже ихъ) (**). Каждый изъ нихъ, какъ вооруженный, такъ и потерявшій, вѣстѣ съ своими ближайшими

точности выраженія, во въ которомъ не установлено еще ни одно понятіе и ни одинъ терминъ для строгаго, хотя въ началѣ и условнаго (во всякой наукѣ необходима известная терминологія, но по мѣрѣ того, какъ растетъ и вырабатывается эта наука и терминологія ея теряетъ все болѣе свою условность и возводится до живыхъ представленій и понятій) выраженія тѣхъ и другихъ понятій—особенно затрудняется тѣмъ, что почти неизбѣжно безпрестанными повтореніями или оговорками для точнаго выраженія каждаго новаго понятія, а черезъ это, и самое изложеніе необходимо затрудняется множествомъ вводныхъ предложеній. Всѣ эти затрудненія могли быть болѣею частью избѣгнуты, еслибы въ началѣ нашего труда мы, по возможности, установили извѣстные условные термины для всего круга мѣстныхъ понятій. Но допустить это можно было бы только при другомъ, болѣе систематическомъ изложеніи предмета, и сверхъ того, мы не хотѣли брать на себя должность законодателя, предоставляя ее самой наукѣ и всеустанавливающему времени. Мы рѣшаемся однакожъ, въ избѣжаніе безпрестанныхъ оговорокъ и повтореній, принять за опредѣленные термины, и выраженія отношеній родовыхъ: *великій, малый, меньшій, большій*, и т. д., а для выраженія отношеній разрядныхъ: *высокій, низкій, низшій*, и пр.; мы имѣемъ на то тѣмъ болѣе права, что и въ памятникахъ замѣтно тоже общее, если и не строгое соотвѣтствіе этихъ двухъ выраженій.

(*) За немѣнѣемъ другаго слова мы не рѣдко принуждены были употреблять, также какъ употребляемъ и здѣсь, слово *доставать*, не въ его строгаго смысла, однозначительномъ слову *вмѣстѣ* т. е. понятію о единицѣ мѣста, которая непосредственно дѣлится до другой, но въ его общій значеніи всѣхъ *доставлющихъ* до извѣстнаго мѣста, сама, какъ разнѣ, такъ и цѣлихъ, — единицы.

(**) Но могло случиться и то, что всѣ наличные члены рода выигрывали съ такимъ неправильнымъ вызвышеніемъ одного, хотя двоимъ нарушало ихъ родовыя отношенія (а потому и называлось *поступкомъ*, ибо могло быть добровольной сдѣлкой между обоими); такъ на пр. если низшій членъ рода успѣлъ стать на такую высоту въ разрядной чести, до которой дотолѣ не достигалъ ни одинъ изъ высшихъ. Но если такіе большіе и могли возвыситься своими меньшими, но за то навсегда лишали себя и свое потомство своего родового большинства, и чести передъ этими меньшими. — Мы указываемъ на это, какъ на прямое противорѣчіе

Родичами, могъ начать собою новый родъ, и эти новые Родичи могли во всей строгости переносить въ разрядъ нстъ свои новыя родовыя отношенія, пока не произойдетъ новое нарушение ихъ, и за тѣмъ не отсѣкутся новыя вѣтви; но каждый изъ нихъ и ихъ потомство были уже навсегда оторваны отъ всего предшествовающаго рода, т. е. какъ отъ всѣхъ линій боковыхъ, такъ и отъ самыхъ родителей; ибо первый заслонялъ свою невѣстную высоту отношеніемъ своихъ родителей, а второй потерялъ его. Съ каждой новой потерей родъ снова дробился и распадался на новые болѣе тѣсные, но одинаково самостоятельные родовые круги, уже отправлявшіеся отъ среднихъ служебно-родовыхъ отношеній; ибо если первоначальныя родовыя отношенія между родами и образовались милостію Княжеской службой и т. д., то вмѣстѣ съ тѣмъ безспорно, что первоначальныя родовыя отношенія, внутри самихъ родовъ, которые пошли отъ тѣхъ или другихъ введенныхъ въ мѣстническій распорядокъ, были чисто и безпримѣсно родовые — если и нельзя того же положительно сказать о боковыхъ линіяхъ этихъ введенныхъ, когда были вводимы отдѣльные лица, а не цѣлые роды.

Родъ, переходя такимъ образомъ отъ одного видоизмѣненія своихъ родовыхъ отношеній случайностью разряда къ другому, наконецъ вовсе утрачивалъ всѣ свои первоначальныя отношенія, и не только переставалъ существовать для Государства, какъ самостоятельное нравственное лице, но и внутри себя утрачивалъ наконецъ всѣ общія родовыя данныя, и бывшіе родичи становились уже вполне и безотносительно чужеродцами другъ другу, такъ что понятіе взаимнаго чужеродства вполне утверждалось въ общемъ сознаніи, и не могло быть болѣе даже понятія о большихъ и меньшихъ, не только о правѣ счета и счетѣ однихъ другими.

Но прежде чѣмъ успѣвали вполне утвердиться и окрѣпнуть между бывшими единокордцами новыя разрядныя отношенія, за первымъ разъединеніемъ внутри рода слѣдовало переходное время неустановившихся отношеній,

закону отношеній, который сами раскрываемъ теперь; но въ жизни не могло не быть исключеній. Такъ на пр., если вѣнчающій родъ получать всѣ и значеніе нтъ службъ однимъ изъ своихъ меншихъ, то тѣмъ самымъ не могли иногда не возмущаться и его большіе родичи, особливо же ближайшіе родственники; ибо въ такомъ случаѣ выгода по отношенію къ чести служебной, превращалась значеніе родовое, и вполне заслоняла его.

когда въ строгомъ понятіи бывшіе единородцы уже были другъ другу чужеродцами, но еще слишкомъ близка была память однородства, еще живы общественныя привычки и общее сознаніе прежняго родоваго единства, чтобы возможно было полное отреченіе отъ *однородства* и признаніе своего полнаго общественнаго и юридическаго *чужеродства* (*). Въ это время перехода отъ одного круга общественныхъ условій къ другому, когда оба круга отношеній еще не получили строгаго разграниченія и понятна возможность такого счета большихъ меньшими. — Дѣйствительно, мы находимъ такіе счеты въ памятникахъ; — такъ на пр. Пожарскій указываетъ на такой счетъ Курлятева. «Утягивалъ Курлятевъ Серебряными и др., въ лѣствицѣ у себя малыми, и коихъ сами Курлятевы меньше бывали, а Курлятевы всѣ въкъ свой въ Государевѣ милости скончались, и въ опалахъ не бывали, и въ Госуд. разрядахъ всѣ бывали.»

Но возможность такихъ счетовъ и самыя указанія на нихъ памятниковъ еще ничего не доказываютъ въ пользу ихъ

(**) См. выше стр. 114 и 115; но здѣсь мы должны прибавить къ сказанному нами о значеніи счета къ *чужему роду*, какъ среднѣе звѣно, слѣд. между счетомъ своимъ родовымъ отношеніемъ съ другимъ однородцами и счетомъ къ *чужому роду* могло быть различіе въ самомъ числѣ мѣстъ, а потому и въ высотѣ тяжёнаго, въ томъ и другомъ случаѣ. И слѣд. тѣмъ большую важность получаетъ къ истиническимъ счетамъ выраженіе: къ *чужому роду*. Когда известное лицо считалось съ *чужимъ родомъ* своимъ родовымъ отношеніемъ, или вообще родовое отношеніе было приводимо какъ среднее звѣно къ *чужему роду*, то это отношеніе его являлось синтезомъ изъ отношеній его ко всѣмъ прочимъ родичамъ и общему родовому цѣлому, и онъ былъ высотой высоты каждаго, даже отдаленнѣйшаго родича. Когда же споръ происходилъ между однородцами и своимъ родовымъ отношеніемъ, то родовое отношеніе каждаго изъ спорившихъ являлось выводомъ изъ новаго, болѣе тѣснаго родоваго круга однихъ ближайшихъ къ нему, и до него достававшихъ, — ибо родъ уже распадался на два противоположныя цѣлыя.

Сверхъ того прибавимъ здѣсь къ сказанному нами на стр. 114, что мы опустили изъ виду, говоря о томъ, какъ далеко могли считаться родичи *однимъ родомъ*, — что по своему юридическому понятію родъ, какъ бы онъ ни былъ развѣтвленъ, и на сколько бы звѣновъ не отошелъ отъ своего общаго прародителя, являлся тѣмъ же родовымъ цѣлымъ, если только, во всю долгую сѣмю поколѣній, не произошло ни разу потери однихъ передъ другими; таковы были Вяземскіе, считавшіеся съ Жижемскими, послѣ того, какъ уже разошлись съ ними за IV вѣкъ передъ тѣмъ. — Хотя въ такое продолжительное время, и вѣдѣвъ съ развѣтвленіемъ рода, могъ затеряться нумерически опредѣленный счетъ между родичами, но все было ничего мудренаго, если онъ сохранялся во всей строгости, потому что какъ мы указали на стр. 114, чтобы узнать численныя отношенія всѣхъ наличныхъ родичей известнаго поколѣнія, вовсе не надо было восходить до общаго родоначальника, во всѣ отношенія были въ неизмѣнной преемственности передаваемы отъ одного поколѣнія другому.

законности. — Такъ даже и здѣсь: Пожарскій, приводя такой счетъ, прямо указываетъ на его незаконность, а слѣд. и невозможность въ юридическомъ смыслѣ. — Но незаконность такихъ счетовъ всего очевиднѣе изъ логической самопо- слѣдовательности самихъ мѣстныхъ началъ. —

Всякій родичъ пользовался своими родовыми правами и че- стью другихъ родичей, во сколько онъ принадлежалъ къ роду, и былъ его представителемъ, и слѣд. пока не было поте- ри его передъ другими родичами, которая, какъ мы видѣли, дѣлала ихъ чужеродцами другъ другу и тѣмъ самымъ лишала его прежнихъ родовыхъ правъ. Возможность же самаго счета большихъ меньшими являлась не прежде, какъ съ потерей однихъ родичей передъ другими, и не иначе, какъ между потерявшими и ихъ обошедшими родичами. Слѣд. считаться меньшими значило пользоваться родовы- ми правами, которыя были уже потеряны. — Впрочемъ могла являться возможность такого счета, когда еще и не было прямой потери; такъ на пр. для всякаго родича, разъ вступившаго въ разряды, — но если онъ не удержался въ нихъ въ томъ отношеніи, на которое ему давало право его отношеніе родовое, и поставляла его обязанность передъ другими родичами, или самъ остался ниже въ разрядѣ, когда его низшіе родичи стали въ немъ выше и слѣд. (*) об- ошли его. — Въ томъ и другомъ случаѣ, онъ одинаково уже допустилъ нарушеніе своего родового права, и слѣд. если и не былъ непосредственно въ меньшихъ и не потерялъ еще въ строгомъ смыслѣ этого слова, то одинаково утра- тилъ свое родовое отношеніе и право повелѣвать отноше- ніямъ своимъ къ обществу своими отношеніями къ роду; — а потому и въ этомъ случаѣ считаться обойденными своими обошедшими меньшими значило пользоваться родовымъ пра- вомъ, которое было уже утрачено, — и слѣд. когда ни являлась возможность такого счета, онъ всегда былъ незаконенъ.

Объ обойденныхъ же, также, какъ и потерявшихъ, прибавимъ здѣсь вообще слѣд.: когда большіе родичи известнаго рода не были сами въ разрядахъ, а были въ нихъ ихъ меньшіе, то эти меньшіе, если даже они и опере- дили родовую честь своихъ большихъ, являлись въ об- ществѣ только представителями общихъ родовыхъ отно- шеній, и исполнителями общихъ обязанностей рода пе- редъ обществомъ. Поднявшись въ разрядахъ не въ преж-

(*) См. выше: объ обойденныхъ и ниже о сдѣланныхъ потери.

ему первоначальному смыслу. — И потому, заключая от первобытных родовых отношений, низшій, ставшій высоко въ разрядъ, не въ мѣру своему высшему, но не бывшему въ разрядъ, являлся только представителемъ его родовыхъ отношений въ обществѣ, также какъ въ первоначальной родовой жизни, онъ былъ только исполнителемъ общихъ, лежавшихъ на родъ общественныхъ обязанностей; и тотъ же низшій, отавшій высоко въ разрядъ передъ высшимъ, который былъ также въ немъ, но ниже его, являлся нарушителемъ его правъ. — Такъ и въ первоначальной родовой жизни, старшій родичъ могъ все не участвовать въ походѣ, или общемъ совѣщаніи; но если онъ разъ участвовалъ въ немъ, то необходимо долженъ былъ находиться въ соответствующей его старшинству чести и на соответствующемъ ей мѣстѣ, напр. въ первыхъ рядахъ, и т. п. Въ противномъ случаѣ прочіе родичи являлись невольными нарушителями его правъ и чести.

Таковъ выводъ, который намъ представляютъ общія начала жизни родовой. Прямыхъ свидѣтельствъ о приложеніи тѣхъ же началъ къ мѣстничеству, относительно къ вопросамъ нашего изслѣдованія, мы не находимъ. Впрочемъ нельзя и искать въ *разрядныхъ* свидѣтельствъ о небывшихъ въ *разрядъ*. Изъ дѣлъ же по мѣстничеству, или отрывковъ изъ нихъ, каковы нѣкоторыя грамоты въ *разрядныхъ*, и проч. и въ которыхъ случайно могли бы встрѣтиться такіа указанія, мы имѣемъ весьма не много такихъ, которыя бы относились ко времени, когда служба государю, а слѣд. и *бытіе въ разрядѣ* еще не было обращено въ положительную обязанность всего служилого сословія. — Но за то мы находимъ въ памятникахъ свидѣтельства о явленіи аналогическомъ — *опалѣ*, которая, какъ мы уже видѣли, по своему понятію, такъ же какъ и въ своихъ приложеніяхъ, была однозначительна временному отсутствію одного, или нѣсколькихъ поколѣній рода изъ общаго *разряднаго* распорядка. Если же разберемъ внимательно значеніе и смыслъ всѣхъ оправданій и доводовъ Пожарскаго въ дѣлѣ его съ Лыковыми, (самомъ важномъ изъ всѣхъ доселѣ напечатанныхъ мѣстническихъ дѣлъ, по множеству разсѣянныхъ въ немъ указаній на юридическія отношенія мѣстничества), то ясно увидимъ, что отбывая себя отъ утѣтательствъ противника своими меньшими, онъ былъ правъ одною опалю своихъ родителей, также какъ онъ былъ бы правъ и въ отсутствіемъ въ *разрядахъ*, и нельзя не видать, что онъ направляется

отъ тѣхъ самыхъ понятій, которыя мы вывели изъ общаго значенія родовой жизни; каждый доводъ его уже предполагаетъ ихъ, какъ напередъ и неоспоримо данное и неизмѣнно лежащее въ самой сущности родовыхъ отношеній и съ ними нераздѣльныхъ. — Опала же, также какъ и отсутствіе въ разрядахъ, въ противность приведенному нами выше счету Курлятева (незаконному, ибо «Курлятевы въ разрядахъ всѣ были, а въ опалѣ не бывали») давала положительное право считаться своими меньшими, которые, продолжая бывать въ разрядахъ и подвигаться въ ихъ распорядкѣ, необходимо опереживали своихъ родовыхъ высшихъ, добровольно или по опалѣ не участвовавшихъ въ немъ. Меньшіе же эти, возвысившись не только до чести, которую передали ихъ родовымъ высшимъ ихъ общіе родители, но и опередивъ ее, дѣлали выгоднымъ для своихъ большихъ, съ ихъ возвращеніемъ въ служебный распорядокъ, не только возстановить свои прежнія, родительскія отношенія, но и подвинуть ихъ возвысившуюся честью своихъ меньшихъ родичей. Такъ и Пожарскій считался своими меньшими. — «Пожарскіе, живучи и въ Государевыхъ опалѣхъ, меньше по случаямъ, въ своемъ родствѣ Стародубскихъ и Ряполовскихъ, ни чужаго роду не бывали, а то Гос. Кн. Б. Лыковъ плутаетъ, что мнѣ указывать не велитъ своими родители тягаться меньшими, кои, Гос. въ роду нашемъ меньши меня, холопа твоего Митьки..... Тогда, Гос. мнѣ Кн. Борисъ указалъ, чтобъ мои родители Пожарскіе меньши своихъ родителей Стародубскихъ Князей бывали, а то мои родители нигдѣ съ наши родители меньши Стародубскихъ не бывали.» И такъ, заключая какъ отъ общихъ родовыхъ понятій, такъ и отъ опалы, которая одна могла передать намъ свидѣтельства о счетѣ большихъ, небывшихъ въ разрядѣ, меньшими, — мы видимъ, что такой счетъ являлся законнымъ и естественно выходящимъ изъ самой сущности родовыхъ понятій.

Въ приведенномъ нами свидѣтельствѣ, мы находимъ однакожъ, что Пожарскій, кромѣ опалы, особенно упираетъ на то, что онъ и его родители меньше ни своихъ (меньшихъ), ни чужаго рода не были. — Но это объясняется тѣмъ, что самая опала потому только соответствовала этимъ отношеніямъ и, такъ сказать, ихъ переводила на себя, что она, согласно съ раскрытымъ нами значеніемъ ея, исключая изъ служебнаго распорядка, дѣлала невозможною всякую потерю или бытіе въ *меньшихъ*. Опала, хотя и принуждала быть въ разрядахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, исклю-

чала изъ разряднаго распорядка и его законнаго движенія, ибо приковывала опальнаго къ тому мѣсту, на которое онъ былъ сосланъ; — и слѣд., хотя онъ принадлежалъ къ разрядамъ, однако оставался внѣ всего счета мѣстничества и его свободнаго движенія, которое одно опредѣляло для каждаго лица его мѣсто и отношеніе въ обществѣ. А потому самому, для такого опальнаго и не могло быть ни какой потери. Со снятіемъ же опалы, онъ не только переносилъ на себя всю честь своихъ родителей, но и пользовался правомъ считаться новою честью своихъ меньшихъ, ибо эти меньшіе остались представителями въ обществѣ всего рода, также какъ и его родовыхъ правъ и отношеній, а не нарушителями ихъ. — Но также какъ родъ могъ *захудать* отъ продолжительнаго отсутствія, такъ точно онъ *захудалъ* и отъ не снятой и продолжающейся опалы. Такъ на пр. вѣтвь рода Вельяминовыхъ, послѣ казни послѣдняго Московскаго тысяческаго Вельяминова (См. Род. Кн. I. стр. 14); — въ чѣмъ одинаково проявляется все внутреннее соотвѣтствіе *опалы* и отсутствія въ разрядахъ.

Прослѣдивъ теперь весь *общій ходъ* родовыхъ отношеній, мы считаемъ не лишнимъ повторить, въ нѣсколькихъ общихъ положеніяхъ, все нами доселѣ сказанное.

1. Мѣстничество, по своему понятію, обрекало общество на Китайскую неподвижность и потому самому дѣлало необходимымъ въ жизни постоянныя отклоненія отъ его нормы.

2. Такими отклоненіями и были: *повышеніе* и *потеря* однихъ родовъ передъ другими, въ понятіи всегда необходимо условленныя другъ другомъ, — и внутри самихъ родовъ *потеря* или *повышеніе* однихъ родичей передъ другими, всегда условленныя другъ другомъ, не только въ понятіи, но и на самомъ фактѣ.

3. Какъ первое, такъ и второе были одинаково незаконны въ понятіи мѣстничества; но всякая потеря являлась сверхъ того, незаконною передъ судомъ частныхъ родовыхъ понятій, тогда какъ всякое повышеніе было право передъ нимъ, и являлось незаконнымъ только въ общемъ отвлеченномъ понятіи мѣстничества.

4. Правильное движеніе мѣстничества являлось въ законномъ переходѣ отношеній съ однихъ лицъ на другія, уравниваемомъ судебными разбирательствами, которыя приводили въ ясность неопредѣленности въ отношеніяхъ, неизбѣжныя даже при правильномъ переходѣ и

разложеніи всѣхъ отношеній, не говоря уже объ уклоненіяхъ отъ ихъ правильнаго хода.

5. При переходѣ этихъ отношеній, ихъ разбирательствѣ и опредѣленіи, необходимо являются вопросы о правѣ счета однихъ лицъ другими, т. е. въ какихъ случаяхъ мѣстныя права могли юридически переходить съ однихъ лицъ на другія?—Опредѣляющимъ это право юридического перехода отношеній являлось бытіе въ разрядахъ тѣхъ, которые считались между собою и тѣхъ, коими считались они.

6. Вопросъ о счетѣ однихъ другими разрѣшается тѣмъ, что когда были въ разрядахъ тѣ, которые вели счетъ и тѣ, которыми они считались, то могли считаться только меньшіе своими большими или равными. — Если же вела счетъ отсутствовавшая въ разрядахъ или опальная вѣтвь рода, то она имѣла право считаться передъ другими родами какъ меньшими такъ и большими родичами, бывшими въ разрядахъ ибо въ такомъ случаѣ какъ тѣ, такъ и другіе являлись лишь представителями ея въ обществѣ.

7. Точкой отправленія для всѣхъ измѣненій въ разрядахъ была потеря однихъ передъ другими; но могла она происходить не иначе, какъ въ кругу самаго служебнаго распорядка — внѣ его, при опалѣ или отсутствіи рода въ разрядахъ, родъ могъ только вообще *захудать*, но не потерять передъ другими опредѣленнымъ числомъ единицъ.

8. Препрады, которыя поставляло мѣстничество для личнаго достоинства и его законныхъ правъ на высшую дѣятельность въ Государствѣ, — и затрудненія, представляемыя имъ для самаго Правительства въ выборѣ слугъ по достоинству, рано заставили Московскихъ Князей и Царей открыть широкій путь въ ряды мѣстничества *введеніемъ* новыхъ, пришлыхъ родовъ. — Мѣстничество послушно раздвигаетъ свои ряды передъ вымышленными или дѣйствительными титулами и честью каждаго пришлаго искателя приключеній, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорно противится всякому возвышенію туземца, въ мѣру его заслугъ и достоинству, если и не въ мѣру его отечеству (*). — Этимъ объясняется и составъ нашего дворянства, какъ мы на него указали выше.

Прослѣдивъ теперь все движеніе родовыхъ и разряд-

(*) Мы видѣли, какими уловками и съ какими усиліями Царь отстаивалъ честь Пожарскаго, а между тѣмъ тотъ же самый Борисъ Мих. Салтыковъ, которому былъ выданъ Пожарскій головою былъ прямо и безъ другихъ доводовъ посаженъ въ тюрьму, когда не захотѣлъ быть съ *Сулешевымъ*, и былъ челомъ, «что овъ иноземецъ и на Москвѣ новый» см. Дворц. Зап. т. I стр. 70.

ныхъ отношеній въ общихъ и опредѣленныхъ чертахъ, и установивъ главныя, раздѣляющія понятія, мы перейдемъ къ раскрытію тѣхъ же понятій въ фактахъ болѣе частныхъ и частныхъ отклоненіяхъ жизни отъ ея общаго хода, и укажемъ на переходы понятій отъ однихъ къ другимъ, въ тѣхъ или другихъ менѣе строгихъ (передъ нормою понятій) фактахъ, дающихъ болѣе или менѣе вѣсь или силу слѣдующимъ изъ нихъ правамъ, обязанностямъ, или только возможностямъ утягивать. —

Заклучая обратно отъ опалы, которая принуждала быть въ разрядахъ, но однакожъ допускала счетъ меньшими, и особливо изъ словъ Пожарскаго, «что не были онъ и его родители въ меньшихъ съ своими меньшими» къ прямымъ родовымъ отношеніямъ, можно вывести (хотя мы уже указали на противное), что и бывшіе въ разрядахъ низко передъ своими родовыми меньшими могли однакожъ быть правы ими, если только сами не были въ разрядахъ меньше своихъ меньшихъ, т. е. не доходили до прямой потери (*).

Но между обоими случаями было то различіе, что опала, оставляя въ разрядахъ, исключала изъ свободнаго движенія мѣстничества и потому дѣлала потерю невозможною, въ самомъ понятіи. При вольномъ же, но не соответствующемъ своей чести бытіи въ разрядахъ, потеря, какъ увидимъ ниже, уже подразумевалась сама собою.

Раскрывая общій ходъ родовыхъ отношеній мы уже окончательно разрѣшили этотъ вопросъ; но при этомъ не могли раскрыть его во всей подробности, ни указать на

(*) Въ рассматриваемый нами порядокъ отношеній не могутъ однако входить указаные выше случаи чисто фактическихъ отношеній, когда, также какъ при опалѣ, бытіе въ разрядахъ оставалось какъ фактъ, безъ всякаго значенія юридическаго и его послѣдствій, и потому въ общественномъ смыслѣ равнялось не бытію. Такого указанное нами временное вступленіе высокаго родича въ разряды Государевы и на службу, въ соответствии своимъ родовымъ отношеніямъ, по которой онъ долже продолжать не могъ за равнею смертью, болезнью и т. п. Высота родителей переходила на каждое лице не иначе, какъ послѣ известной службы, — и потому могъ болѣе родичъ, если не продолжалъ ее, остаться по видимому низко въ разрядахъ (на пр. въ *рындахъ* или *головахъ*), передъ своимъ меньшимъ, который возвысился до окольничества, но, живъ съ тѣмъ, не только не измѣнилъ своему родовому отношенію, но даже остался, въ порядкѣ мѣстническихъ соответствій, какъ *рында*, выше своего меньшаго *окольничего*; ибо его головноство могло быть, живъ съ тѣмъ, прямымъ кандидатствомъ на боярство. — Общимъ же мѣриломъ высоты и чести, какъ мы видѣли, было не столько действительное мѣсто cadaго, сколько степень его кандидатства на тѣ или другія мѣста.

связанныя съ нимъ мѣстническія отношенія, и переходы понятій; ибо считали необходимымъ, прежде всего, твердо и опредѣлительно установить нормальныя понятія и общее движеніе мѣстничества, — минуя всѣ частныя отклоненія жизни и переходныя понятія и явленія, существующія, такъ сказать, лишь незаконно, въ промежуткахъ, оставляемыхъ жизнію между ея нормою и ея строгимъ, недопускающимъ болѣе ни какихъ отклоненій, проявленіемъ въ томъ или другомъ фактѣ. — Такимъ же строгимъ фактомъ, приводящимъ къ положительному сознанію всякое отклоненіе отъ нормальнаго хода и движенія въ общемъ организмѣ служебно-родоваго распорядка и было непосредственное бытіе въ меньшихъ съ своимъ бывшимъ прежде меньшимъ, т. е. *потерка*. При такой потерѣ считается долѣе этими меньшими являлось прямымъ противорѣчіемъ всей внутренней самопослѣдовательности жизни и юридическою безсмыслицею. Въ *стычкѣ* разъ нарушенныхъ отношеній, которая и выражалась въ потерѣ, эти отношенія доводились *ad absurdum*, также какъ доводятъ *ad absurdum* математическія доказательства отъ противнаго. Сб. II. на стр. 308. мы находимъ слѣд: слова Пожарскаго: «и утягивалъ К. Иванъ Курлятевъ своими родителями Серебряными да Телепневыми и пр., а не своими Курлятевыми, и ставилъ Государь тѣхъ въ лѣствицѣ у себя малыхъ; а Курлятеты всѣ, вѣкъ свой, въ государевѣ милости скончались, а въ опалахъ не бывали и въ Государевыхъ разрядахъ всѣ бывали и тѣхъ, Государь, своихъ меньши бывали тѣ, коихъ въ случаяхъ подавалъ Кн. Иванъ Курлятевъ, меньши дѣда своего и отца, и онъ Государь и тутъ ими тягался,» Пожарскій, перебирая всѣ факты или признаки, дѣлавшіе незаконнымъ счетъ Курлятева съ своими меньшими, и тѣмъ самымъ указывая на законность своего счета своими меньшими (ибо его счетъ опирался на рядъ фактовъ прямо противоположныхъ) оканчиваетъ послѣднимъ и безотводнымъ свидѣтельствомъ этой незаконности, — указаніемъ на бытіе Курлятева въ меньшихъ съ своими меньшими. Пожарскій однакожъ указываетъ только, что Курлятевъ *и тутъ ими тягался*, но не говоритъ, что онъ *и тутъ былъ ими правъ*, — чего онъ не преминулъ бы сказать въ доказательство всей правоты своего счета меньшими, если бы дѣйствительно и въ такомъ случаѣ бывали правы большіе своими высокими меньшими. Такой счетъ показываетъ только, что когда дѣло доходило разъ до спора и утягательствъ, то спорившіе не опускали никакихъ доводовъ, законныхъ или не

законныхъ, только бы запутать счетъ и примѣшать къ нему наиболѣе лицъ (*).

Впрочемъ, если оставимъ въ сторонѣ послѣдній доводъ Пожарскаго о бытіи Курлятева въ меньшихъ съ меньшими, но если Курлятевы, не бывъ въ опалѣ, а въ *Государевой милости и въ въ разрядахъ* (какъ само собой очевидно низко передъ требованіями своихъ родовыхъ отношеній) могли однакожъ тягаться своими меньшими, хотя и допустили ихъ опередить себя,—то счетъ такого рода былъ прямымъ переходомъ къ счету своими меньшими, когда сами были непосредственно въ меньшихъ съ ними. И слѣд. какъ тотъ и другой счетъ былъ одинаково незаконнымъ юридически;—разница же была чисто фактическая, въ случайномъ выраженіи или невыраженіи нарушеннаго отношенія въ *стычкѣ*, а съ нею и въ *потерьѣ*.

Передъ нормой мѣстничества первое малѣйшее отклоненіе въ свою невыгоду каждого лица, вступившаго въ разряды, отъ той строгой рамки или *линій* повышеній по службѣ, которую напередъ налагало на все его служебное движеніе его *общее* родовое отношеніе (**),—отклоненіе, черезъ которое онъ соотвѣтственно уступалъ шагъ другимъ меньшимъ,—однимъ словомъ, всякое бытіе въ разрядахъ и подвиганье въ нихъ не въ мѣру и не въ строгое соотвѣтствіе своимъ родовымъ отношеніямъ, и понижающее, а не повышающее противъ нихъ, было уже, по его значенію, такою же *потерею* и нарушеніемъ всей послѣдовательности родовыхъ отношеній этого лица, хотя и не проявившимся еще положительно на фактѣ. *Потерка* же

(*) Тѣмъ, разумѣется, труднѣе было для противника распутать всѣ отношенія и доказать свою правоту, и сверхъ того, чѣмъ болѣе было припутано постороннихъ лицъ, тѣмъ скорѣе и часто нехотѣя и не подозревая того, могъ этотъ противникъ задѣть нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ и нажать себя новыхъ противниковъ и утягателей (такъ на пр. Сб. V. Кокаревъ въ дѣлѣ Вельяминова и др.). Притомъ же, считаться кѣмъ бы то ни было высокимъ въ разрядѣ и ближнимъ къ Царю,—если только можно было, такъ или иначе, законно или незаконно, привязать себя къ нему,—уже давало всегда выгоду передъ противникомъ и значило поставить на своей сторонѣ сильнаго человека, или по крайней мѣрѣ нѣя его, что всегда бывало у насъ не совсѣмъ бесполезно.

(**) Мы уже не говоримъ здѣсь о болѣе частныхъ и непосредственныхъ отношеніяхъ; ибо всякое невыгодное отклоненіе передъ такимъ отношеніемъ приводило уже *непосредственно* къ *потерьѣ*. Изъ такихъ же частныхъ и непосредственныхъ отношеній образовывалось отношеніе *общее*, какъ общій синтезисъ и выводъ ко всѣмъ прочимъ звѣньямъ служебнаго распорядка,—синтезисъ, который никогда не проявлялся въ своей полнотѣ и общности, и находилъ только свои частныя проявленія въ *стычкѣ* или соприкосновеніи съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ звѣномъ.

была лишь случайнымъ проявленіемъ и приведеніемъ къ сознанію того же нарушенія, — проявленіемъ, которое могло быть и не быть. При строгой послѣдовательности и взаимномъ соотвѣтствіи всѣхъ звѣньевъ служебно — родового распорядка, каждое отклоненіе того или другаго лица отъ нормы его отношеній (въ его невыгоду) поставляло его меньше своихъ непосредственныхъ меньшихъ, сколько бы ни оставалось между ними среднихъ связующихъ звѣньевъ, передающихъ отношенія его къ его непосредственно меньшимъ. (такъ на пр. Сб. II. стр. 19 «К. Шуйскій бывалъ во многихъ мѣстахъ *пѣхъ* больше, которые бывали больше Щенятевыхъ»). — Всякая же нѣсколько продолжительная служба такого отставшаго въ порядкѣ своихъ родовыхъ отношеній, одними своими случайностями, съ перемѣнами росписей, перемѣщеніями съ одной службы на другую и пр. необходимо *стыкала* его, если не съ его непосредственно меньшими, то съ тѣми, которые бывали ихъ меньше (такъ Сб. II. стр. 310. «Пріимковы Темкинымъ свое отечество продавали и поступались, потому что бывали меньше тѣхъ, кои съ Темкиными бывали меньше многими мѣстами») и чѣмъ меньше оставалось среднихъ звѣньевъ между имъ и его непосредственно меньшимъ, тѣмъ, такъ сказать, осязательнѣе становилось его пониженіе и ближе къ прямой потеркѣ. — Сверхъ того, чѣмъ болѣе такой отставшій повышался въ общемъ распорядкѣ службы и приближался къ высшимъ мѣстамъ, составляющимъ, такъ сказать, узелъ всей Государственной дѣятельности и системы мѣстническихъ отношеній, тѣмъ становился тѣснѣе для него кругъ всего счета, тѣмъ менѣе оставалось посредствующихъ звѣньевъ и такимъ образомъ каждый шагъ его повышенія вмѣстѣ приближалъ его и къ прямой потеркѣ, которая становилась наконецъ неизбѣжной съ продолженіемъ службы на высшихъ мѣстахъ, составляющихъ узелъ всѣхъ мѣстническихъ отношеній. Ибо продолженіе службы, при необходимомъ движеніи ея мѣстническихъ единицъ, въ такомъ тѣсномъ кругу, неизбѣжно приводило отставшаго къ непосредственному отношенію съ его обошедшимъ меньшимъ.

И потому отставшему приходилось или оставить службу, чтобы избѣжать потерки; (*) но не всякій и не всегда

(*) Но и въ такомъ случаѣ потеря уже подразумевалась, ибо онъ былъ на прямомъ пути къ ней. Если же онъ продолжалъ службу, то логическая самопослѣдовательность самой жизни только приводила его къ положительному сознанію на фактъ того, что уже одинаково существовало, но только отрицательно, въ сущности самихъ отношеній.

былъ воленъ оставить разряды даже тогда, когда служба еще продолжала быть вольною, а при Ц. Иванѣ Васильевичѣ, она обращена была въ строгую обязанность всего служиваго сословія; или онъ долженъ былъ рѣшиться на потерю и отказаться отъ своей прежней родовой чести и счета общаго дѣлства.

Впрочемъ, такъ какъ такая потеря была неизбежна и необходима только на высшихъ мѣстахъ службы, въ узлѣ всего мѣстническаго распорядка (но и тутъ могла быть обойдена милостью царской) (*) то, для такого *отставшаго*, но *однакожъ* высокаго въ разрядахъ, самая потеря имѣла болѣе значеніе обиды родовой чести; которая не позволяла, чтобы меньшій сталъ выше своего родоваго большаго, чѣмъ положительнымъ униженіемъ чести; ибо хотя онъ и отсталъ отъ своего меньшаго, но не смотря на то могъ не только перенести на себя, но даже подвинуть честь, переданную ему родителями. Такъ на пр., если меньшій возвысился въ разрядахъ передъ наслѣдованною имъ честью цѣлымъ рядомъ мѣстъ и большимъ числомъ ихъ, чѣмъ сколькимъ отстоялъ отъ своего родоваго большаго;—въ такомъ случаѣ онъ оставалъ между нимъ и собою столько промежуточныхъ мѣстъ, что этотъ отстававшій большій могъ даже возвысить себя передъ честью своихъ родителей, не дошедши до потери передъ меньшимъ. Иногда же могло случиться, что самая потеря передъ его бывшимъ меньшимъ, ставшимъ его высшимъ — т. е. то повышеніе по службѣ, которое поставило его въ непосредственно меньшіе съ его родовымъ меньшимъ, могло быть вмѣстѣ и повышеніемъ его передъ честью его родителей. Въ такомъ случаѣ оба родича, большій и меньшій, ставшіе на оборотъ другъ другу высшимъ и низшимъ, начинали отъ себя два новыхъ отдѣльныхъ рода, изъ которыхъ каждый, не смотря на потерю послѣдняго, былъ честнѣе общаго предидущаго рода. И потому самая потеря, какъ мы уже указали выше, могла не рѣдко бывать выгодною для обѣихъ сторонъ, почему мы и встрѣчаемъ обвиненія, что отечество свое продавали, имъ поступались и пр. См. Сб. II. стр. 310-я. Но какія бъ ни были выгоды такой пос-

(*) *Приборомъ* въ роеписи по службамъ однихъ недостающихъ до него, или назначеніемъ его высшимъ звѣномъ въ ней;—или повелѣніями не *стыкать* его съ такими то, или наконецъ исключеніемъ его или менѣшкихъ, ставшихъ его высшими, изъ однихъ и тѣхъ же службъ, чтобы сдѣлать такую стычку невозможною.

пупки или продажи своего отечества, она не могла не считаться безчестною передъ судомъ родовыхъ понятій; ибо безчестила (особливо, если родовыя отношенія уже утвердились нѣсколькими поколѣніями) и унижала передъ *меньшими* весь рядъ родителей поступившагося своей честью и самаго прародителя, старшаго брата прародителю младшей линіи; (Сб. II. стр. 310-я «хотябъ,—Госуд., Звенигородскіе и прародителя своего нарядили меньши Воротынскихъ и Одоевскихъ?»)—и сверхъ того, поставляла въ меньшіе и безвозвратно унижала и все послѣдующее потомство, старшую линію или старшій родъ, передъ младшей линіею или родомъ; ибо «кто на послѣдъ потерялъ, тотъ навсѣгда передъ тѣми и виноватъ» Сб. V стр. 55. — Изъ сказаннаго нами очевидно сверхъ того, что самая потеря, въ кругу этихъ отношеній, постепенно теряла свое значеніе положительной утраты чести, по мѣрѣ того, чѣмъ выше была та степень въ мѣстническомъ распорядкѣ, на которой она происходила, и слѣд. чѣмъ долѣе успѣлъ отставшій себя уберечь отъ нея.

Фактическая же разница между потерей въ разныхъ степеняхъ ея юридической силы (было ли то одно бытіе въ меньшихъ съ невмѣстнымъ, или сверхъ того признаніе этого меньшинства разряднымъ судомъ и слѣд: перешедшее въ окончательную невозстановимую болѣе потерю, или эта *потери* являлась въ ея судебно-символической формѣ выдачи головою) (*) и большимъ или меньшимъ отклоненіемъ, въ свою невыгоду отъ нормы своихъ отношеній, и слѣд. большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ *потери*,—состояло въ различіи тѣхъ юридическихъ послѣдствій, въ той большей или меньшей силѣ правъ или возможности утягивать другаго или отстаивать себя,—которую, въ каждомъ случаѣ, давала лицу утя-

(*) Выдача головою вѣроятно была первоначально вмѣстѣ и *крупчайшею* формою или утвержденіемъ потери (дѣйствительной или только воображаемой въ слѣдствіе родоваго счета и правъ, которыя каждая сторона предъявляла на судъ) и такую осталась всегда въ понятіи, но нельзя сказать, чтобы также и въ дѣйствительности. Она часто принимала характеръ наказанья, и какъ подлежащее произволу правительственной власти, не всегда могла быть признаваема законною, а слѣд. и должна была вызывать противъ себя противодѣйствіе и протесты; такъ въ Арх. разр. N 5 л. 258. подъ 1553: «Ц. велѣлъ учинить голову» и тамъ же на л. 608. О. Бутурлинъ отстраняетъ доводъ противника тѣмъ «что въ выдачкѣ головой отца моего въ томъ Государь воленъ» И наконецъ встрѣчаемое нами что «голова за многія мѣсты» показываетъ намъ, что она уже не имѣла въ себѣ той метрической опредѣленности, которая должна была первоначально сопровождать всякое явленіе мѣстничества.

гиваемому или сторонѣ противной большая ли меньшая законность или неоспоримость того или другого факта или отношенія, — большее или меньшее отступленіе того или другого лица отъ общей нормы отношеній, и большее или меньшее выраженіе всѣхъ этихъ видоизмѣненій въ тѣхъ или другихъ положительныхъ фактахъ общественной жизни. Различіе всѣхъ этихъ юридическихъ послѣдствій также не опредѣлимо и не распознаваемо въ строгости, какъ и различія въ степени тѣхъ или другихъ отклоненій отъ нормы мѣстническаго порядка и большихъ или меньшихъ правъ или возможностей *утягиванія* или *отстаиванія*, — но между степенями потери и юридическою силою правъ, въ каждомъ случаѣ, бесспорно существовало внутреннее живое соотвѣтствіе. — Степени же этихъ потерь и изъ нихъ слѣдующихъ правъ можно подвести подъ три разряда:

1). Совершенная правота и согласіе съ общемою нормою родовыхъ и служебныхъ понятій, или неоспоримая законность того или другого факта давала не только возможность, но и положительное право лицу, въ пользу котораго этотъ фактъ или отношенія существовали, утягивать ими своего противника, и вмѣстѣ дѣлало невозможнымъ всякое обратное утягательство тѣми же отношеніями.

2.) Всякое нарушеніе нормы отношеній и отклоненіе отъ нея, не только добровольное, но даже невольное, давало противнику свободное поле для утягательствъ, оставляя однакожъ орудія для защиты и возможность отстоять себя. — Такъ на пр. даже опала не могла вполне охранить опальнаго отъ утягательствъ и отъ того, чтобы противникъ не счелъ его, средними звѣньями, меньшимъ опередившихъ его меньшихъ, хотя передъ судомъ мѣстничества, опальный и былъ правъ своею неволею, которая поставляла его внѣ всего движенія и всѣхъ отношеній мѣстничества. На стр. 363. Сбор. II. Лыковъ утягиваетъ Пожарскаго его ближними, опальными родителями «что де везде меньше были своихъ Ряполовскихъ и Палецкихъ Князей, а Ряполовскіе были меньше Лыковыхъ»; но это *везде* указываетъ намъ, что Лыковъ не могъ указать ни на какую положительную потерку опальныхъ Пожарскихъ, но только вообще на ихъ низкую службу передъ находившимися въ высокихъ мѣстахъ; на слѣд. стр. Пожарскій защищаетъ Палецкаго опадомъ, говоря: «А мочно ли тому стать, что быти боле М. Лыкову К. Палецкому, толькобъ не было тогда на Палецкаго Вашей, Государь, опалы!»

3). Положительная потеря оставляла потерявшаго беззащитнымъ передъ утягательствами противника.

Сверхъ того, также какъ мы видѣли различіе въ силѣ юридическихъ послѣдствій, выходящихъ отъ болѣе или менѣе правоты того или другаго факта или отношенія, такъ точно умалялась или возрастала сила этихъ правъ, при передачѣ ихъ отъ одного лица къ другому, по мѣрѣ близости или отдаленности лица, которымъ считался спорившій. Такимъ образомъ большая или меньшая правота каждаго отношенія и большая или меньшая отдаленность его составляли безконечную пропорцію умаленія или увеличенія передаваемыхъ ими правъ;—пропорцію, опредѣляемую только самою жизнію и хотя постоянно ею управляемую, но вмѣстѣ и постоянно видоизмѣняемую ея случайностями.

Этимъ различіемъ правъ объясняется также, почему такъ дорожили переходнымъ состояніемъ между отклоненіемъ отъ нормы, и прямою потеркою, и почему такъ часто встрѣчаются приказанія царскія: не стыкать *такого то съ такимъ то*. Такъ на пр. Дрв. Вивлѣ. т. XIV стр. 387. «чтобы Бутурлина съ Плещеевымъ не стыкали, чтобы имъ въ томъ ссоры не было.» Для отставшаго отъ нормы своихъ отношеній, но еще не *потерявавшего*, не была еще закрыта возможность снова подняться въ разрядахъ и подвигаться въ мѣру себѣ;—требовалось только нѣкотораго счастья, опытности, или умѣнья избѣгать всякихъ *стычекъ* (*) и всѣхъ близкихъ къ *потерь* отношеній, т. е. быть *знаткомъ* въ своей верстѣ. Тотъ же, который разъ положительно потерялъ, могъ снова возвратитъ себѣ потерянную честь лишь случайностями личной заслуги или милости Царской.

Мы уже видѣли то рѣшительное значеніе, которое имѣла, въ порядкѣ родовыхъ и служебныхъ отношеній, всякая потеря какъ окончательный, послѣдній фактъ, измѣняющій родовыя и служебныя отношенія и скрѣпляющій собою это измѣненіе. Но для того, чтобы эта потеря имѣла такое юридическое значеніе и силу со всѣми ихъ общественными послѣдствіями, надо было, чтобы она была произведеніемъ свободнаго движенія мѣстническаго распорядка, и слѣд. добровольнымъ и сознательнымъ фактомъ

(*) Челобитья не по стычкѣ считались незаконными, а потому безъ стычки (кроме рѣдкихъ исключеній) не могло быть и челобитій и связанныхъ съ ними утягательствъ. Такъ Лыковъ обвиняетъ Пожарскаго «что онъ билъ на него челомъ не по стычкѣ».

того лица, которое допустило ее, а не слѣдствіемъ принужденія или неволи, въ какомъ бы видѣ и подѣ какою формою она ни проявлялась, (а потому, какъ вольная, и была называема *поступкой* или *продажей*, ибо могла даже быть предметомъ дѣйствительной продажи.) Въ Сбор. V. стр. 73 «а и нынѣ Гос. отомъ потеркѣ на Петра Квашнина тебе Гос., бьютъ челомъ, и ты, Гос. указалъ сыскать *вольную* онъ Петръ былъ, а Кн. Тихонъ, Гос. Вяземской отъ Ѳедора Чемоданова былъ волею, и по ся мѣста, Гос., Кн. Василій Вяземской съ братьею о томъ потеркѣ дяди своего тебѣ Госуд. не бивали челомъ» т. е. не протестовали. Вѣроятно что не было никакого положительнаго и опредѣленнаго срока для такого протеста; но этотъ протестъ допускался въ продолженіи извѣстнаго обычая и обстоятельствомъ указываемаго времени, и только эта извѣстная обычная давность скрѣпляла всякій юридическій фактъ мѣстничества и дѣлала его неоспоримымъ. Такъ и здѣсь не протестованье потерявшаго и его родичей (какъ на пр. протестовали Оболенскіе) дало юридическую полноту и неоспоримость факту этой потери и сдѣлало ее положительнымъ *случаемъ* мѣстничества (такъ и въ Арх. Разр. N. 5-й листъ 591-й «Василій менши отца моего былъ, а тебѣ не билъ челомъ») Но пока новое отношеніе еще не установилось окончательно и еще возможны были протесты противъ него, мы находимъ на пр. въ Арх. Разр. л. 762-й, 1591 года, «Ц. и В. К. Василья развелъ со Кн. Борисомъ Черкасскимъ, учинилъ ихъ *мѣстниками*,—и билъ челомъ Кн. Василей Голицынъ на Кн. Бориса Черкаского, будетъ Гос. по старой *мѣрѣ* и мнѣ быти менши Кн. Бориса мочно, а будетъ Гос. по твоей милости, что ты пожаловалъ Кн. Тюменскаго со Кн. Васильемъ развелъ, и мнѣ Гос. менши Кн. Бориса быти не вѣсно» Царь обошелъ затрудненіе тѣмъ, что велѣлъ быть имъ безъ мѣстъ; очевидно однакожъ, что не смотря на прямое *учиненіе* Царское, новое отношеніе еще не представлялось полнымъ и неоспоримымъ юридическимъ фактомъ, даже для той стороны, для которой оно было выгодно.

Такъ мы видимъ, что мѣстничество давало всевозможныя охраны для ненарушимости родовыхъ отношеній; ибо всякая поступка ими не только должна была быть вольная, но и скрѣплена ненарушенною протестами давностію. Самый рѣзкій и любопытный примѣръ такого строгаго значенія *потери* находимъ мы въ дѣлѣ К. Козловскаго, которое намъ показываетъ, что еще Царь Петръ видѣлъ въ дѣйствительномъ бытіи въ меньшихъ, каково

сидѣнье подѣ такимъ то, единственный фактъ, который могъ имѣть юридическую силу, понижающую честь одного лица передъ другимъ. См. въ Опис. Разр. Арх. стр. 352. «велѣно было быть къ Царскому столу Кн. Козловскому и два раза посыланъ за нимъ дьякъ, но онъ не поѣхалъ, а въ третій разъ посланъ дьякъ и велѣно, взявъ у него карету, привести неволею. Но Козловскій вновь отказался за болѣзнію и былъ въ черномъ платьи и на дворѣ у него кареты и лошадей не сыскано, и тогда велѣно было за непослушаніе привести его въ простой телѣгѣ. И привезенъ онъ былъ къ Красному крыльцу и говорено ему было, чтобы онъ шелъ вверхъ, но онъ не пошелъ и снова два раза посыланъ былъ за нимъ разрядный дьякъ, онъ же на верхъ итти за болѣзнію вновь отказался и чернаго платья съ себя не сложилъ. И тогда, по Государеву указу, изъ телѣги былъ взятъ и отнесенъ въ Патриаршу крестовую и лежалъ на полу многое время и у стола не сидѣлъ, и велѣно было его за столъ посадить неволею, и онъ за столомъ о себѣ не сидѣлъ, а держали его разрядные подъячіе. И тогожъ числа Государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичъ, за то ево многое ихъ указу послушаніе, указали честь у него боярство отнять.» Козловскій отказывался за одною болѣзнію, говоря, что впрочемъ онъ съ «бояр. Нарышкинымъ быть вмѣстѣ готовъ»; ибо послѣ соборнаго дѣянія объ уничтоженіи мѣстничества, одна болѣзнь (*) могла еще служить законнымъ предлогомъ для неповиновенія назначеньямъ правительства. Но очевидно что ему, древнему родовому Князю, было невмѣстно быть ниже Нарышкина, новаго родича, возвысившагося до боярства однимъ свойствомъ съ Царскимъ домомъ. Въ понятіяхъ же мѣстничества, которыя еще не могли такъ скоро изгладиться изъ жизни, только такое дѣйствительное сидѣнье ниже другаго было законнымъ юридическимъ фактомъ, понижающимъ одно лице передъ другимъ. И потому мы видимъ, что съ одной стороны Козловскій также упрямо отстаиваетъ себя отъ чести сидѣть подѣ свойственникомъ Царскимъ, которая навсегда заставила бы потерять его и его родъ передъ Нарышкиными, какъ и Царь настаивалъ, чтобы онъ сидѣлъ

(*) Котош. Гл. IV. § 14. указываетъ, какъ на самую обыкновенную уловку: что учиняются нарочнымъ дѣломъ болѣны, что бы тое невѣстной службѣ избыть, но ихъ свидѣлствуютъ и пр.

подъ Нарышкинымъ, и наконецъ, чтобы принудить его къ *потерь* чести, заставилъ насильно сидѣть подъ нимъ. Но Козловскій и тутъ не переставалъ протестовать противъ такого насилья, ибо не самъ сидѣлъ, а держали его подъячіе, — а какъ мы видѣли, еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ для утвержденья законности потери Государь приказывалъ разыскать прежде, была ли та потеря *волею* или *неволею*? — И потому Государи Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи въ понятіяхъ мѣстничества все таки не унизили родовой чести Козловскаго передъ Нарышкинымъ, хотя и заставили его сидѣть подъ нимъ, и хотя на самого Козловскаго и была наложена опала и былъ онъ разжалованъ изъ боярства, но въ понятіяхъ мѣстничества онъ все таки отстоялъ честь своего рода и потомства, ибо «хотябъ Государь и казнилъ въ своей опалѣ, но все таки не поидеть меньше своего меньшаго тотъ, который не бывалъ самъ его меньше т. е. не терялъ передъ нимъ.» Впрочимъ Котошихинъ (Гл. IV. § 8. 15. 16. 17.) указываетъ, какъ на весьма обыкновенное дѣло, что «Царь велитъ посадити за столъ сильно; и онъ посадити себя не даетъ. . . . А какъ его посадятъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ, а выбивается изъ за стола вонъ, . . . и кричитъ: хотя де Царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть, и спустится подъ столъ» и пр.

Относительно же свойственниковъ царскихъ мы находимъ у Котоших. слѣд: «А которые бояре Царю свойственные по Царицѣ, и они въ думѣ и у Царя за столомъ не бываютъ, потому что имъ подъ иными боярами сидѣть *стыдно*, а выше *неумѣстно*, что породю не высоки. . . . Также они свойственные Царю на Москвѣ сидятъ въ Приказѣхъ, или бываютъ въ посольствахъ и въ воеводствахъ, и съ ними бываютъ товарищи, которымъ было прежь того мочно съ ними быть, *какъ еще они Царю не учинились въ свойствѣ*. «Но такъ было, пока еще стояла древняя Россія, — но не могло долѣ продолжаться съ возростаніемъ новой Европейской Россіи, уже отвергшей мѣстническіе уставы своихъ предковъ.

Русская жизнь и исторія вообще не представляютъ *сдѣлокъ*, (*compromis*) среднихъ пропорціональныхъ между двумя противорѣчащими началами; такъ и мѣстничество. Если оно и представляетъ переходное время отъ чести родовой къ чести разрядной, то и это среднее стояніе противоположныхъ началъ относится только ко *времени*, а не къ ихъ сущности и имѣло значеніе какъ одна юридическая давность, необходимая для установленія, уясне-

нія или оправданія тѣхъ или другихъ отношеній, но никакъ эти противорѣчающія отношенія не мирились окончательно въ новомъ среднемъ третьемъ. Такъ въ единственномъ нами встрѣченномъ примѣрѣ такого по видимому средняго отношенія, выведеннаго изъ двухъ крайнихъ отношеній родоваго и разряднаго, кромѣ того, что то *вельлз* Государь,—самый случай этотъ относится ко времени перехода отношеній, и споръ, возникшій въ слѣдствіе его, не былъ, кажется, оконченъ этимъ рѣшеніемъ. См. Арх. Раз. № 5-й листъ 605-й и на лист. 604. см. «Г. Ц. і В. Кн. по той Боярской скаске Оому вельлз передъ Кн. Иваномъ обвинити, а Кн. Ивана Курлятева оправити однѣмъ мѣстомъ, а мѣсть у Кн. Ивана *убавили*, потому что Оома Кн. Ивана по разрядомъ добръ болиши.» Впрочемъ, какъ мы уже сказали, это единственный примѣръ такого рода;—во всѣхъ же прочихъ судахъ и рѣшеніяхъ по мѣстничеству мы не находимъ ничего похожаго. Сверхъ того, въ этомъ случаѣ рѣшеніе Бояръ можетъ быть только отстаивало права чести родовой передъ разряднымъ возвышеніемъ, Ивана Курлятева,—незаконнымъ и еще не успѣвшимъ положительно утвердиться;—такъ что рѣшеніе это не было выводомъ средняго отношенія, но только возвращеніемъ Ив. Курлятева къ своей прежней мѣрѣ.

И потому самому, когда разъ была окончательная поступка или потеряка одной вѣтви рода передъ другой, не могло быть никакого средняго выводнаго отношенія изъ прежняго отношенія, и того, въ которое поставляла потеря. Могло быть лишь переходное время, въ которое еще не было рѣшено, отстоятъ ли себя потерявшій отъ *потери*, или утвердится эта потеря; и въ такомъ случаѣ потерявшій родъ или лице въ *разрядахъ перемѣнялся* (см. Сб. II. д. VIII дядя въ разрядахъ перемѣнялся, бывъ меньше Ш...) и бывшіе единокровцы становились другъ другу, въ юридическомъ смыслѣ, навсегда и вполнѣ *чужими*, ибо родовыя отношенія для нихъ уже не существовали болѣе, и также, какъ и между чужеродцами, могъ быть между ними одинъ счетъ разрядами см. Сб. II. стр. 269: «да и въ иныхъ Госуд. многихъ родахъ, *то есть*, что отъ большова брата кольно поидетъ, а въ розрядѣхъ малы и худы будутъ, а отъ меньшова брата кольно поидетъ, а въ разрядѣ велики живутъ, и тѣ, Госуд., худые съ добрыми породословцу лѣсвицею не тяжутся, а тяжутца по случаѣмъ розряды». «А то, Гос. во Кн. родѣхъ есть въ Одуевскихъ и въ Воротынскихъ, отъ большаго брата отъ Князя Мсти-

слава пошли Князи Звѣнигородскіе, а отъ меньшаго Госуд. брата, отъ Кн. Смена пошли Воротынскіе да Одоевскіе, и тѣ, Госуд., Звѣнигородскіе Князи, въ своемъ роду, по родословцу велики, а лѣствицею Госуд. Воротынскихъ и Одоевскихъ Князей не безчестятъ, и въ судѣхъ ими не тяжутся, а тяжутца отечествомъ своимъ, ближними своими, Звѣнигородскими-жъ Князи да розряды, и Воротынскими, Госуд. и Одоевскими не считаютца—такъ и въ Ростовскихъ Князяхъ Пріимковы и Бахтеяровы большіе, но низшіе, «не считаютца Катыревыми и Буйносовыми» меньшими, но высокими. Также, какъ эти потерявшіе или охудѣвшіе большіе не безчестили лѣствицею своихъ возвысившихся въ разрядахъ меньшихъ (такъ Звѣнигородскіе Одоевскихъ и Воротынскихъ), такъ они не хотѣли безчестить и не худили, тою же лѣствицею, и своихъ родителей напоминая, такъ сказать, этою лѣствицею и счетомъ этими меньшими, о своей потерѣ, и какъ бы снова торжественно сознаваясь въ томъ, что не умѣли соблюсти чести и слѣдовательно обезчестили родителей Сб. II. стр. 362. «а лѣствицею межъ себя въ отечествѣ не считаются, а считаются розряды въ отечествѣ, кому съ кѣмъ сошлось, Гвоздевы съ Катыревыми и Темкиными, да и чужими роды Гвоздевы лѣствицею тою никакъ ни съ коими чужими роды въ отечествѣ не считаются, и родителей своихъ, Ростовскихъ Князей, тѣмъ ни какъ не худятъ, что они въ родствѣ своемъ по лѣствицѣ больші Катыревыхъ и Темкиныхъ.» Такимъ образомъ, мы видимъ, что потерявшіе сами отсѣкаютъ себя отъ рода и не считаются болѣе общею лѣствицею, хотя бы то было и выгодно имъ; ибо того не позволяли имъ ихъ родовыя понятія чести. Въ Сб. II стр. 362. «а Кн. Ив. Гвоздевъ меньши дяди моево по росписи въ рындахъ былъ, а Гос. тѣмъ не билъ челомъ на дядю моего въ отечествѣ, что онъ въ родствѣ своемъ въ лѣствицѣ великъ, а тѣмъ не хотѣлъ больші быть дяди моево Князь Ивана Лыкова, что прежде тово Кн. Ив. Одр. Катыревъ—Ростовской по разряду больші былъ дяди моего Кн. Ив. Иван. Лыкова» (*). Не хотѣлъ быть т. е. не хотѣлъ, разъ отказавшись отъ своихъ родовыхъ отношеній, воспользоваться тѣмъ, что великъ по лѣствицѣ и выгоднымъ ему родовымъ отноше-

(*) Рядъ этихъ свидѣтельствъ вполне подтверждаетъ и весь ходъ родовыхъ отношеній, и законы родовыхъ счетовъ, какъ мы ихъ изложили выше.

ніемъ, которое если и не могло сдѣлать его правымъ, то давало однакожъ возможность утягивать своего противника, запутывать и замедлять дѣло, какъ на пр. то дѣлали Курлятевы, очевидно поступавшіе вопреки вѣсьмъ понятіямъ родовой чести. Сверхъ того, когда разъ родовыя отношенія были уже нарушены, добровольно отказываться отъ родовой чести и счета общему лѣствицей заставляло и то, что въ противномъ случаѣ каждый шагъ въ службѣ и разрядахъ, для такихъ потерявшихъ, (если только они не успѣли немедленно возстановить свое родовое отношеніе протестами или судомъ), былъ задерживаемъ противорѣчащими и спорными отношеніями, — которыя все болѣе мѣшались и путались, чѣмъ далѣе переходили отъ одного поколѣнія къ другому. И потому нельзя было наконецъ не отказаться отъ прежняго родового счета и не держаться исключительно одного разряднаго, какъ бы то ни было обильно для родовой чести. Сама жизнь поставляла въ необходимость выбора между обоими; выборъ же оставался одинъ для всякаго, кто хотѣлъ или принужденъ былъ продолжать службу.

Такъ и при опалѣ, хотя опала, оправдывая опальнаго и не поставляла его въ необходимость отказаться отъ своей родовой чести, ибо его родовое отношеніе было *возстановимо* во всей его полнотѣ; однако продолженіе счета лѣствицей (также какъ и при всякомъ нарушеніи родовыхъ отношеній) бросало тѣнь безчестія на родителей и доводило отношенія до нелѣпаго противорѣчія между собою; такъ на стр. 363-й Сб. II. Лыковъ утягивалъ Пожарскаго «что и я, Бориска Лыковъ, по тѣмъ случаямъ самъ большіи дѣда Князь Дмитріева, а внуку ево К. Дмитрію мочно ли большіи быть дѣда своего роднова, не токмо что меня»; но Пожарскій, правый своею опалою, продолжалъ однакожъ утягивать Лыкова, хотя послѣдній и считалъ Пожарскихъ меньше своихъ Ряполовскихъ, которые были меньше Лыковыхъ; на стр. же 362 й: «Кн. Гвоздевъ великъ по родству Кн. Темкину, что отецъ, а по розряду меньше сталъ Темкина, что сынъ», но Гвоздевъ считался однакожъ однимъ своимъ разрядомъ. Опала давала гдѣ правоты и противной сторонѣ на фактъ, хотя она и оправдывала въ понятіи опальнаго. Каждый былъ правъ въ своемъ смыслѣ, а потому самому случаи гдѣ встрѣчается опала, представляютъ наибольшую путаницу вѣсьхъ отношеній; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы обязаны ей сохраненіемъ для науки самыхъ любопытныхъ и важныхъ свидѣтельствъ о внутреннемъ движеніи родовыхъ отношеній.

Но когда весь родъ былъ высокъ въ разрядахъ, и не только удержалъ, но даже и подвинулъ свою общую родовую честь, тогда такіе родичи должны были, разумѣется, требовать, чтобы ихъ считали не лѣствицею, а разрядами; на стр. 295. Сб. II. Лыковъ говоритъ про Пожарскаго, «что лѣствицею меня, холопа Государева, считаютъ напрасно со всѣми Оболенскими Князьями, а считалъ бы Госуд. меня холопа со всѣми Оболенскими Князьями розряды, а не лѣствицею, а то Гос. знатка, что Кн. Дмитрій пособляетъ своей *худобѣ* и своему отечеству, а считаетъ меня лѣствицею со всѣмъ Оболенскимъ родомъ, мимо разрядовъ Государевыхъ.» Ибо тамъ, гдѣ *худоба*, тамъ разряды не доставали до лѣствицы, и онъ Пожарскій считаетъ меня также, какъ бы себя считалъ при своей *худобѣ*.—Со стороны же Лыкова и Оболенскихъ вѣроятно, что напротивъ разрядныя отношенія перевѣсили надъ лѣствицею; на стр. 310. Пожарскій укоряетъ Лыкова, что «не велитъ ему тягаться своими меньшими, а самъ тяжется въ своемъ родствѣ Оболенскими Князьями, кои у нихъ въ ихъ роду по лѣствицѣ и по *разрядомъ* велики, дѣда его и отца больши многими мѣсты.» Со стороны же Пожарскаго то могло быть или одна придирка, или эти высокіе по лѣствицѣ и разрядамъ стали высоки не въ мѣру передъ другими родами, и еще не успѣли утвердиться въ новыхъ отношеніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не были довольно близки къ Лыкову, чтобы онъ могъ считаться ихъ еще новымъ и спорнымъ отношеніемъ.—Вообще же высокіе въ разрядахъ и, тѣмъ болѣе, опередившіе въ нихъ свои родовыя, ими наследованныя отношенія, уже не дорожили болѣе своей лѣствицей и готовы были всегда отказаться отъ своихъ прочихъ родичей; такъ въ Арх. Разр. N. 5 л. 577: «Ө. Бутурлинъ на судѣ говорилъ, «а о томъ не бую челомъ, что мнѣ *найтить* и *потерять*, братьями своими Новгородцы мы не хотимъ ни малы, ни велики быть (ими)» А потому вѣроятно и могла иногда высокая въ разрядной чести вѣтъ рода, такъ сказать, оттолкнуть отъ себя меньшихъ братьевъ и такимъ образомъ раздробить родъ, хотя еще и не было въ немъ потери.

На стр. 122-й: «Левонтій Аксаковъ билъ челомъ въ отечествѣ на Кашина, ибо меньшей ево братъ родной бывалъ меньше Кашина и Гос. Левонтья отставилъ» Мы находимъ въ это царствованіе нѣсколько такихъ случаевъ, въ коихъ Гос., безъ дальнѣйшаго суда и разбора, отставлялъ по первому челобитію — вѣроятно, когда неправильность назначенья на службу была очевидна и неоспорима.—Такъ и на стр. 125-й отставлены были въ слѣдствіе чело-

битій Туренинъ и потомъ Охлябининъ.» На стр. 132-й Куракинъ, а на стр. 133: «отставленъ Шереметевъ для того, что у него жены не стало» и прибавлено «что не для челобитья» т. е. вѣроятно по челобитью, но не по челобитью о мѣстахъ; ибо, какъ мы уже видѣли, отставка по челобитью о мѣстахъ имѣла свои юридическія послѣдствія; а потому разрядъ и долженъ былъ сдѣлать оговорку, чтобы впослѣдствіи не могло быть ссылки на этотъ случай, какъ на отставку по *невмѣстности*.

На стр. 127-й: «ѣли у Государя Патріархъ, Бояре и Окольничіе Туренинъ да Хворостининъ — и Хворостининъ не ѣлъ и билъ челомъ на Туренина; также см.: стр. 147: «Бояре ѣли такіе-то и К. Голицынъ — а Голицынъ билъ челомъ на дядю Куракина, а за столомъ не сидѣлъ» и стр. 141: «были Бояре по полкамъ Трубецкой и Щербатый, а Трубецкой не былъ.» Эта записка въ разрядъ, что Хворостининъ *ѣлъ* т. е. что назначено ему было быть за столомъ Царскимъ; но онъ не ѣлъ, ибо нашелъ себѣ то невмѣстнымъ, или что такой-то *былъ* и однакожъ не *былъ*, указываетъ намъ вообще на характеръ разрядовъ. Дѣломъ разрядовъ было вести записку всему, что *должно было быть* вслѣдствіе указа Царскаго, или обычнаго порядка, а не тому, что дѣйствительно было, — какъ видоизмѣненіе случайностями жизни того, что *должно было быть*.

Царствованіе Бориса Ѳеодоровича Годунова.

Съ вступленіемъ своимъ на престолъ Борисъ Ѳеодоровичъ совершенно измѣнилъ свой образъ дѣйствія въ отношеніи къ мѣстничеству. Пока онъ былъ только первымъ наперсникомъ Царскимъ, противузаконно овладѣвшимъ высшимъ мѣстомъ и честью въ Государствѣ, онъ не могъ не видать въ мѣстничествѣ своего перваго и самаго опаснаго врага, съ которымъ долженъ былъ бороться; но когда онъ самъ облекся во власть самодержавную, отношенія измѣнились. — Мѣстничество, столько строитивое передъ шуриномъ Царскимъ, легко могло сдѣлаться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ новаго самодержца, богатаго разумомъ Государственнымъ и средствомъ къ упроченію за нимъ и его родомъ Русскаго престола. Его новый санъ и новые личные и родовые интересы требовали отъ него, чтобы онъ щадилъ древній обычай и уставы общественнаго распорядка, которымъ онъ такъ нещадно противодѣйствовалъ, пока личная выгода его совпадала съ выгодами государства, — какъ понималъ это Государство его обширный и просвѣщенный умъ, уже

пробужденный къ новымъ требованіямъ жизни и общества.

Но прежде чѣмъ снизошелъ Борисъ Ѳеодоровичъ до принятія осиротѣвшаго Русскаго Царства, особенно замѣчательно, въ отношеніи къ мѣстничеству, переходное время или междущарствіе между кончиною Ѳеодора и торжественнымъ воцареніемъ Бориса. Правительственная власть обнаруживаетъ въ это время особенную дѣятельность въ отношеніи къ мѣстничеству; указы писались отъ Царицы Ирины; но сверхъ того писали отъ себя Патріархъ Іовъ и Бояре Мстиславскій съ товарищи, посылали гонцовъ въ города съ увѣщаніями къ строптивымъ воеводамъ и проч. Всѣ немногіе случаи, которые встрѣчаются въ это короткое время, разрѣшены съ прежнею строгостью правительства и каждый начавшій искъ получилъ свое наказанье. Впрочемъ такая строгость была необходима для временнаго правительства, чтобы держать въ повиновеніи служилое сословіе.

Въ Арх. Разр. въ №. 5. лист. 830 подъ 1598 год. вслѣдъ за кончиною Ѳеодора Іоанновича мы находимъ слѣдъ: «Билъ челомъ Г. Ц. і В. К. Бор. Ѳеодор. Воевода Полевъ, что велено быть на Резани Околнич. Салтыкову, да ему, и ему быти не вмѣстѣ. И Гос. Ц. і В. К. Бор. Ѳеод. молилъ Полеву: били мнѣ челомъ Патріархъ Іевъ и весь соборъ и Бояре и приказные люди і воеводы и дворяне всѣ, чтобъ язъ пожаловалъ велѣлъ Бояромъ і воеводамъ і вамъ дворяномъ быти безмѣстъ на вашей службѣ. И ты почему такъ ворущешъ, мимо того всего нынѣ мнѣ бѣеши челомъ. Да за то Ц. и В. К. Бор. Ѳеод. велѣлъ Полева посадити в тюрьму, а изъ тюрьмы велѣлъ къ Салтыкову послати головою.» (*) Далѣе въ тойже разр. л. 856: «И писалъ къ Государынѣ Царице і В. Княг. Александре Ѳеодоровне изъ Пскова Бояр. Кн. Голицынъ, что Воевода Кн. Ростовской списковъ не взялъ, за Бояр. за Кн. Голицынымъ. — И по Госуд. Царицы і В. Княг. указу, Бояр. Кн. Ѳед. Иван. Мстиславской съ товарищи сказывалъ о томъ Патріарху Іеву, и Патр. Іовъ писалъ отъ себя къ Воев. ко Кн. Рос-

(*) Вслѣдъ за этимъ мы находимъ грамоты по указу Царицы Ирины. Объясняется это можетъ быть тѣмъ, что выписанный нами случай относится къ тому времени, когда Борисъ былъ избранъ на Царство, но еще не было извѣстно, что онъ отъ него отказывается, а выраженіе и *Царь молилъ* было простою формою записки въ разрядъ. Впрочемъ могло быть что и самъ Борисъ Ѳеодор. молилъ въ этомъ случаѣ, еще не будучи Царемъ, но въ разрядѣхъ впоследствии было писано Царь Боръ Ѳеод.

товскому, чтобъ онъ дѣла всякія дѣлалъ и списки взялъ, и по Гос. указу Бояре приговорили К. Буйносова Ростовскаго послать къ Бояр. Голицыну головою, да и прогоны на немъ взять. лс. 859. И писалъ Гос. Царице Иноке Александре Ѳеодоровнѣ из Смоленска Трубецкой на Голицына, что Голицынъ ни которыхъ дѣлъ съ нимъ не дѣлаетъ, будто его меньше быть невмѣстно, и по Гос. Царицыну указу Бояр. Кн. Ѳ. И Мстиславскій с товарищи о томъ сказывали Патріарху Іову и въ розрядахъ сыскали о назначеніи Голицына съ Трубецкимъ еще при покойномъ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, и по Гос. Царицы указу Патр. Іовъ писалъ къ Голицыну, чтобы онъ Государыни Царицы дѣла всякіе дѣлалъ съ Трубецкимъ, а Голицынъ писалъ къ Гос. Ц. Бор. Ѳеод., что писалъ ему Патр. Іовъ, чтобъ онъ списки взялъ, но что меньше Трубецкова бытъ ему невмѣстно. — Да и къ Патр. Іову писалъ тоже, а Патр. Іовъ писалъ Голицыну, чтобы Госуд. и земскіе дѣла дѣлалъ по Царицыну указу, а не учнетъ дѣлати и Патр. Іовъ со всѣмъ соборомъ и со всѣми бояры приговорили его Трубецкому послать головою. А посланъ съ Патріарховою грамотою къ Голицыну Скобельцынъ и велѣно въ Смоленскъ въ дѣячѣй избѣ передъ Бояр. Трубецкимъ и передъ воеводами и головами и сотники и дѣтми Боярскими Патр. Іова грамоту отдать Голицыну (*), (862 л.), да велено молвить Голицыну, что если списковъ не возметъ, что Патріархъ Іовъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми бояры велѣли Голицына къ Трубецкому отвести головою; да отвезчи Голицына головою, взять въ томъ съ Трубецкова отписку, а съ Голицына доправить прогоны. Но писалъ снова Голицынъ Ц. Бор. Ѳеод., что списки взять ему немочно, а Кн. Трубецкой писалъ къ Государю о грамотѣ Святѣйшаго Госуд.» и проч.

(*) Особенно замѣчательна въ нашей древней жизни такая публичность во всѣхъ распоряженіяхъ правительства. Такъ см. въ предисл. къ грамотамъ Кикина, всякое дѣло должно было быть исполняемо въ присутствіи всѣхъ причастныхъ къ нему, что служило лучшею охраною для вернаго и строгаго исполненія всякаго дѣла. Мы выписываемъ этотъ случай съ такою подробностью, какъ особенно любопытное современное свидѣтельство о ходѣ и составѣ временнаго правительства послѣ кончины Ѳеодора Ивановича. Особенно же замѣчательно, что, по Царицыну указу, разыскивали *дѣло* Бояре, сказывали Патріарху, который писалъ уже отъ себя, какъ власть исполнительная; при сиротствѣ Госуларства Патріархъ оставался въ немъ, какъ высшая и священнѣйшая власть, которая могла повелѣвать и потому окончательное предписаніе было отъ Патріарха, хотя и по приговору всего собора.

Такъ мы видимъ, что временное правительство обнаружило особенную строгость во всѣхъ трехъ случаяхъ, встречающихся въ это короткое время, и даже не допускало челобитчиковъ до судебного разбирательства. Во всѣ же остальные годы Царствованіи Бориса Θεодоровича (въ которыхъ по одной нашей разрядной приходится до 53 мѣстныхъ случаевъ,) мы не встречаемъ ни въ нашей разр. ни въ Арх. разр. N. 5-й, не только ни одного прямого наказанія, какъ на пр. битя батогѣ и проч. — но даже ни одной выдачи головою, и только въ раз. N. 5. на лст. 875. находимъ мы, что Бор. Θεод. отказалъ на челобиты въ судебномъ разбирательствѣ. Куракинъ и Голицынъ были челомъ на Д. Ив. Шуйскаго, но Ц. велѣлъ имъ отказать « что плутаете бѣете челомъ не одѣлъ, велю на отцовъ дать правую грамоту Кн. Шуйскому » а на лс. 793. « Долгорукаго Царь велѣлъ обвинити передъ Гвоздевымъ, » но по суду, и въ Разр. приведены самые доводы.

Касательно противодѣйствія мѣстничеству безмѣстностію мы находимъ общій приговоръ, указанный нами выше, Патріарха и собора; но, какъ мы видѣли, онъ принадлежалъ временному правительству, а не Царствованію Годунова. — Но этимъ приговоромъ, можетъ быть, объясняется то, что въ первый годъ новаго Царствованія мы находимъ только два челобиты въ нашей разрядной. — Впрочемъ очевидно, что этотъ приговоръ не имѣлъ ни какой общей силы; ибо мы не встречаемъ въ послѣдствіи ни одной ссылки на него. Въ Арх. разр. N. 5. лс. 931: « Петръ Шереметевъ билъ челомъ в отечествѣ на В. Морозова, для того, что встрѣчали за посадомъ Королевича Бояр. Голицынъ да Околн. Морозовъ, а онъ въ росписи написанъ въ друтикъ, а язь Петрокъ въ росписи написанъ въ третьихъ. И. Ц. и В. К. П. Шереметеву отказалъ « та встрѣча къ той встрѣчѣ не примѣнилась, и тутѣ мѣсть нѣту. » Тоже въ разр. стр. 151. Но здѣсь еще нельзя видѣть прямого противодѣйствія мѣстничеству, ибо такой счетъ мѣстами при встрѣчѣхъ дѣйствительно принадлежалъ къ его спорнымъ вопросамъ. Къ встрѣчамъ могло быть примѣняемо мѣстничество или нѣтъ, но они не принадлежали къ тѣмъ явленіямъ въ жизни общественной, которыя составляли его законную, непосредственную область. Въ той же разр. на лс. 632: « сказано околничество Шереметеву, а у скаски стоялъ П. Басмановъ и билъ челомъ, что у скаски стоять ему невмѣстно, и Гос. сказалъ, что мѣсть тутъ нѣту. » Въ нашей разр. на стр. 153. мы находимъ такой же отвѣтъ на челобиты Бутурлина, стоявшаго у такой же скаски (см. раз-

боръ этаго случая). Въ предшествующія Царствованія мы не встрѣчаемъ ни одного примѣра такихъ челобитій, и только при Романовыхъ находимъ, что допускался счетъ при такихъ сказкахъ, и потому очень вѣроятно, что къ сказкамъ, также какъ и къ встрѣчамъ, мѣстничество еще «не примѣнялось». Такъ въ той разр. лс. 933-й: «Бояр. Голицынъ билъ челомъ на Бояр. Черкаского и Ц. и В. К. сказалъ: тутъ мѣстъ нѣтъ, въ заднемъ столу сидѣли.» При всемъ этомъ мы не находимъ ни одного объявленія службы безмѣстною, изъ чего можемъ заключить, что Царь Борисъ не противодѣйствовалъ мѣстничеству и не разрывалъ его счетовъ тамъ, гдѣ эти счета были уже утверждены обычаемъ и принадлежали къ его общему и законному порядку, — но не допускалъ дальнѣйшаго разрастанія мѣстническихъ отношеній и распространенія счетовъ на тѣ службы и отношенія, за которыми они еще не успѣли положительно утвердиться. Такимъ образомъ Годуновъ, можетъ быть, безсознательно, служилъ самому мѣстничеству, противодѣйствуя излишнему раздробленію и разширенію его области, — ибо такое раздробленіе вѣрный признакъ всякаго уже вымирающаго начала.

Также поступалъ Годуновъ и въ отношеніи къ своимъ родичамъ. Съ вступленіемъ его на царство они остались при тѣхъ же отношеніяхъ въ мѣстническомъ распорядкѣ. — Такъ во все Царствованіе Бориса Феодоровича мы встрѣчаемъ только одинъ примѣръ повышенія его родственника на стр. 153 «Матвѣя Ивановича» и ни разу не встрѣчаемъ ни одного Годунова въ первыхъ; такъ на стр. 135 мы находимъ «что въ большемъ полку въ первыхъ Ѳ. Ив. Мстиславской, а во вторыхъ С. В. Годуновъ, въ правой В. И. Шуйской да И. В. Годуновъ» стр. 141. «у Гос. Бояре ѣли Ѳ. И. Мстиславской да В. И. Годуновъ, а послѣ него черезъ два мѣста С. В. Годуновъ да Я. М. Годуновъ.» на стр. 143: «въ отвѣтъ у пословъ Ст. да Ив. Годуновы были въ третьихъ.» стр. 134: «въ сторожевомъ полку Ив. Ив. Годуновъ.» — Но мы должны вспомнить при этомъ старую Рускую пословицу: «Богъ безкровенъ, а Царь безроденъ,» и слова Котошихина стр. 36: «что Бояря, свойственные Царю по Царицѣ, въ думѣ у Царя и за столомъ не бываютъ, потому что имъ подъ иными Боярами сидѣть стыдно, а выше не умѣстно, — а въ приказахъ съ ними бываютъ, которыми прежь того мочно съ ними быть, какъ еще Царю не учинились въ свойствѣ.»

Изъ всего этаго мы видимъ всю мягкость Царя Бор. Феод. въ отношеніи къ мѣстничеству — мягкость особенно многозначительную, когда вспомнимъ всю строгость противъ мѣст-

ничества того же Годунова, но еще не Царя, а правителя Россіи.

Любопытно сверхъ того прослѣдить по разрядамъ, какимъ образомъ Годуновъ постепенно повышалъ своего любимца и будущаго измѣнника, Петра Басманова, такъ же какъ повышалъ когда-то старый Царь Иванъ Васильевичъ юнаго Годунова. Также какъ мы видѣли въ первомъ случаѣ цѣлый рядъ челобитій на Годунова, такъ и теперь мы находимъ такія же безпрестанныя челобитья на Басманова, отъ которыхъ отстаивалъ его Царь Борисъ, какъ былъ когда-то самъ отстаиваемъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Впрочемъ надобно замѣтить, что также какъ Годуновъ, такъ и Басмановъ не былъ низкаго роду Отецъ его былъ въ Кравчихъ, а дѣдъ Алексѣй у Ц. Ив. Васильевича въ Боярехъ. См. Родосл. I. стр. 300.

Въ первый разъ встрѣчаемъ мы Басманова въ нашей разр. на стр. 138. 1599 года: «Татевъ искалъ на Басмановъ, что Басмановъ тебѣ Гос. не служилъ, а я тебѣ служу не то-перева.» Въ Арх. р. N. 5. лс. 896. 1600 года «искалъ Шенинъ на Кравчемъ Ѳед. Алек. Басмановъ, а судъ имъ былъ, а по суду свершенья не бывало, и Окол. Петръ да братъ его Иванъ Басмановы положили на судъ правую грамоту» 1600 г. лс. 919: «Кн. Черкаской билъ челомъ въ отечествѣ о счетѣ на отца Басмановыхъ, но былъ отставленъ» тоже въ нашей разр. стр. 145 и далѣе: «на мѣсто Черкаскаго велѣно было быть Сонцеву, а Сонцевъ билъ челомъ на большаго Иванова брата, на Петра Басманова, но былъ отставленъ» Иванъ же Ѳедоровичъ былъ тогда убить разбойникомъ Хлопкой. 1603 г. лс. 932. П. Басмановъ билъ челомъ «что ему у скаски быть невмѣстно, но Ц. отвѣчалъ, что тутъ мѣстъ нѣту» тоже разр. стр. 151; — 1603 г. лс. 938: «Басмановъ билъ челомъ на Салтыкова, и Салтыковъ былъ отставленъ, а Салтыковъ билъ челомъ на отца Басманова.» При этихъ челобитьяхъ на Басмановыхъ, также какъ прежде мы видѣли при такихъ же челобитьяхъ на Годунова и на Пожарскихъ, Царь обходилъ ихъ тѣмъ, что или не давалъ вершенья суду, или отставлялъ противника, или объявлялъ службу невмѣстною; ибо только такими средствами могъ Царь повышать своихъ любимцевъ противъ порядка мѣстническихъ соотвѣтствій.

Стр. 137 «Билъ челомъ Гос. и В. Кн. Кн. Ѳед. Ноготковъ во всехъ Оболенскихъ Князей мѣсто: вынѣшнемъ году былъ вправой рукѣ втретыхъ Ив. Вас. Ситцкой, а впередовомъ полку втретыхъ Кн. Олександръ Ондр. Репнинъ Оболенской. Алекс. Репнинъ, дружась со Кн. Ив. Ситскимъ, уго-

жалъ Фед. Никитину Романову, потому что они межъ себя братья і великие други, да по росписи былъ на Государеве службѣ менши Кн. Ив. Ситцова, и не билъ челомъ в отечествѣ. — А умышлялъ Репнину, Фед. Романовъ, чтобъ ему не бить челомъ, для того, чтобъ темъ ево воровскимъ нечелобитьемъ, поруха и укоръ учинить в отечестве, отъ Фед. Романова и отъ иныхъ чюжихъ родовъ, всему ихъ роду Оболенскимъ Княземъ. И Гос. бы велѣлъ ихъ то челобитье записать, чтобъ всемъ ихъ роду Оболенскимъ в отечествѣ порухи и укору не было отъ чюжихъ родовъ, темъ Кн. Алекс. Репнинымъ воровскимъ нечелобитьемъ. И Гос. пожаловалъ велѣлъ челобитье в разрядъ записать: что Кн. Алекс. Репнинъ Кн. Ивану виноватъ одинъ, а роду его всемъ Кн. Оболенскимъ в томъ порухи в отечествѣ нетъ никому.» На тотъ же случай указываетъ Пожарскій въ своемъ дѣлѣ съ Лыковымъ См. Сб. II. стр. 277. «а то не статочное дѣло, что Кн. Ив. Сицкому больше быти Кн. Алекс. Репнина, а Кн. Алекс. по свойству на Сицкаго не билъ, а они били челомъ всѣ родствомъ на Кн. Алекс. и челобитье ихъ въ разрядъ записано.»

Мы уже указали выше на важность и значеніе этого мѣста въ отношеніи къ потерѣ и общей отвѣтственности всѣхъ членовъ рода другъ за друга, и потому здѣсь намъ остается только обратить вниманіе на то, что Ноготковъ билъ челомъ во всѣхъ Оболенскихъ мѣсто, тогда какъ, по самой сущности родовыхъ отношеній, онъ могъ бить челомъ въ мѣсто тѣхъ только, которымъ доставало до потери Репнина.

Вѣроятно, что во всѣхъ Оболенскихъ мѣсто было только одно общее выраженіе, также какъ и слова Пожарскаго, что «они били всѣ родствомъ.» Но при этомъ мы должны замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ XVII-му вѣку, и особливо со времени Романовыхъ, роды, и особливо знатнѣйшіе, начинаютъ выдѣляться изъ общаго распорядка въ сомкнутыя родовыя цѣлыя, не допускающія болѣе общаго счета и живаго соотвѣтствія своихъ членовъ съ соотвѣтственными имъ членами прочихъ родовъ, и замѣнявшія такой счетъ счетомъ цѣлыми родами, какъ отдѣльными единицами. Московскій служебный распорядокъ первоначально сложился изъ отдѣльных родовъ и снова разлагается на отдѣльные роды, но уже съ строго опредѣленною классификаціею служебной чести между ними, выработанною полуторавъскою борьбою между честию родовой и служебной,—которая вездѣ болѣе

или менѣ видоизмѣнила первоначальныя родовыя отношенія, какъ между родами, такъ и внутри самихъ родовъ;—ибо съ раздробленіемъ родовъ на новыя, болѣе тѣсныя круги, необходимо замѣнялись и прежнія чисто родовыя отношенія новыми служебно-родовыми.

Пока еще не начиналось единодержавіе Москвы, не могло быть и воздѣйствія начала служебнаго на начало родовое, ни борьбы между ними. Дружина Княжеская еще не знала личнаго отношенія къ Князю: «а боярамъ и дѣтямъ Боярскимъ и слугамъ вольнымъ воля, а судомъ и данью потягнутъ по удѣломъ, гдѣ кто живетъ» (См. Рейца стр. 107.) т. е. могли даже служить одному Князю, а имѣть помѣстья и вотчины въ удѣлѣ другаго,—лучшее свидѣтельство, что Русскую землю никогда не оставляло общественное сознаніе ея живаго единства, и что вольный дружинникъ, служа тому или другому Князю, равнослужилъ одной Русской родинѣ, и *дѣлу земскому*, которое лишь случайно связывалось съ дѣломъ Княжескимъ или Государевымъ Москвы, Рязани или Твери.—Понятіе же о дѣлѣ земскомъ связалось положительно съ понятіемъ о дѣлѣ Государевомъ тогда только, когда остался одинъ *Государь* во всей землѣ Русской; но еще при Грозномъ и позднѣе писалось во всѣхъ грамотахъ къ войску «беречи дѣло земское и государево.» Самъ Грозный, изобрѣтая опричнину, поставлялъ себя въ тоже отношеніе къ Россіи, въ которомъ находился къ ней прежній удѣльный Князь, у котораго было свое *опричное* дѣло, *опричь земскаго*;—но разница была та, что Іоаннь, раздѣливъ Россію на опричнину и земщину, давалъ земщинѣ опредѣленное общественное существованіе;—во время же удѣловъ земщина, такъ сказать, существовала только какъ живое сознаніе народа, носившееся надъ всѣми опричинами или удѣлами земли Русской, изъ коихъ каждый былъ однимъ частнымъ представителемъ этой земщины.

Пока были еще удѣлы и вольный переходъ изъ однихъ въ другіе, всѣ отношенія того тѣснаго кружка приближенныхъ и служилыхъ людей, которые составляли дворъ и дружину Князя, выходили изъ чисто родового или семейнаго (*), еще ничѣмъ не стѣсненнаго начала. Отношенія

(*) Мы покажемъ въ другой части нашего труда, что точкой отправленія для всего мѣстническаго распорядка и всѣхъ его счетовъ было понятіе о семьѣ, какъ единицы, и трехъ т. е. отцѣ и трехъ сыновьяхъ,—восходящее, можетъ быть

же между родами, и особливо пришлыми, опредѣлялись тѣмъ старшинствомъ, которое окончательно утверждалось за тѣмъ или другимъ непосредственностью самихъ отношений и общимъ признаніемъ всѣхъ. Всякій же, кто считалъ права своей чести нарушенными, отходилъ къ другому Князю, какъ то сдѣлалъ въ 1333 году Бояринъ Акинѣй Гавриловичъ, отѣхавши въ Тверь, когда Калита далъ надъ всѣми большинствомъ пріѣхавшему изъ Кіева вельможѣ Родіону.—Такъ точно не могла служба Княжеская видоизмѣнять родовыя отношенія однородцевъ, и не могло быть потерь между ними; ибо всякій однородецъ былъ также воленъ всегда отѣхать въ другой удѣль.

Въ единоподержавную Москву естественно и самъ собою перешелъ тотъ же *вольный* обычный распорядокъ старшинства, распредѣлявшій отъ мала до велика всѣ отношенія слугъ Княжескихъ и всѣхъ исполнителей общественной обязанности;—но перенесенный изъ того вольнаго простора, который ему представляла удѣльная Россія, въ тѣсную рамку Государства, и прикованный къ Москвѣ, онъ необходимо образовался въ распорядокъ мѣстничества, —какимъ мы его застаемъ въ XVI вѣкѣ, съ его судебными разбирательствами, потерями и повышеніями однихъ передъ другими, борьбою чести родовой и служебной и противодействіемъ ему правительства. Но коренныя основы того же вольнаго распорядка остались за мѣстничествомъ, а числовая опредѣленность всѣхъ отношений и счетовъ сдѣлалась, вѣроятно, еще строже (*). Всякій родъ или членъ его имѣлъ значеніе въ общемъ распорядкѣ не иначе, какъ соотвѣтственное звѣно цѣлаго, и живой мускулъ, отвѣчающій и повинующійся на каждое малѣйшее движеніе всего организма,—но вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ служебнаго распорядка къ одному общественному кругу, неизбежна была кристаллизація и отвердѣніе этихъ звѣньевъ и мускуловъ, когда живые соки, наполнявшіе организмъ, начали остав-

до языческихъ представленій народа, и которое, своимъ естественнымъ ходомъ, слагало общество, какъ мѣстническій распорядокъ, съ опредѣленнымъ счетомъ всѣхъ его членовъ между собою. На этомъ счетѣ крестьянинъ доселѣ во многихъ мѣстахъ основываетъ разкладку податей между собою, дѣляжъ земли и проч. Каждый лишній 4-й сынъ присчитывается къ другой семьѣ; такъ и въ мѣстничествѣ 4-й братъ равенъ своему первому племяннику.

(*) Здѣсь мы вообще ограничиваемся одними общими указаніями на *Историческое* образованіе мѣстничества; ибо отчетливое изложеніе относится къ *Исторіи* мѣстничества.

лять его. Такъ первоначально не могло быть въ мѣстничествѣ и понятія о старшинствѣ родовъ между собою, о старшихъ или младшихъ вѣтвяхъ рода; ибо эти понятія могли быть только чисто фактическія, снятыя съ случайности явленій, но не накрывающія ихъ въ общемъ; такъ на пр. См. Сб. II стр. 309. «Пріимковы да Гвоздевы пошли отъ большаго брата, а Катыревы да Темкины пошли отъ меньшаго, а Пріимкову да Гвоздеву и по лѣствицѣ не достало до Буйносова.» Стр. 360. «и по родству лѣствицею Пожарскимъ Княземъ не доведется имъ считаться Ряполовскими Князьями со всѣми, хотя буде Пожарскіе Князи пошли и отъ большова брата.» Такъ и между чужими родами младшій родичъ одного изъ первыхъ родовъ въ мѣстнической лѣствицѣ могъ приходиться меньшимъ родичу одного изъ послѣднихъ въ ней. Въ памятникахъ же, особенно до начала XVII вѣка, мы находимъ, что такіе-то въ такомъ роду меньше или больше такихъ-то въ другихъ родахъ; такъ на пр. Сб. II. стр. 80-я: «память, гдѣ Ростовскіе бывали больше Оболенскихъ, а тѣ Ростовскіе обѣимъ намъ велики;» но никогда, чтобы такой-то родъ былъ вообще больше такого то. — Но мѣстническій распорядокъ, лишенный того свободнаго движенія, которое давала ему Удѣльная Россія, необходимо долженъ былъ своимъ естественнымъ ходомъ выдѣлить изъ себя счетъ старшинствомъ родовъ и вѣтвей рода, какъ отдѣльными, сомкнутыми единицами. Такъ, если разъ приходилось, что одному цѣлому роду не доставало въ случаяхъ (См. Сб. II. стр. 266 «до нашего роду въ тѣхъ случаяхъ не достало») до цѣлаго другаго рода, то продолжительное повтореніе такого недоставанья должно было неизбежно привести къ понятію прямаго старшинства одного рода передъ другимъ. Такъ на пр. Сб. II. стр. 106 «Съ Татевыми меньшими бывали въ меньшихъ Щербатовы большіе» и слѣд. весь родъ Татевыхъ больше всего рода Щербатовыхъ. Повтореніе же такого отношенія необходимо приводило къ положительному старшинству Татевыхъ передъ Щербатовыми. Такъ точно и между вѣтвями одного рода, если родъ пошелъ отъ семи, восьми, братьевъ, то могло приходиться, развѣ какъ одно исключеніе, чтобы кому либо изъ пошедшихъ отъ 6-го или 7-го брата достало до современныхъ ему родичей, пошедшихъ отъ 1-го брата; и такимъ образомъ устанавливалось общее прямое старшинство однихъ линій передъ другими. Такъ на пр. Сб. V. стр. 80. «Бахтеяровъ по роду и разряду меньше Гвоздевыхъ» Бахтеяровы отъ 7-го брата пошли, а Гвоздевы, какъ ока-

зывается по родословной, I. стр. 79. отъ 1-го брата. И наконецъ самый мѣстническій распорядокъ, разъ установившись, и передвигая въ своемъ круговращеніи одни и тѣже родовыя звѣнья (при сравнительной немногочисленности новыхъ вступающихъ звѣньевъ), необходимо долженъ былъ выработать отношенія своихъ членовъ до большей опредѣленности и окончательно привести къ извѣстнымъ разрядамъ между ними и къ тому раздѣленію родовъ, которое мы находимъ въ Котошихинѣ, на роды Боярскіе, Окольніческіе и проч.

Впрочемъ мы уже рано находимъ слѣды такой классификаціи чести, идущей въ разрѣзъ всему закону органическихъ соотвѣтствій мѣстничества. Такъ N. 5. лст. 83. подъ 1519 годомъ: «въ той грамотѣ велено учинить Бутурлина *осподиномъ* Воронцову» а въ Сб. II. стр. 360: «а Одуевской и братья его меньшіе родные, господья наши, живутъ вездѣ въ разрядѣхъ больше насъ, холопей твоихъ.» Собр. Зак. т. I стр. 164. № 12 «Волынскіе наша братья и хуже насъ» Такъ мы видимъ, что отношенія родовыя опредѣляются между одними родами, какъ братья другъ другу т. е. равные, или какъ господья одни предъ другими. Такъ еще подъ 1580 г. Арх. Разр. N. 5. лст. 590: «Головинъ говоритъ, что дѣдъ его въ разрядѣ былъ больше многихъ *Боярскихъ* родовъ.» Вслѣдствіе же такого естественнаго хода мѣстничества, въ дѣлахъ относящихся къ XVIII вѣку, мы уже не рѣдко находимъ почти не встрѣчаемыя прежде указанія на общее старшинство однихъ родовъ передъ другими. Такъ въ дѣлѣ Вельяминова съ Вяземскимъ 1631 года стр. 134 и 82: «а Пріимковыхъ по разрядомъ больше Гвоздевы,» на стр. 44-й: «родители мои по розрядомъ больши были Гвоздевыхъ, Пріимковыхъ—Ростовскихъ и Бахтеяровыхъ и Олсуфьевыхъ и Безниныхъ и Ноздроватыхъ и Звенигородскихъ и Денисьевыхъ Булгаковыхъ.... Вельяминовы были меньши Чихачовыхъ, и Мясныхъ и Милюковыхъ и Голенищевыхъ и Кошкардовыхъ.»

Такъ мы видимъ, что мѣстническій распорядокъ снова распадается на свои составныя части т. е. роды, но уже придавъ имъ новое служебно-родовое начало, или начало придворной аристократіи и своимъ естественнымъ ходомъ вносить въ себя аристократическое начало разрядовъ чести и правъ, самостоятельно принадлежащихъ извѣстнымъ родамъ и лицамъ по ихъ рожденію. Такъ у Котош. гл. II. «1-е роды, которые бывають въ боярехъ, а въ окольнічихъ не бывають; 2-е роды меньше техъ, которые бывають въ окольнічихъ и въ боярехъ.... а бывъ въ спа-

льникахъ, бываютъ пожалованы большихъ бояръ дѣти въ бояре, а иныхъ меньшихъ родовъ дѣти въ окольничіе.» Такъ мѣстничество, замыкаясь въ разряды чести, дѣлаетъ на пр. Боярство положительнымъ правомъ нѣкоторыхъ или только возможностью для другихъ немногихъ, какихъ нибудь 20 родовъ въ государствѣ. См. Котошихина гл. II. § 3. «Роды жъ, которые бываютъ въ думныхъ дворянѣхъ, окольничихъ изъ честныхъ родовъ и изъ среднихъ, и изъ дворянъ; и тѣ роды болши тоѣ чести не доходятъ» Но кромѣ такихъ, можно сказать, естественныхъ выводовъ мѣстничества, мы уже встрѣчаемъ въ немъ въ XVII вѣкѣ другіе, также чуждые ему, смѣжные съ послѣдними понятія или, такъ сказать, аристократическія замашки, вѣроятно пришлыя изъ Польши и обнаруживающія болѣе или менѣе Польское вліяніе. Такъ въ дѣлѣ Вельяминова, мы находимъ не разъ понятіе, не встрѣчаемое прежде въ мѣстничествѣ, о высотѣ *своею степеню*. На стр. 44. Вяземскій говоритъ, что ему меньше Вельяминова быть не возможно по степени своей и по разрядамъ», а на стр. 93: «да и по степени мы больше Вельяминовыхъ отъ Мономахова большова сына Мстислава пошли, а Вельяминовыхъ степень прежде изъ орды къ В. К. Калитѣ, а не отъ Великихъ и не отъ удѣльныхъ Князей пошли, а потому мы и больше Вельяминовыхъ». Здѣсь мы находимъ счетъ старшинствомъ своего рода и знатностию своего происхожденія отъ Великихъ Князей, тогда какъ въ древнѣйшую эпоху, когда еще были живы всѣ преданія удѣльной Россіи и владѣтельнаго княжества и мѣстничалось въ Москвѣ второе или третье поколѣніе бывшихъ владѣтельныхъ Великихъ Князей (коихъ честь, въ понятіяхъ Россіи XV вѣка, не была ничѣмъ ниже чести Великаго Князя Московскаго), мы не находимъ ни разу, чтобы потомокъ или упраздненный наслѣдникъ какого нибудь удѣльнаго или Великаго Князя, мѣстничаясь съ какимъ нибудь недавнимъ Бояриномъ, выходцемъ изъ Орды, Литвы или другаго удѣла, указывалъ на свое Княжеское происхожденіе, и на немъ думалъ опереть права своей чести. Очевидно, что самое понятіе о такой знатности происхожденія, хотя бы и отъ одной крови съ семьею царской, было все чуждо древней Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ мы здѣсь находимъ очевидное и безотводное доказательство, что мѣстничество не было наслѣдіемъ удѣльной системы, которая съ упраздненіемъ своимъ, какъ власть Правительственная, образовала изъ себя Россію служебную, и перенесла въ нее свои родовые счета и понятія,—хотя та-

кая гипотеза и имѣетъ за себя на первый взглядъ много правдоподобнаго. — Очевидно, что если бы удѣльные Князья перенесли въ единодержавную Россію мѣстническій распорядокъ, и они создали служебное мѣстничество — то внесли бы въ него и понятіе о своемъ первенствѣ. Совершенное же отсутствіе такихъ понятій показываетъ намъ, что система удѣльныхъ Княженій была только явленіемъ, подчиненнымъ другому порядку вещей и понятій, правившему всею жизнью и обществомъ древней до-Московской Россіи, который параллельно съ системой удѣловъ приготовлялъ и растилъ въ ней мѣстничество, — на первый взглядъ лишь замѣнившее удѣльную систему, и не прямое произведеніе. Тоже совершенное отсутствіе такихъ понятій показываетъ намъ, что власть Княжеская никогда не доходила въ удѣльной Россіи до личнаго значенія, отъ котораго на оборотъ отправлялось все общество западное. Князь являлся лишь однимъ изъ необходимыхъ органовъ общественнаго порядка, блюстителемъ закона и Божіей правды на землѣ. А потому такъ легко и уступила удѣльная Россія одному высшему блюстителю этой правды и представителю всей земли Руской, какимъ явился Московскій Князь для Рускаго народа. уже понявшаго невозможность своего разумнаго существованія въ удѣльной и междоусобной Россіи. И потому самому каждый Удѣльный Князь, какъ скоро утрачивалъ свое Княжество и тотъ верховный санъ, въ который онъ былъ облеченъ понятіями народными, прямо переходилъ въ ряды народные и наравнѣ со всѣмъ народомъ служилъ новому государю. Удѣльный Князь не вынесъ отъ своего Княчества ни малѣйшаго оттѣнка личнаго отношенія, — и потому въ древней Россіи не только не дорожили княжествомъ, но даже едва ли имѣли понятія о его какомъ либо высшемъ почетномъ значеніи въ обществѣ. Большая часть княжескихъ родовъ добровольно теряетъ и *збываетъ* свое княжество, а другіе княжескіе роды, не продолжая службы Государевой, *замоладавъ* и *захудавъ*, переходили въ народъ; или такъ называемыя низшія сословія. Такъ и доселѣ еще есть на Руси Князья чистой крови Св. Владимира въ однопорцяхъ и сами пашущіе свою землю. — На тоже совершенное отсутствіе личнаго начала указываютъ намъ и свидѣтельства Котошихина о свойственникахъ Царскихъ, что свойство это не давало имъ никакого юридическаго повышенія въ обществѣ. Все это — явленія непонятныя и невозможныя въ западномъ обществѣ; всякій разъ упраздненный владѣтельный Герцогъ или Графъ, не могъ не сохранить

своего первенства въ обществѣ, коего былъ недавнимъ владыкой, какъ своя личность, а не представитель извѣстнаго высшаго понятія.

На доводъ Вяземскаго Вельяминовъ отвѣчалъ такимъ же доводомъ, выходящимъ изъ всего ряда мѣстническихъ понятій, и уже напоминающемъ намъ тѣ эпохи въ аристократіяхъ, какъ на пр. Венеціанской и другихъ, когда извѣстные роды, разъ попавши въ извѣстную перепись, (золотую книгу и др.), уже не допускали въ свой разрядъ не только всякаго новаго пришельца, но и старшіе ихъ роды, которые случайно не попали въ роспись ихъ уложенія. Сб. V. стр. 125: «А будетъ въ родословцѣ роду ихъ Вяземскихъ Князей нѣтъ, и Государь бы меня холопа своего пожаловалъ, велѣлъ мнѣ указъ учинить по прежнему своему уложенію, что неродословнымъ людямъ съ родословными людьми счету не бываетъ» такъ и въ Повс. зап. т. I. стр. 112 и 13 подъ 1635 годъ: «Колтовской посланъ въ тюрьму за безчестіе Львова, что де люди они честные родословные, а вы люди неродословные, а прежде сево неродословные люди на родословныхъ не бивали челомъ»; на той же стр. также посланъ въ тюрьму Фустовъ и на томъ же основаніи: «тычеловѣкъ не родословной, хотя будетъ и бывали родители твои въ розрядахъ больше Борятинскихъ.» И такъ мы видимъ, что въ противность всей основѣ мѣстничества, мѣриломъ чести уже является не честь родителей или бытіе въ меньшихъ съ тѣмъ или другимъ, но признаніе того или другаго рода родословнымъ, и случайная записка въ родословецѣ. Вельяминовъ ссылается на Царское уложеніе, чтобы родословнымъ съ неродословными не считаться, и не считаетъ въ послѣднихъ Вяземскаго потому только, что его роду нѣтъ въ родословцѣ, и потому надобно предполагать, что тогда уже) въ 1631 году) составлены были новыя родословныя росписи, которыя начинали вводить новое опредѣляющее начало для взаимной чести и новыхъ *статей* служилаго сословія (въ это время мы вездѣ находимъ уже бояръ, дворянъ и пр. большихъ среднихъ и меньшихъ статей.) вмѣсто прежнихъ разрядовъ. (*)

(*) Это показываетъ намъ, что для составленія бархатной книги уже былъ готовый матеріалъ, восходящій къ древнѣйшему времени, когда родословія еще имѣли гораздо сильнѣйшее значеніе, и потому нечего сомнѣваться въ общей достовѣрности ея показаній, особенно когда, болѣею частію, они подтверждаются счетами мѣстничества, записанными за столѣтіе и болѣе до ея составленія.

На такое же разложене мѣстничества на статьи и разряды и внесене въ тогдашнюю Россію понятій Польской аристократіи указываетъ намъ одна рукопись, относящаяся вѣроятно къ послѣднимъ годамъ XVII вѣка, и которою мы обязаны И. М. Снегиреву: «Оглавленіе первѣйшихъ родовъ въ прежнее и нынѣшнее время бывшихъ въ Рускомъ государствѣ, котрый родъ отъ кѣго происходитъ и черту ведетъ Столпъ 1-й: Роды Князей, которые происходятъ изъ крове Рурика.—Столпъ 2-й: Роды Бояръ; въ немъ заключаются какъ Бояре у Вел. Гос. бывшіе, такъ и дворяне природные Рускіе, большаго, средняго и меншаго вмененія, и тѣ, которые чрезъ женитбы въ честь отъ Государей возвышены фамиліи.—Столпъ 3-й: Роды выѣзжихъ королевскихъ, ханскихъ, и княжескихъ персонъ, которыя въ Русь въ службу Государей Россійскихъ приѣхали; изъ нихъ нѣкоторые вымерли, нѣкоторые отѣхали, а нѣкоторые и нынѣ въ Россіи обрѣтаются.—Столпъ 4-й: роды тѣхъ выѣзжихъ, которые не называются Князи, также и дворянъ.» Принадлежало ли это раздѣленіе на столпы Родословіямъ самаго Разряднаго приказа, или было только въ обычномъ ходу того времени,—но очевидно, что отсюда ведется выраженіе, доселѣ существующее въ обычномъ языкѣ, что такой-то дворянинъ *столбовой*. —Замѣчательно здѣсь, сверхъ того, что первое мѣсто занимаютъ Княжескіе роды Рюриковичей, потомъ роды природные Русскіе, и свойственные съ Царскимъ домомъ, тогда какъ еще, въ недавнее время, ни тѣ, ни другіе, не только не имѣли ни какихъ особыхъ правъ, но даже не представляли никакого понятія о высшемъ почетѣ. Такъ была далека уже тогдашняя Россія отъ первоначальныхъ понятій, правившихъ ея обществомъ.

То что составляло отличіе мѣстничества отъ всѣхъ аристократій древняго и новаго міра, и потому дѣлало его вовсе неподходящимъ подъ понятіе никакой аристократіи, заключалось особенно въ двухъ признакахъ.—Первый признакъ тотъ, что ни одно лицо и ни одинъ родъ не имѣлъ ни какого значенія и никакого права самъ по себѣ, какъ отдѣльная самостоятельная личность, а потому и не имѣлъ ни какихъ положительныхъ, ему лично принадлежащихъ правъ, но только извѣстное *кандидатство* на совокупность правъ и обязанностей, принадлежащихъ вообще всѣмъ *служилымъ* людямъ общества, кто бы они не были,—и которыя, по извѣстному закону соотношеній, разлагались въ *извѣстную* мѣру между всѣми и каждымъ. Но съ разложеніемъ мѣстническаго организма на статьи и разряды и съ замыканіемъ родовъ въ отдѣльныя цѣлыя, мѣстничество

не только получаетъ характеръ аристократіи, но даже теряетъ то свойство общаго равенства всѣхъ членовъ сословія, которое составляетъ отличительное качество нѣкоторыхъ изъ нихъ, сложившихся не изъ отдѣльныхъ личностей. — Другой, еще существеннѣйшій признакъ мѣстничества, выходящій изъ того же начала и еще полнѣе отдѣляющій его отъ понятія всякой аристократіи, заключается въ томъ, что всякая аристократія нераздѣльна съ понятіемъ известнаго привилегированнаго сословія, пользующагося известною совокупностью правъ надъ другими низшими сословіями, или такъ называемымъ народомъ. Въ мѣстничествѣ же мы видимъ, что является принадлежащимъ къ нему всякій служащій обществу въ отправленіи его внѣшней дѣятельности, всякій выступающій изъ общей массы народа, какъ слуга или человѣкъ Царскій, — одинъ изъ органовъ общественной дѣятельности, коей Царь глава и Государь. (см. Котош. гл. II. стр. 22. а «*кто посажкой человѣкъ или крестьянинъ отпуститъ своего сына на службу, или кто нибудь отпуститъ сына своего на службу въ солдаты или въ подьячіе и инымъ царскимъ человѣкомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малые чести дослужатся повыше и отъ того поидетъ дворянской родъ.*») И потому всякій человѣкъ, принадлежащій мѣстническому распорядку, являлся въ обществѣ, не какъ представитель известныхъ правъ надъ другими людьми, а исполнителемъ известной общественной обязанности и пользующимся только известными правами — на исполненіе той или другой обязанности въ обществѣ и на связанный съ нею почетъ въ немъ. Такъ и все служилое сословіе пользовалось только известными правами *внутри себя*, на исполненіе тѣхъ или другихъ общественныхъ обязанностей, тѣми или другими изъ его членовъ. — Всякая аристократія отправляется отъ понятія тѣхъ правъ, которыя могутъ одни люди имѣть, или приобрести въ обществѣ надъ другими людьми; — мѣстничество же отъ понятія обязанности, которую человѣкъ долженъ нести передъ обществомъ.

Въ XVII вѣкѣ Россія, испуганная междуцарствіемъ, которое представило такое хаотическое состояніе общества, потому что человѣкъ не былъ связанъ въ немъ никакою условностью, начинаетъ съ прикрѣпленія каждаго лица къ тому мѣсту, которое онъ случайно занималъ въ обществѣ, или на почвѣ Государства. (*)

(*) Сравни указы Шуйскаго и др. съ тѣми же статьями, предшествовавшими въ 140^е

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ совпало съ фактомъ владѣнія землями служилымъ сословіемъ за его службу, и передало мѣстническому распорядку понятія о правѣ и дѣйствительныя права надъ другими,—дотола незнакомыя ему; и тѣмъ лишило его послѣднихъ признаковъ, отдѣляющихъ его отъ аристократіи. Такимъ образомъ элементы Русской жизни XVII вѣка готовили ей, подъ вліяніемъ Польскаго сосѣдства, ту же Польскую аристократію со всѣми ея гибельными и страшными послѣдствіями для государства; но благая воля Царя Θεодора и Патріарха, и здравый смыслъ Русскаго народа, — призванный на совѣтъ Соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества, — предупредили зло, а Петръ Великій сдѣлалъ его невозможнымъ.

Впрочемъ еще въ Котошихинѣ находимъ мы многія свидѣтельства, указывающія намъ, что все нами сказанное относится болѣе къ образованію одной высшей аристократіи, или олигархіи изъ немногихъ знатнѣйшихъ родовъ, а не цѣлаго аристократическаго сословія, хотя безспорно, что и это стремленіе уже ясно обозначилось въ это время. Стр. 18. глав. II. § 3. «есть потомъ и иные многіе добрые и высокіе роды, только еще въ честь не пришли за *принципою* и за *недослуженіемъ*». § 10 «жильцы, а дѣти они дворянскіе же, и дѣячьи и подъяческіе. И изъ того чину бываютъ въ стряпчихъ, и въ стольникахъ, и въ думныхъ людехъ, и въ рейтарехъ, и въ салдатѣхъ; да и всѣмъ боярскимъ, и окольныхъ и думныхъ людей дѣтемъ, служба бываетъ при Царскомъ дворѣ *такова же*, только по породѣ своей одни съ другими неровны.» Таковой же или одинакой службы (кромя исключеній) никогда не могло быть для сына *villain* или *roturier* съ сыномъ Маркиза или Графа въ аристократіяхъ западныхъ. § 11. «Дворяне городовые и дѣти боярскіе, ратные люди собираются изъ всякихъ чиновъ людей, а иные многою своею службою и пономъ *свободились отъ рабства* и отъ *крестьянства*, и у кого были *помѣстья и вотчины* и нынѣ по прежнему за ними; а у которыхъ людей *помѣстей* и *вотчинъ* не было, и имъ за службы и за полное терпѣніе *помѣстья и вотчины* даны.» § 12 «а кто посадской человекъ, или *крестьянинъ*, или *кто нибудь, отпус-*

женіе или новоуказныя статьи. Понятіе вольнаго человека перешло въ понятіе людей *гуляющихъ* (стоящихъ въ Уложеніи послѣдними въ спискѣ платъ за безчестіе) т. е. не прикрѣпленныхъ еще ни къ какому разряду въ обществѣ, а обыкновенно переходившихъ изъ кабалы одному господину въ другую.

титъ сына своего на службу въ салдаты и въ рейтары или въ приказъ подъячимъ и инымъ царскимъ человекомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малые чести дослужатся повыше, и за службу достанутъ себѣ помѣстья и вотчины, и отъ того поидетъ *дворянской родъ*» Впрочемъ не можетъ быть ни какого сомнѣнія, что и въ это время еще не было ни какого юридическаго понятія о дворянствѣ, какъ *сословія*; если же и было понятіе о немъ, то какъ одно обычное представленіе и стремленіе мѣстническаго распорядка, который, также какъ онъ выдѣлилъ изъ себя касту родовъ боярскихъ, такъ точно стремился выдѣлить изъ себя такую же касту родовъ *Дворянскихъ*. Дворянство же, до самаго Петра, было только однимъ изъ подраздѣленій чиновной лѣстницы служилаго сословія, также какъ жильцы, стольники и пр. Но въ этой лѣстницѣ чиновъ дворяне Московскіе слѣдовали за чинами съ особенными должностями, какъ страпчество, стольничество и пр., — которые не могли быть многочисленны и были вообще *служилыми людьми* «для всякихъ посылокъ и ратнаго дѣла». Сверхъ того, кромѣ дворянъ *Московскихъ*, были дворяне городовые или дѣти Боярскіе, которые составляли послѣднюю степень служилаго сословія, — какъ вообще ратные люди всѣхъ городовъ Московскаго Государства, и потому вѣроятно, превосходили числомъ всѣ остальные чины, связанные преимущественно съ одною службою въ Москвѣ, или при дворѣ Царскомъ. — И потому очень естественно, что когда классъ служивыхъ людей началъ образовываться въ сословіе, то за нимъ осталось названіе *дворянъ*, а не стольничества или др. До самаго Петра изъ общей массы народа, съ его естественными раздѣленіями по образу жизни и занятій, крестьянина—пахаря, посадскаго—ремесленника, гостя—купца и т. д. выдѣлялся только одинъ разрядъ людей служилыхъ — также на основаніи его занятія въ обществѣ, но занятія не дѣломъ частнымъ, а общественною службою: а потому и могло существовать одно только понятіе объ людяхъ служилыхъ вообще и служащихъ *въ данное время*, какъ «ратныхъ людяхъ изъ всякихъ чиновъ» или *царскихъ людяхъ*, которые отпущены семьей на службу, будь то изъ крестьянъ, изъ посадскихъ, дворянъ и пр. Когда же, при Петрѣ I, классъ людей служилыхъ былъ обращенъ въ *дворянство*, какъ *сословіе*, то разумѣется вошли въ него лишь тѣ, которые случайно находились въ то время на службѣ, и преимущественно всѣ, имѣвшіе помѣстья или вотчины и потому обязанные службою. Многіе же, принадлежавшіе къ тѣмъ же родамъ, или коихъ отцы бывали въ чинахъ

не менѣ высокихъ, не попавъ случайно на службу, не попали и въ дворяне, и постепенно перешли въ низшія сословія — мѣщанство или крестьянство; другіе же изъ тогдашнихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не хотя подчиниться службѣ, какъ ее понималъ Петръ I, нарочно *хоронились*, чтобы *избыть* службы, нѣтъмъ самымъ избыли и дворянства для себя и своего потомства. Сверхъ того, многіе изъ тѣхъ даже, которые были жалованы Царями за ихъ службу землями въ потомственныя помѣстья или вотчины, и были такіе же *помѣщики* и въ однихъ правахъ со всѣми *помѣщиками* тогдашней Россіи, но неимѣвшие довольно достатка, чтобы приобрести своихъ крестьянъ и не оставившіе своего очага и сохи, чтобы идти на службу, перешли въ однодворцы или казенные крестьяне. Таковы особливо доселѣ существующія многія деревни на прежнихъ границахъ Россіи, и которыя имѣютъ такіе же жалованныя грамоты на земли, какъ и всѣ помѣщики, сохранившіе свои родовыя помѣстья; многія же изъ такихъ селеній, при раздачѣ казенныхъ имѣній за заслуги новаго дворянства, перешли и въ крестьянство крѣпостное.

На стр. 137: «И писалъ къ Гос. Сем. Алферьевъ, что вѣлно ему быть в Монастырейскомъ. А в Черниговѣ Вас. Туренинъ да Онд. Измайловъ; и ему къ Онд. Измайлову писать невмѣсно, что Монастыревской Черниговской пригородъ. И писано отъ Гос. к Сем. Алферьеву с товарищи, а велено имъ о всякихъ Гос. дѣлахъ писать в Черниговъ к воеводе ко Кн. Вас. Туренину с товарищи. А в Черниговѣ Туренину да Измайлову писано: Кн. Туренину к Сем. Алферьеву стовар. писать одному.» Все это мѣсто мы находимъ слово въ слово Сб. II. стр. 209 въ дѣлѣ подъ 1600 год. Внесено же оно было въ него, разумѣется, изъ современныхъ разрядовъ,—въ чемъ и находимъ ясное свидѣтельство, что редакція нашей Разрядной относится ко времени до 1600 г., когда происходило дѣло. Впрочемъ составъ всѣхъ разрядныхъ вообще долженъ быть современный самимъ службамъ, коимъ они вели перечень; и различіе въ нихъ, кромѣ произвольныхъ измѣненій переписчиковъ, должны быть относимы къ разнымъ, болѣе или менѣ полнымъ или дѣлаемымъ съ тою или другою цѣлью, редакціямъ тѣхъ же разрядовъ.

Черниговскому воеводѣ вѣлно было писати с товарищи къ Монастыревскому воеводѣ стоварыщи и на оборотъ; ибо при этомъ честь каждаго воеводы отвѣчала чести другаго воеводы, а честь товарищей въ Черниговѣ чести товарищей въ Монастыревскомъ, и имъ было вмѣстно писать

другъ другу. Воеводѣ же Черниговскому вѣльно было одному писать воеводѣ Монастыревскому; ибо если Монастыревскому воеводѣ и было вмѣстно получать приказанія отъ воеводы Черниговскаго, то не было вмѣстно получать ихъ отъ его товарища Измайлова.

Большая же честь Чернигова передъ Монастыревскимъ служить только подтвержденіемъ тому, что мы уже не разъ сказали о взаимной чести городовъ между собою. Замѣтимъ только при этомъ неопредѣленность, существовавшую и въ этихъ, такъ сказать, вещныхъ отношеніяхъ мѣстнической чести городовъ или *мѣстъ*, и разныхъ частей или *мѣстъ* въ городахъ между собою; такъ на пр. Сб. II. стр. 69-я: «Соейская сторона въ Новгородѣ показана честнѣе Торговой,» но въ Виѣ. т. XIV. стр. 472 мы находимъ: «Шереметевъ билъ челомъ на Бутурлина, потому что онъ на Соейской сторонѣ, а Бутурлинъ на Торговой; челобитѣе было принято и обѣщано, какъ служба минется, дати судъ.» — Но Бутурлинъ, съ своей стороны, писалъ, «что во всѣхъ росписяхъ Соейская сторона именуется больше Торговой, и ему меньше Шереметева быть нельзя.» на стр. же 474 мы находимъ: «что городовое дѣло дѣлать воеводомъ всѣмъ вмѣстѣ обѣ половины города, и на обѣихъ сторонахъ промыслиати городовымъ дѣломъ собѣа.» — Но вѣроятно, что это взаимное противорѣчіе въ чести обѣихъ сторонъ не было неопредѣленностью въ ихъ отношеніяхъ, но что большая честь каждой стороны передъ другою была завѣщана XVI вѣку исторіею общественной жизни Новгорода. — Наука можетъ быть со временемъ открыть, какимъ образомъ въ одну эпоху его обществѣнности, высшая честь и значеніе въ Новгородской общинѣ принадлежала Соейской сторонѣ, а въ другую, вѣроятно позднѣйшую, сторонѣ торговой. Такъ мы видѣли, что еще, въ половинѣ XVII-го вѣка, Владиміръ иногда считался честнѣе Москвы; но вѣроятно, что въ другихъ случаяхъ Москва была нерѣдко считаемъ честнѣе Владимира; ибо не могло величіе Московскаго единодержавія мало по малу не вытѣснить древняго понятія о высшей чести Владимира передъ Москвой, его пригородамъ. — На такое общественное старшинство однихъ городовъ передъ другими нерѣдко указываютъ наши лѣтописцы; особенно же замѣчательно въ лѣтоп. по Кѣнигсб. списку; на стр. 261 и 262. «Новгородцы же изначала, и »Смолняне и Кіяне и Полочане, и вся власти егда на вѣчѣ »сходится, что старѣйшіи здумаютъ на томъ и пригоро- »ди стануть..... Ростовцы и Суздальцы давнии, старшии

«творящесь, не разумѣша правды Божіея исправити; *новѣи* же людіе *мизенніи* Володимерстїи, яшась по правду крѣпко». Здѣсь *давній* противуполагается *новому*, а *старшій* *мизеннему* т. е. меньшему (*).

На стр. 142-й мы находимъ два челобитья на одного и того же воеводу Щербатова и по одному и тому же разряду, но «Сонцевъ билъ челомъ на дѣда Кн. Щербатова, а Молевъ билъ челомъ прямо на Щербатова» и на той же стр: «Кн. Ив. Звенигородскій билъ челомъ въ брата своего мѣсто роднаго Семена.» Эти два случая служатъ только новымъ свидѣтельствомъ къ сказанному нами выше стр. 96 объ отвѣтѣ и искѣ въ мѣстническихъ спорахъ одного родича вмѣсто другаго. — Замѣчательнъ же первый случай, въ которомъ оба челобитчика били на одно и тоже лице и по одному и тому же разряду; но для перваго челобитчика высшимъ въ противномъ роду, до котораго ему *доставало*, былъ дѣдъ настоящаго отвѣтчика, съ которыми произошла *стычка* двухъ родовыхъ отношеній; во второмъ же случаѣ дѣйствительный отвѣтчикъ, съ которыми была стычка, былъ вмѣстѣ и высшимъ, до котораго ему доставало.

На стр. 150, тоже N. 5 лс. 229-й: «Ю. Трубецкой билъ челомъ на Катырева, а дядя Юрьевъ Тим. Трубецкой сказалъ передъ Государемъ: мочно быть племяннику моему со Кн. Иваномъ Катыревымъ,» чѣмъ вѣроятно все дѣло и кончилось. Здѣсь мы находимъ слѣды той судебной власти, которую имѣлъ въ мѣстническихъ спорахъ всякій высшій родичъ надъ своими меньшими, и указаніе, — также какъ и въ приведенномъ нами выше свидѣтельствѣ о судѣ Ромодановскаго съ его племянникомъ ихъ старыми родителями, — на существованіе родового суда (особливо же въ древнѣйшую эпоху мѣстничества), равносильнаго въ обычныхъ понятіяхъ съ судомъ Царскимъ или разряднымъ.

На стр. 153: «Сказано окольничество Кн. Вас. Туренину; у скаски стоялъ Окольничей Ив. Бутурлинъ. Окол. Бутурлинъ билъ челомъ, в отечестве о счете, что ему у скаски стоять, для Князь Дмитрея, невмѣстно. И Ц. і В. К. Ивану сказалъ: «бьешъ челомъ не о дѣлѣ; тутъ мѣстъ нетъ.» Повс. Зап. т. 1-й стр. 78. Въ приведенномъ нами выше спорѣ Пожарскаго съ Пушкиными, мы видѣли, что когда сказывалъ боярство Пушкинъ Пожарскому, Го-

(*) *Давній* и *мизенніи*, не находятся въ печатномъ и дополнены по подлиннику списанномъ Г. Ермолаевымъ.

сударь указалъ: «для своего Царскаго вѣнца быть безъ мѣстъ,» а не потому что «*тутъ мѣстъ нѣтъ*» и слѣд: мѣста при сказываніи чиновъ были, на что намъ указываетъ и то, что впоследствии сказываніе боярства Пожарскому Пушкинымъ было сочтено разряднымъ судомъ (см. о томъ же стр. 123) Но вмѣстѣ съ тѣмъ такое сосчитыванье служебъ, объявленныхъ сначала безмѣстными, объясняетъ намъ и частыя уклоненія отъ назначеній правительства, не смотря на его объявленія службы безмѣстною.

